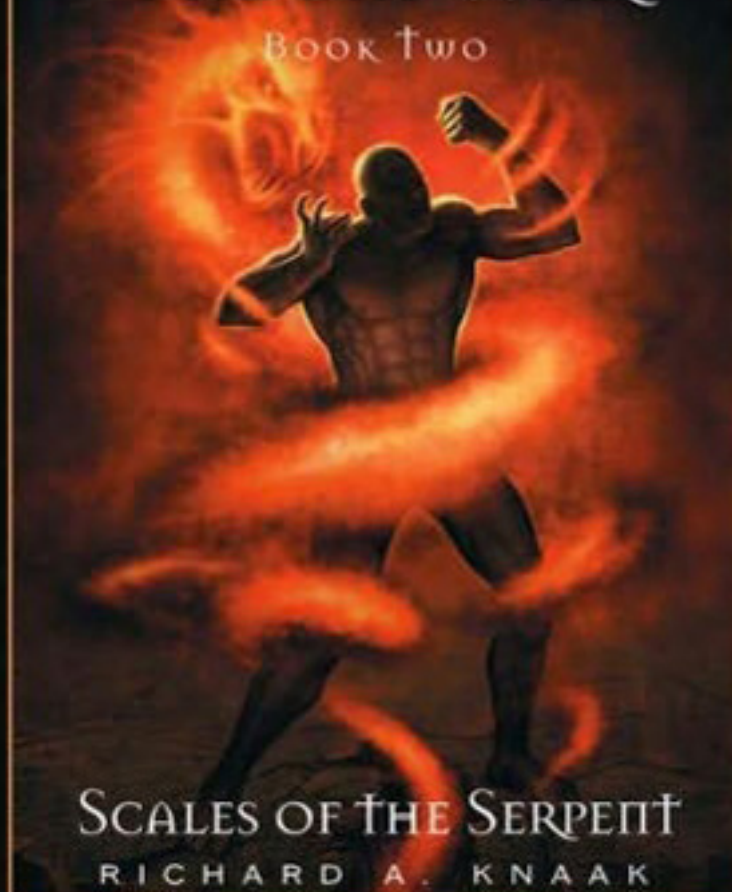

FROM THE NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

DIABLO®

THE SIN WAR

BOOK TWO

SCALES OF THE SERPENT

RICHARD A. KNAAK

Ричард Кнаак

Война Греха

Книга вторая. Весы змея

Только для ознакомительного чтения. Все права на книгу принадлежат её автору и компании Blizzard Entertainment.

Подготовил ExileLiNk, специально для сайта:

<http://indiablo.ru/>

Автор перевода: D@mmу

2012

Перевод книги осуществлён Гутковским Дмитрием (aka D@mmy) в 2011-2012 гг. специально для <http://indiablo.ru/> - фансайта по игре Diablo III. Изменение переведённого текста без уведомления переводчика не приветствуется. С другой стороны, сообщить о найденных ошибках, а также оставить свои пожелания и предложения вы можете, написав по адресу: dimchik2001@mail.ru.

Перевод любительский и предназначен для общего ознакомления с содержанием книги. Все права на книгу принадлежат её автору Ричарду Кнааку и компании Blizzard Entertainment.

Содержание

<u>Пролог</u>	5
<u>ГЛАВА ПЕРВАЯ</u>	6
<u>ГЛАВА ВТОРАЯ</u>	13
<u>ГЛАВА ТРЕТЬЯ</u>	21
<u>ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ</u>	27
<u>ГЛАВА ПЯТАЯ</u>	34
<u>ГЛАВА ШЕСТАЯ</u>	41
<u>ГЛАВА СЕДЬМАЯ</u>	51
<u>ГЛАВА ВОСЬМАЯ</u>	59
<u>ГЛАВА ДЕВЯТАЯ</u>	66
<u>ГЛАВА ДЕСЯТАЯ</u>	75
<u>ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ</u>	83
<u>ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ</u>	91
<u>ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ</u>	100
<u>ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ</u>	108
<u>ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ</u>	117
<u>ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ</u>	124
<u>ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ</u>	132
<u>ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ</u>	139
<u>ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ</u>	147
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ</u>	154
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ</u>	161
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ</u>	167
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ</u>	175
<u>ОБ АВТОРЕ</u>	178

Для всех преданных и очень терпеливых поклонников мира Санктуария

Пролог

...Мир был навсегда изменён вторым пришествием нефалемов, но более всех изменился первый из их рода, Ульдиссиан уль-Диомед. Ничего для себя не желая, кроме как простой и достойной жизни фермера, теперь он был вынужден стать катализатором переворота. Благодаря ему будет открыта правда о мире Санктуария, как называют мир те, кто более всех жаждет управлять им. Благодаря ему остальные узнают о бесконечной войне между ангелами и демонами под личиной Собора Света и Храма Триединого.

Зная, что Ульдиссиан может перечеркнуть все их планы, как Собор, так и Храм, каждый своими способами, стремились сделать из него свою марионетку либо полностью уничтожить его. Что ещё хуже, испытал предательство той, кого он считал своей возлюбленной, Ульдиссиан стал опасен для самого себя, ибо он рисковал не увидеть происходящего вокруг него, пусть даже хотел освободить людей из-под гнёта тех, кто считал себя полноправными хозяевами людской расы.

Но хотя Ульдиссиан чувствовал, что судьба Санктуария целиком возложена на его изнурённые плечи, он не мог знать о существовании других, кто на протяжении столетий сражался с теми же врагами, сражался, несмотря на кажущуюся безнадежность их попыток.

Он не мог этого знать, и, возможно, это было к лучшему... Ибо они, в свою очередь, не были уверены, стоит ли его приветствовать... Или уничтожить, как считали правильным ангелы и демоны.

Из Книги Калана

Пятый том, первый лист

Глава первая

Тораджа горела...

Хотя и никогда не могла потягаться с грандиозным Кеджаном размерами и величием, Тораджа всё же была широко известна своими достопримечательностями, привлекающими странников и местных. Сразу за северо-западными воротами располагался в ней огромный и открытый рынок, где практически любой товар с освоенных земель мог быть куплен или продан по справедливой цене. Неподальёку от городского центра много сотен лет назад были разбиты затейливые сады, в которых можно было любоваться спиралевидными деревьями или знаменитыми цветками фало, на каждом лепестке которых насчитывалось более дюжины вариаций ярких расцветок и запах которых никак не могли воспроизвести парфюмеры. Позади них возвышалась арена Клитос – место проведения ниролийских игр, привлекающих посетителей даже с разросшейся столицы.

Но все эти прославленные места, часто забитые до отказа, пустовали в этот ужасный вечер. В самом деле, активность наблюдалась в единственной части города, и уж это было заметно из глубоких джунглей за милю вокруг от Тораджи.

Тораджа горела... И центром воспламенения был Храм Триединого.

Пламя освещало небеса высоко над трёхбашенным треугольным строением, крупнейшим храмом секты после главного храма неподалёку от Кеджана. Чёрный дым вился над передней башней, что была посвящена Мефису, одному из трёх направляющих духов. Огромный красный круг, знаменующий вместе орден и *любовь* – предполагаемую сферу влияния Мефиса – висел наискось. Вылитый из железа, огромный круг теперь представлял угрозу для тех, кто находился внизу: урон от огня уничтожал последние его опоры. Первоначальные строители никак не предполагали, что такая судьба ожидает строение, и потому не добавили дополнительных опор.

Если бедствие неизбежно угрожало башне Мефиса, то Диалона справа оно уже поглотило. Гордая голова барана – символ упорства – всё ещё висела высоко, но выше её строение было обращено в руины. Странное дело, но мало что с верхних этажей упало на улицы внизу; большая часть камней и древесины лежала кучей наверху, словно башня была каким-то образом взорвана.

Сотни фигур заполнили область вокруг ступеней, ближайшие к выходу были облачены в лазурные, золотые и чёрные робы трёх орденов. С ними стояли десятки закрытых капюшонами фигур в нагрудниках – храмовые надзиратели мира – с мечами и пиками в руках. Верные последователи Храма сражались с отрядом, чьи передние ряды были одеты в простые крестьянские и фермерские одежды верхних земель далеко к северо-западу от огромных джунглей. Бледная кожа и более плотные одежды этих первых фигур составляли резкий контраст не только в большинстве своём смуглым служителям храма, но также тем, кто совершал большую часть успешных наступлений позади передних нападающих. В самом деле, в массе своей Триединое атаковали коренные жители Тораджи, приметные своими широкими, струящимися красными и фиолетовыми одеждами, а также длинными чёрными волосами, связанными на затылке.

Хотя именно нападавшие держали бо́льшую часть факелов, пламя, поглотившее многие соседние участки города, не было, по большей части, делом их рук. На самом деле никто не мог с уверенностью сказать, откуда взялись первые огни; похоже было только, что поначалу их направляли жрецы... И этого оказалось достаточно, чтобы симпатия к Триединому уступила место ярости.

Эта ярость и стала той побудительной силой, которая была необходима, чтобы подстегнуть Ульдиссиана разрушить храм без дальнейших промедлений. Когда он только прибыл в Тораджу – и как только превозмог ошеломление от такого большого числа людей, сгрудившегося в одном месте, – Ульдиссиан думал постепенно оказывать влияние на население, призывая просто выгнать жрецов и их подопечных из города. Но после такого гнусного злодеяния, – из-за которого погибли десятки местных и даже кое-кто из его первоначальных приверженцев, – ни капли сожаления не осталось в сердце бывшего фермера.

«Я пришёл сюда в надежде научить, наставить людей, – с горечью подумал Ульдиссиан, подбегая к ступеням. – Но они вынудили нас к этому».

Толпа расступалась, хотя и не видела его. Любой, кого касалась внутренняя сила Ульдиссиана – сила нефалемов, – мог почувствовать его приближение. Движущая сила толпы приостановилась, когда она осознала, что у Ульдиссиана есть что-то на уме.

До сих пор он не был причиной разорения, какое охватило храм. Это были результаты более примитивных попыток некоторых его последователей-энтузиастов, таких как Ромий, один из лидеров партанцев. Ромий был из группы наиболее продвинутых помощников Ульдисиана. Парте довелось второй увидеть чудо дара Ульдисиана после Серама, его родной деревни. Правда, в отличие от Серама, где сына Диомеда объявили убийцей и чудовищем, в Парте люди поприветствовали его способности и разделили его простые, но искренние верования.

Ульдисиан не вписывался в образ пророка-завоевателя, какими их обычно рисуют сказки. Не был он ни ангельским, не имеющим возраста юношей, как тот, кто управлял Собором Света, – соперничающей с храмом сектой, – ни сребровласым, почтенным старцем, таким как Примас, чьи прислужники теперь ожидали гнева Ульдисиана. Призванием Ульдисиана уль-Диомеда было землепашество. С квадратными скулами и грубо вытесанными чертами, наполовину прикрытыми короткой бородой, он был крепко сложен вследствие тяжёлой жизни, но в остальном ничем не примечателен. Песочного цвета растрёпанные волосы спускались до шеи: в этот вечер было не до опрятности. Ульдисиан был одет в простые коричневые рубашку и штаны и в поношенные сапоги. У него не было оружия кроме ножа, прикреплённого к поясу. Действительно, он не нуждался в оружии, он сам был смертоноснее самого острого клинка или самой быстрой и точной стрелы.

Или даже отряда надзирателей мира, которые в этот самый момент устремились на него вниз по ступеням. Позади них жрец Диалона повелительно выкрикивал приказы. Ульдисиан не питал особой ненависти к глупцу, ибо знал, что священник просто озвучивает слова своего начальника, скрывающегося где-то в глубине храмового комплекса. Но всё равно как воины, так и жрец понесут наказание за свою рыаную преданность нечестивой секте.

Ульдисиан подпустил стражей почти на расстояние досягаемости оружия, а затем, в какое-нибудь мгновение ока, отправил их всех в полёт по различным направлениям. Некоторые натолкнулись на колонны наверху ступеней, и было слышно, как хрустят их кости; другие пролетели аж до бронзовых дверей, где свалились нескладными кипами. Несколько улетело в стороны, с неприятным грохотом приземлившись к ногам ожидающей толпы, которая шумом приветствовала такую демонстрацию силы их лидера.

Лучник, стоявший рядом со жрецом, выстрелил. Он не мог принять худшего решения. Ульдисиан нахмурился, и это было единственным внешним намёком на ужасные воспоминания, которые пронесли в его голове. Он вновь пережил минуту, когда его друг Ахилий стоял перед демоном Люционом, который под маской Примаса создал Триединое, чтобы очернять и управлять человечеством. Так же отчётливо, будто это происходило сейчас, выпущенная охотником стрела по повелению демона развернулась и пронзила горло Ахилия.

Теперь Ульдисиан проделал то же со стрелой, которая была пущена в него. Без промедлений она развернулась и устремилась назад. Лучник замер в ужасе... Но не он был целью.

Стрела словно беспрепятственно пронзила грудь жреца и полетела дальше, всё ещё с ускорением, пока не достигла двери с круглым символом Мефиса. Там, ведомая волей Ульдисиана, стрела попала прямо в центр круга – прямо в яблочко, зарывшись глубоко в металл.

Это произошло так быстро, что только тогда тело жреца всколыхнулось. Он испустил булькающий звук, и кровь хлынула не только из раны, но и изо рта. Выражение его лица приняло безразличный вид... А затем облачённая в мантию фигура повалилась вперёд, скатываясь по ступеням в страшном беспорядке свободно висящих конечностей.

Лучник уронил оружие и упал на колени в малодушном ошеломлении. Он уставился на Ульдисиана, ожидая своей участи.

Смертельное спокойствие заполнило округу. Ульдисиан ринулся к страже. Позади одного поражённого воина остальные защитники храма мрачно пытались перегруппироваться. Кровь ещё нескольких наиболее пылких последователей Ульдисиана окропляла зону, подтверждая намерение надзирателей мира не оставлять живых.

Стиснув зубы, Ульдисиан положил руку на плечо преклонённого стражника. Голосом, похожим на раскаты грома, сын Диомеда сказал: «Этого оставим... В качестве назидания, – он посмотрел на других надзирателей мира. – Остальные могут присоединиться к Примасу в Аду».

Его слова вызвали лёгкое замешательство в рядах вооружённых стражников, которые не знали, что Ульдисиан убил Люциона. Ульдисиан уже не в первый раз замечал такую реакцию, и мог только предполагать, что весть о необъяснимом исчезновении Примаса ещё не долетела до внешних храмов. Старший жрец, очевидно, утаивал признаки бедствия от своего собственного стада, но Ульдисиан позаботится о том, чтобы мир как можно скорее узнал правду.

Не то чтобы это значило что-нибудь для тех, кто в Торадже. После этой ночи Триединое превратится лишь в бранное слово для местных... Как, очень может быть, и его собственное имя.

Он оглядел стражников и жрецов. «Довольно чужой крови вы пролили. Теперь пришло время заплатить своей собственной».

Один из надзирателей мира вдруг поперхнулся. На его горле открылся рубец... Из которого хлынула кровь. Он попытался закрыть его рукой, но рука тоже стала обильно кровоточить. Новые порезы распространялись по всему его телу, словно невидимые мечи резали его по всем направлениям. Из каждого пореза лилась новая кровь.

Люди стали отступать от него, но сначала у одного, а затем и у остальных стали появляться похожие, но не точно такие же, раны и порезы на телах. Кровь даже просачивалась из-под нагрудников, шлемов и капюшонов.

Первый человек наконец упал, алая лужа размером с его голову уже разлилась по некогда чистому мрамору под ним. За его падением быстро последовало ещё одно... А затем стражники храма и жрецы стали падать в большом количестве. Они получали в сотню раз более ужасные раны, чем те, которые они сами наносили не только людям Ульдисиана, но и тайным жертвам на протяжении многих лет до них. Никто не уцелел в группе, которую Ульдисиан обозрел своим губительным взглядом.

И повсюду в рядах обороняющихся у жестокосердых надзирателей мира сдавали нервы. Они стали покидать строй, и жрецы не делали ничего, чтобы остановить их, ибо они тоже тряслись от непередаваемой силы одинокой, незначительной на вид фигуры.

Толпа взревела с новой силой при признаках безоговорочной победы и снова ринулась вперёд. Оставшиеся надзиратели мира были окружены и, как и провозгласил Ульдисиан, не получили пощады. Ульдисиан прошёл дальше мимо жуткого сражения, больше озабоченный тем, что лежало за стенами. Надзиратели мира и младшие жрецы ничего не значили; истинная угроза ожидала его глубоко в святилище главного священника, который держал ответ непосредственно перед Примасом, и потому знал нечестивую правду, касающуюся происхождения Триединого и его цели.

Три двери встали теперь перед Ульдисианом: баран Диалона, круг Мефиса и листок Балы – все на уровне глаз. Стрела, пронзившая насквозь жреца, всё ещё колыхалась в средней двери, через которую он решил теперь войти, несмотря на то, что заметил, что она забаррикадирована изнутри.

Звук ломания раздался от двери. Вся она затряслась, словно готовая взорваться. Вместо этого она, однако, *отскочила* назад, рванувшись с такой силой, что две петли оторвались от камня, и дверь осталась висеть склонённой набок.

Ульдисиан ощущал, что сразу за ним идут несколько его сторонников. С этого момента он мог остановить их не лучше, чем могли бы надзиратели мира. Они были слишком поглощены жадой возмездия.

Внезапно это взволновало его. Ульдисиан понимал причину их гнева. Когда он, его брат Мендельн, их подруга Серентия и партанцы вступили в Тораджу больше двух недель назад, можно было подумать, будто усталые путники восхищены зрелищем вокруг них. Ульдисиан пришёл с намерением *мирным образом* открыть свой дар всем желающим принять в нём участие, но с самого начала Триединое реагировало так, словно логово змей вдруг было потревожено изнутри.

Два дня спустя, когда толпы стали собираться вокруг него на базаре – просто для того, чтобы услышать его историю, – тораджийская стража пришла, чтобы силой выгнать его сторонников из города, а самого бывшего фермера отвести в неизвестное место заключения. Никаких объяснений не было дано, но быстро стало ясно, что приказы исходили непосредственно из храма.

До этого момента Ульдисиан начинал верить, что Тораджа может обернуться тем, чем стала Парта. Опять же, быть может, два города были даже больше похожи, чем он подумал изначально, ведь разве не ударило Триединое по нему также и там? Под командованием высшего жреца Мефиса – садиста Малика – друзья были зверски убиты, а сам Ульдисиан чуть не стал беспомощным заключённым.

Позади него раздался крик, резко оборвавший его размышления. Ульдисиан обернулся.

Два человека растянулись мёртвыми на покрытом плитками полу, ещё трое были тяжело ранены. Маленькие металлические звёздочки торчали у них из горл, грудей и других частей тела. Мёртвые были партанцами, и новая потеря тех, кто самостоятельно выследил улизнувшего Ульдисиана в густых джунглях, потрясла его особенно.

С яростным жестом он послал волну воздуха через залу. Сделано это было как раз вовремя, так как заморозило новую кипу металлических звёздочек – очевидно, их приводил в действие какой-то механизм на стенах – прямо в полёте. Большею их части Ульдисиан позволил безвредно свалиться на пол, но несколько послал обратно в отверстия, из которых они вылетели, чтобы предотвратить запуск новых. Сделав это, он ринулся к раненым.

Все умирающие были тораджанцами, и одного из них Ульдиссиан хорошо знал. Жезран Рашин был первым местным, который подошёл к бледнолицему незнакомцу на площади, этот темнокожий юноша был единственным сыном богатого торговца. У него не было веских причин, чтобы добровольно слушать – и тем более принимать – то, что говорил Ульдиссиан, ибо Жезран вряд ли в чём-то нуждался в своей жизни. И всё же он слушал, и слушал внимательно. Когда Ульдиссиан предложил разделить свой дар с любым желающим тораджанцем, именно Жезран первый вышел вперёд.

Умирающий мальчик посмотрел вверх на расплывающуюся в его глазах фигуру. Как и у всех других тораджанцев, по мнению Ульдиссиана белки глаз у Жезрана были гораздо ярче и выразительнее. Он знал, что иллюзия обусловлена более тёмной кожей последнего, но всё равно находил вид их обезоруживающим.

Жезран сумел болезненно улыбнуться. Он приоткрыл рот... И умер. Ульдиссиан исторг проклятье, зная, что раненный юноша уже за пределами досягаемости его умений.

Но с остальными могло быть *иначе*. Осознав это, Ульдиссиан осторожно опустил голову Жезрана, а затем подскочил к следующей жертве, немедленно кладя ладони на лоб тораджанца.

Мужчина издал сиплый вздох. С неприятным звуком коварные звёздочки выскочили из ран... которые после этого *затянулись*. Тораджанец с благодарностью улыбнулся.

Ульдиссиан проделал то же с третьей жертвой, женщиной, а затем с горечью взглянул на тело Жезрана. «Двое живы, но один умер. Слишком много для моего хвалёного дара...»

-Он не держит на тебя зла,- сказал Мендельн сзади Ульдиссиана, голос брата был совершенно спокоен даже посреди бедствия,- и теперь лучше понимает правду о любом из нас.

Мендельн был менее плотно сложен, чем его старший брат, и всегда больше тяготел к знаниям. Хотя он принял от Ульдиссиана то же прикосновение, что и остальные обращённые, в Мендельне, по всей видимости, происходило нечто другое. Ульдиссиан не мог почувствовать ту же самую силу в своём последнем оставшемся брате, что курсировала в нём; вместо этого внутри Мендельна росла тень, но такая, что Ульдиссиан не мог сказать, что она исходила от какого-нибудь зла.

Тем не менее, не мог он и сказать, что она порождена каким-нибудь *добром*.

Глядя в пронзительные чёрные глаза своего брата, Ульдиссиан буркнул:

-Я понимаю только то, что он и многие другие мертвы... Но моя это вина или Триединого, я вряд ли когда-нибудь решу.

-Я не об этом говорил...- но Мендельн не стал продолжать. Ульдиссиан оставил фигуру в чёрной мантии и возобновил продвижение в храм. Остальные шли у него по пятам, но давали пространство брату Ульдиссиана точно так, как поступали со своим лидером. Правда, в случае Мендельна причиной было не только уважение его положения, но и нежелание находиться рядом с землистой фигурой. Даже не испытывшие прикосновения могли обнаружить странность младшего сына Диомеда.

-Я показал вам дар,- провозгласил Ульдиссиан тем, кто был позади него, в то же время ища потаённую опасность спереди. - Не забывайте *использовать* его. Это ваша жизнь. Вы сами за неё в ответе.

В этот миг он почувствовал, что они идут. Мороз пробежал у него по коже, и он взмолился о том, чтобы его люди послушались его... В противном случае ещё многие погибнут ужасной смертью.

Он снова посмотрел вперёд. Огромная зала, в которой они стояли, была центральным местом сбора для верующих перед началом проповедей трёх орденов. Статуи направляющих духов Триединого возвышались часовыми над отдельными входами, ведущими туда, где встречался каждый орден. Это были облачённые в мантии, неземные создания с неясными чертами. Бала по левую руку с молотом и сумой с семенами всей жизни. Диалон справа, прислонивший к груди Таблички Порядка.

Мефис посередине... Всегда Мефис... Ничего не держащий, но сложивший руки так, словно готов баюкать невинного ребёнка.

Ребёнка, отданного на убой, всегда представлял Ульдиссиан.

И с этой картиной, впившейся в его разум, он сделал предостерегающий жест остальным, и тут же все три двери раскрылись и немислимые, звероподобные фигуры в тёмной как смоль броне устремились вперёд. Они издавали кроважные крики, высоко размахивая оружием, и, хотя их было гораздо меньше, чем захватчиков, они всё равно внушали страх, особенно в Ульдиссиана, который знал их лучше всех. В них было что-то, не позволявшее

говорить о смертной плоти, но скорее о чём-то, сильно опоздавшим для могилы. Ульдисиан почувствовал внезапный испуг среди своих последователей и понял, что должен им показать, что, пусть и злое, морлу всё же не неуничтожимы.

Но прежде чем он смог нанести удар, яркий ослепляющий свет ударил ему по глазам. Ульдисиан закричал и, пошатываясь, отступил к тем, кто стоял за ним. Снова в своей заботе об остальных он переоценил себя. Ему следовало ожидать, что у жрецов есть ещё в запасе какая-нибудь хитрость.

Пара рук потащила Ульдисиана прочь в тот самый момент, как тяжёлое тело толкнуло его в правый бок. Ульдисиан перекрутился и рухнул на пол.

Пока его зрение прояснялось, повсюду разнеслись душераздирающие крики. От жуткого хруста костей по нему снова пробежали мурашки. Он услышал глубокий горловой смех и узнал демонический голос морлу, наслаждающегося резнёй, которую устроил.

Ульдисиан не ожидал найти мерзких служителей Триединого в Торадже. Он-то думал, что их брат большей частью принадлежит к огромному храму неподалёку от столицы и что те, кто был с Маликом, составляли исключение, вызванное необходимостью Примаса отловить сына Диомеда. Теперь Ульдисиан думал, уж не имеет ли каждый храм подобный штат, – дурное предзнаменование. Это означает, что морлу гораздо больше, чем он когда-нибудь мог себе представить...

Взгляд начал фокусироваться. Ульдисиана разгорячило, что ему почему-то не удавалось ускорить процесс. Слишком медленно формы начали проступать.

И одной из этих форм, – заполняющей его взор, – был морлу, кинувшийся на него.

При своей тучности закованная в броню фигура двигалась с поразительной быстротой. Он схватил Ульдисиана за воротник и поднял жертву на уровень своих глаз.

Физически на месте глаз морлу существовали лишь чёрные впадины, но Ульдисиан знал, что они видят его лучше, чем любые очи смертного. Достаточно он насмотрелся во время горького сражения в доме мастера Этона, чтобы понимать, насколько злыми и мощными были силы, которые оживили тёмношлемных бойцов.

-Ты... Тот...- прохрипел его противник голосом, который нельзя было спутать с голосом живого. - *Тот...*

Ульдисиан замер и сосредоточился – но опять ослепительный свет вспыхнул перед его глазами. Снова он был полностью ослеплён.

Морлу засмеялся сильнее – а затем издал характерное кряхтение. Он отпустил ничего не видящего Ульдисиана, который едва сумел не упасть и не разломать свой череп об пол.

Тряся головой, Ульдисиан все усилия сосредоточил на том, чтобы вернуть зрение. Мир снова начал проявляться... И в нём он лицезрел Серентию, которая, тесно сжав копьё в руках, пронзала им морлу, словно на том не было никакой брони и ни грамма он не весил. Копьё сверкало серебром, а чёрные волосы Серентии развевались, как живые. Её голубые глаза, всегда лучезарные, теперь горели полнейшей решимостью. Её обыкновенно бледная кожа горела румянцем, её алые губы скривились в выражении мрачного удовлетворения. У Ульдисиана не было сомнений, что она представляет смерть Ахилия, погружая копьё всё глубже в дёргающуюся бронированную фигуру. Только перед самой смертью Ахилия начала она любить охотника после стольких лет надежды на внимание со стороны Ульдисиана – это знание всё ещё наполняло его стыдом.

Одной из первых приняв дар Ульдисиана, Серентия был также одной из тех, кто развивал его с наибольшим успехом. Ульдисиан знал, что главным образом это связано с её потерей, но даже он был ошеломлён её теперешним поразительным усилием.

Морлу в отчаянии простёр к ней когти, голодная ухмылка уступила место чему-то, похожему на страх. Копьё позволило Серентии удержать его на месте.

Теперь она никак не походила на дочь сельского торговца. Её простые тканые блуза и юбка уступили место обволакивающему цветастому платью тораджанки. И верно, с её длинными гладкими волосами цвета вороного крыла она, казалось, несла в себе частичку крови местных. Платье свободно ниспадало вниз, и вместо сапог Серентия носила сандалии с ремешками, более привычные местным.

Морлу неистово тряся, его массивное тело вдруг начало ссыхаться. Спустя какой-нибудь вздох он не годился уже даже для могилы – только измятая белая кожа облекала теперь его кости. Но Серентия всё не отпускала его. Её лицо приняло выражение пугающего упорства...

-Серри!- крикнул Ульдисиан, используя детскую форму её имени, которую лишь недавно перестал предпочитать. Его пугало, куда ведёт её гнев.

Его голос проник сквозь шум... И сквозь её ярость. Серентия оглянулась на него, а потом, с дрожью, снова на морлу. Непрошенная слеза скользнула с её щеки, и в слезе этой читался Ахиллий.

Она потянула за копьё, которое с лёгкостью вышло из врага. Бронированный злодей упал, словно марионетка, за верёвки которой внезапно потянули. Кости и броню разбросало по мраморной плитке.

Серентия глядела на Ульдисиана с облегчением и благодарностью. Он больше ничего ей не сказал, только кивнул в знак понимания, когда поднимался, чтобы пойти посмотреть, как там остальные.

Как он и боялся, ловушка забрала новые жизни. На полу лежали распростёртые тела, и хотя многие из них принадлежали морлу, были среди них и тела партанцев, и тораджанцев. Ульдисиан увидел безвольное лицо партанской женщины, которая присутствовала в день, когда – неподалёку от городской площади, где он в первый раз проповедовал, – он вылечил маленького мальчика с уродливой рукой. Это воскресило в памяти горькие воспоминания о парне и его матери, Барте, ибо они отошли в мир иной, когда горожане встали на защиту его от Люциона. Мальчик стал одной из нескольких случайных жертв демона, а Барта – преданная Барта – умерла вскоре от разрыва сердца.

«Так много крови... - подумал он. - Так много её из-за меня... И их веры в то, что я несу им...»

Но затем в зале установилась тишина, и Ульдисиан осознал, что сражение снова остановилось. Морлу не удалось погубить нападающих; это звери Люциона оказались истреблены. Они забрали с собой жизни – слишком много жизней, – но не в том количестве, в каком погибли сами.

Это само по себе было чудом, но ещё важнее было то, что другие взяли пример с него и Серентии. Не одно оружие остановило морлу, но и тот самый дар, каким владел Ульдисиан, пусть и не в том сосредоточении. Один воин был аккуратно разделён надвое – разрез по поясу был таким чистым, что, казалось, сомкни сейчас две половинки, и морлу опять оживёт. Другой лежал гораздо выше, его тело свисало над протянутыми руками Мефиса. Десятки других были разбросаны вокруг, как только ни убитые и ни изуверченные – поразительное зрелище, которое, надеялся Ульдисиан, поднимает дух его выживших товарищей, несмотря на потери.

Ещё раз оглядывая мёртвых, Ульдисиан вдруг почувствовал ком в горле. Треугольные плитки, покрывающие пол, были теперь окроплены чёрной желчью... Или что там заменяло морлу кровь. Но к ней примешивалась драгоценная жизненная эссенция тех, кто действовал слишком медленно или имел сомнения в своём даре. Ульдисиан скорбел о каждом и в очередной раз проклял факт, что вся его хваленая сила не могла воскресить их.

И это, по непонятной ему самому причине, заставило его вновь посмотреть на Мендельна.

Он нашёл своего брата склонившимся не над мёртвыми товарищами, но над двумя морлу, которые почему-то были обвиты друг о друга. Бровь Ульдисиана поползла вверх при виде такой самостоятельности, и он стал гадать, кто из его последователей мог умудриться сделать такое.

Мендельн поднял глаза от того, чем бы он там ни занимался. Его обыкновенно безмятежное выражение теперь имело тёмный оттенок.

-Это не кончено,- без нужды объявил он. Тем не менее, от последующих его слов сыну Диомеда сделалось не по себе.- Ульдисиан... Демоны здесь.

Не успел он это сказать, как Ульдисиан сам ощутил их близкое присутствие. Скверна морлу... Самих по себе дела рук демонов, хотя и заключённых в плоть смертных... Сокрыла от него ужасный факт.

Ещё Ульдисиан ощутил, где они находятся... И что они ждут его.

Он встречал демонов помимо Люциона, никто из них на поверку не представлял такой угрозы, как сам Примас. Однако то, что новые демоны ждут его так терпеливо – такое под силу только самым хитрым из них, – ещё более подогрело его подозрения. Они знали о нём, знали, чем он стал...

Ему оставалось только одно.

-Мендельн... Серентия... Смотрите за остальными! За мной никто не идёт.

Его брат кивнул, но женщина нахмурилась:

-Мы не дадим тебе уйти одному...

-Ульдиссиан взглядом остановил её:

-Мне не нужен ещё один Ахилий – *никто* не идёт за мной, особенно вы двое.

-Ульдиссиан...

Мендельн взял её за руку:

-Не спорь с ним, Серентия. Так должно быть.

Он сказал это в такой манере, что даже его брат остановился, чтобы посмотреть на него. Но Мендельн больше ничего не прибавил, что в последнее время было ему свойственно.

Как бы загадочно ни было утверждение, Ульдиссиан уже привык обращать внимание на такие комментарии.

-Никто не идёт за мной,- повторил он, взирая на *каждого*.- Или вы с гневом не демонов столкнётесь.

Надеясь, что они послушают, но всё ещё боясь, что некоторые – особенно Серентия – могут выказать неповиновение, Ульдиссиан пересёк порог двери, через которую входили последователи Диалона. Сразу после дверь захлопнулась за ним, точно так же, как, он знал, захлопнулись и две другие.

Он запечатал проход, во всяком случае, временно. Даже Мендельну и Серентии будет нелегко преодолеть это усилие. Столько, сколько сможет, Ульдиссиан будет идти к подземным залам – месту, где поклоняются *истинным* хозяевам Триединого, – отгороженный от всех остальных. Слишком многие уже погибли из-за него.

Он чувствовал демонов ближе, хотя и не мог определить их точно положение. По правде говоря, они были только частью причины, по которой Ульдиссиан не хотел больше никого подвергать риску.

Возможно, именно это имел в виду Мендельн, внезапно осознал Ульдиссиан. Возможно, с помощью своих собственных странных способностей его брат тоже обнаружил менее заметное, но тем не менее различимое присутствие *третьей* силы, ожидающей Ульдиссиана. Силы куда как более могучей, чем простой старший жрец, и так хорошо знакомой им обоим.

Силы, которой могла быть только *Лилит*.

Глава вторая

Повсюду вокруг Мендельна шептались голоса. Ужасная правда об этом месте была ему известна лучше всех, ведь он мог слышать слова самих жертв.

«Так много,- подумал он.- Так много сделано неправильно. Баланс немало нарушен из-за одного только этого места».

Брат Ульдисиана не понимал, что именно значит «Баланс», но знал, что ужасные события, происходившие во внутренних тайниках храма на протяжении последних лет, несомненно, поколебали «его». Это обеспокоило его даже больше, чем все нынешние смерти, хотя их накопительный эффект тоже был не к добру.

Да ещё была эта Лилит... Или Лилия, как он, Серентия, и, хуже всего, Ульдисиан знали её.

Серентия металась взад и вперёд, как нетерпеливая кошка, её взор вперился в двери, так надёжно «запертые» его братом. Остальные последователи Ульдисиана охотно распределились по залам, разбивая на ходу ловушечные механизмы, несмотря на то, что огни, пожравшие другие участки здания, в конечном счёте должны были добраться и досюда. Мендельн, зная, что победа на самом деле ещё не у них в руках, уделял пристальное внимание голосам, даже тем, что принадлежали мёртвым жрецам и надзирателям мира. Морлу слышно не было, конечно же, ибо они были давно мёртвыми существами, и потому от них исходила только пустота. Он прислушивался очень внимательно, фокусируясь на том, что казалось более важным.

«Какими простаками мы были,- раздумывал Мендельн почти мечтательно.- Фермеры и братья в маленькой деревушке, рождённые всю жизнь ворочать землю и выращивать хлеб насущный». Это Лилит была виной всему происходящему – Лилит, которая выбрала Ульдисиана в качестве своей пешки в какой-то неопикуемой битве между демонами и ангелами по поводу жалкого куска камня, названного ими *Санктуарием*.

И это был мир, в котором жил Мендельн.

Он никогда и не думал, что он или его брат могут стать лидерами человечества, но именно Ульдисиан был вытолкнут на эту совершенно неожиданную для него стезю. Судьба *всего*, по всей видимости, зависела от того, что он выберет. Мендельн мог только попытаться оказать хоть какую-то сомнительную поддержку, на какую у него хватало сил.

Его размышления были прерваны острым предчувствием беды. Голоса оборвались, все, за исключением одного, который им не принадлежал. Он был сильнее, он был *живым*, и сумел успокоить Мендельна, поскольку этот голос вёл его через его собственное таинственное перевоплощение.

«Опасайся ладоней Трёх, - сказал он.- Они хватают всё, а затем раздавливают в своей всепоглощающей хватке...»

Мендельн наморщил брови, услышав такое таинственное замечание. Что полезного можно было...

-Серентия!- закричал он с большей живостью, чем можно было услышать от него за последние дни.- Слушайте все! Отойдите от статуй...

Но для некоторых его предупреждение пришло запоздало. Словно состоящие из плоти и крови, огромные статуи наклонились вперёд. Тяжёлый молот Балы опустился на двух тораджанцев, раздавливая их. Диалон сбил несчастного партанца краем одной из табличек.

Мефис... Мефис схватил женщину и сильно сдавил. От чудовищных результатов этого деяния Мендельну стало плохо.

Со звуком скобления камня, который эхо разносило по огромной зале вместе со стонами умирающих, статуи опустились на захватчиков. Недавно уверенный в своих силах отряд теперь отступил назад к дверям, через которые они вошли, но эти двери тоже оказались заперты... И на этот раз не Ульдисианом.

«Лилит...- выдохнул он в тот самый миг, как массивный Диалон повернул к нему свой каменный взгляд. Колосс поднял молот.- Очень даже похоже на *Лилит*...»

Он бежал через пустой зал для поклонений, наострив зрение и другие органы чувств. Гермафродитные изваяния Диалона взирали сверху на Ульдиссиана, который думал, что должны выражать благожелательность изображения казались более издевательскими, чем что бы то ни было.

«Что ты за великий демон, Диалон? - мрачно гадал он. - Каково твоё истинное имя?»

Во внешних залах факелы, вставленные в углубления в стенах, отлично всё освещали. Но здесь лишь несколько круглых масляных ламп, свисавших со сводчатого потолка, служили источником света, и потому было довольно темно. Более того, дальше путь казался ещё темнее и кончался полнейшей чернотой в каких-нибудь десяти ярдах впереди.

Но Ульдиссиан всё шёл вперёд. Он прошёл под огромными статуями и оказался в проходе, который, как он знал, должен был привести его к ней.

Как она того и желала.

Вид красивой аристократки, впервые представший его восхищённому взору (кажется, так давно это было), всё ещё не отпускал его, несмотря даже на последующее обнаружение жуткой правды и предательство. Густые, длинные, светлые волосы, зачастую искусно завязанные сзади, как то подобает благородной деве, сверкающие изумрудные глаза, тонкие, совершенные губы – они никогда не оставят его воображения.

Но вместе с ними также остались и кошмарные воспоминания о нечеловеческой соблазнительнице, существе с чешуйчатой кожей, жуткими перьями вместо волос и хвостом, как у рептилии, которую она напоминала.

«Лилия... - пробормотал он, вкладывая в слово одновременно проклятье и сильное желание. - Будь ты проклята, Лилия».

Что-то пробежало у него по ноге. В испуге скорее от того, что не почувствовал его, чем от самого бегуна, Ульдиссиан скосил глаза. Это был всего лишь паук, хотя и приличных размеров. Неудивительно было встретить такое существо в подобном месте. Ульдиссиан тут же забыл о нём – его заботы были устремлены на паразита куда как более крупного и смертоносного.

Последняя ненадёжная масляная лампа осталась позади. Темнота взяла верх. Он понял, что всё это было постановочным представлением для него. Он пришёл охотиться на то, что считал злом, вот они и создавали соответствующее тому настроение. Это было в некотором смысле игрой для них, и осознание этого ещё больше разъярило человека. Их несколько не волновали потерянные жизни, даже тех, кто добровольно служил им.

Что-то оказалось у него на лице. Он хлопнул по нему, затем почувствовал, что маленькое создание взбирается по тыльной стороне ладони. Ульдиссиан смахнул его, зная, что это второй паук.

Решив, что без этого хода в игре он может обойтись, Ульдиссиан призвал свет.

В первый раз, когда ему удался этот трюк, он был обязан этим, как позднее стало ясно, присутствию Лилит. Теперь же это было так же естественно, как дышать. Но бледное белое свечение, которое он призвал, было далеко не столь сильным, каким должно было быть. Шар едва освещал каменный коридор на два ярда вперёд. Он мог *чувствовать* гораздо дальше, но природный инстинкт заставлял его хотеть также и видеть.

Интенсивность свечения сферы можно было усилить, сильнее сконцентрировавшись, но тогда Ульдиссиану пришлось бы больше отвлекаться от окружения. Это было не похоже на битву с Люционом, где достижения Ульдиссиана были вызваны не только природным умением, но и его гневом. Ему требовалось двигаться с величайшей осторожностью, ибо коварство Люциона было ничтожно по сравнению с коварством его дьявольской сестры.

Коридор протянулся дальше, чем должен был, по крайней мере, в соответствии с его ощущениями. Иллюзия это или нет, Ульдиссиан выяснит довольно скоро. Лилит не заставит его долго ждать.

Он резко закричал, когда его словно вилкой что-то кольнуло в затылок. Его молящие руки сбросили мохнатое тело с множеством ног.

Арахнид поспешил прочь с освещенного места. Потирая пылающий участок кожи, Ульдиссиан заметил, что путь позади него тоже погрузился во тьму. Свет был полностью удалён из залы.

Рана начала пульсировать. Ульдиссиан бранил себя за то, что позволил чему-то столь обычному, как паук, проникнуть сквозь защиту, через которую не удалось пройти морлу и, до сих пор, Лилит.

Ведь... Не удалось же ей?

Сосредоточивая свою волю на ране, Ульдиссиан быстро вытеснил то, что существо оставило в нём, а затем полностью залечил место. Этим приёмом он был обязан жрецу Малику, который на глазах у Ульдиссиана извлёк стрелу Ахилия из спины, перед тем как заняться самой раной.

Но как только сын Диомеда закончил, вокруг него собралась целая толпа многочисленных существ с острыми клыками и когтями. Выросши на ферме, он привык к разнообразным насекомым и паукам, но только не к таким. Они двигались с подлой целью, атакуя так быстро, как только могли, как можно большее число мест. Они прокусывали одежды и даже сапоги, в то время как их собратья заползали по ним, чтобы найти себе свободную плоть для атаки.

Поначалу его реакция была самой что ни на есть человеческой. Он ругнулся и попытался смахнуть их как можно скорее. Пауки делали его попытки смехотворными, забираясь даже по ладоням, которыми он пытался смести их. В один миг Ульдиссиан оказался облеплен всем скопом.

Затем к нему вернулся рассудок. Делая глубокий вдох – и в то же время стараясь не проглотить любого из наименьших паразитов, – Ульдиссиан сосредоточился на плавающей сфере.

Теперь – наконец-то – огненный шар вспыхнул ярко... На самом деле, в тысячи раз ярче, чем прежде. В то же время тепло окутало Ульдиссиана и его непрощенных питомцев.

Тем не менее, если человека тепло только согревало, пауков оно *жгло*.

Они засуетились под неумным жаром. Резкие крики – в чём-то слишком похожие на человеческие – атаковали уши Ульдиссиана. Десятками, а затем и сотнями маленькие жжёные трупы падали на каменный пол.

Вспотев скорее от усилия, чем от тепла, он наконец уменьшил ярость сферы до более сносного уровня. Вокруг него поднялась вонь, какой воняет скорее падаль, чем пепелище. Ульдиссиан пнул одну кучку паразитов, которая разлетелась пеплом.

Но когда он хотел поставить свою ногу обратно на пол, она не нашла опоры. Нога провалилась в камень, словно в воду.

Ульдиссиан внезапно ощутил непосредственное присутствие одного из демонов, но это знание пришло слишком поздно. Что-то схватило его погружённую ногу, пытаясь полностью затянуть его под пол. Густой, медленный, злобный смех разнёсся по коридору.

Что-то нарисовалось прямо на краю области освещения сферы. Ульдиссиану оно показалось неестественной, нечеловеческой головой, сделанной из самого камня. Расщелина-пасть разомкнулась и растянулась в топорную, чудовищную ухмылку.

-Х-о-о-ч-у...- сказала оно голодно и снова усмехнулось.

То, что держало ногу Ульдиссиана, потянуло его к ещё больше растянувшейся пасти. Две другие, меньшие расщелины открылись позади рта, служа своего рода глазами.

-Г-о-о-о-о-л-л-о-д-е-е-н...- радостно прогремел демон. -Х-о-о-ч-у...

Оправившись от ошеломления, Ульдиссиан стиснул зубы и подался вперёд. Демон снова усмехнулся, наверное, думая, что жертва решила кончить всё быстро. Так оно и было, конечно же... Но не в том смысле, в каком жаждало существо.

Он обрушил кулаки на водянистый камень. Сила нефалемов дала ему возможность послать ударную волну, которая прошла по его страшному противнику примерно так же, как пауки прошли по нему. Ульдиссиан понятия не имел, сработает ли то, что он намерен сделать; он знал только, что концентрация воли и решительное движение к цели спасли его не единожды.

Демон издал рёв гнева и боли, когда волна чистой силы перестала струиться сквозь него. Рот скривился в злое Grimace, глаза вспыхнули.

-Гулаг убивать!- без нужды пророкотало оно.

Стены устремились на Ульдиссиана, который только теперь понял, что *всё* вокруг него стало частью чудовищного демона.

Он застонал от боли, когда камень обрушился на него. Придавленный и чувствующий, что его кости как будто

уже сломаны, Ульдисиан почти покорился своему уничтожению. Тем не менее, снова её образ возник в его мозгу, красивой, но также и чудовищной... И высмеивающей что есть мочи его поражение.

Напрягая каждый мускул, он стал сопротивляться давящей силе, надавил в ответ... И в конце концов победил. Стены разошлись на достаточное расстояние, чтобы установить в нужное положение руки, после чего Ульдисиан стал разводить их изо всех сил.

Гулаг издал звук, в котором Ульдисиан мог только предполагать смятение. Сомнительно было, чтобы кто-либо когда-либо освобождался от захвата этого чудовища.

Пользуясь удачным поворотом фортуны, сын Диомеда склонился и схватил жидкий камень обеими руками. Он должен был просочиться сквозь его пальцы, но сила нефалемов снова одержала верх над силой Гулага. Для Ульдисиана демон ощущался скользким змеем без костей. Он сплетался в его захвате, но не мог выскользнуть.

-Гулаг всё ещё голодный? - с издёвкой спросил он.

Хотя, по всей видимости, и сбитое с толку, существо было либо по-прежнему уверено в своих силах, либо слишком тупоумно, чтобы осознать, что имеет дело не с простым человеком. Ульдисиан надеялся на второе, но не мог отменить первое, что означало, что, чем скорее это закончится, тем лучше.

Титаническим усилием он подтащил Гулага ближе. Когда демон приналёг на Ульдисиана, тот снова почувствовал, как что-то хватает снизу, причём не одну ногу, но и вторую.

Когда это произошло, Гулаг издал очередной чудовищный рёв. Стены и остаток близлежащего пола поднялись и повалились на Ульдисиана в очевидной спешке утихомирить сопротивляющуюся жертву. Ульдисиан инстинктивно задержал дыхание, а затем взглянул на часть Гулага, которую держал в своих руках. На ощупь это напоминало кожу или пергамент... Это помогло ему решить, что делать дальше.

Как он делал это раньше, Ульдисиан развёл руки как можно шире, только на этот раз удерживая в захвате зловещее существо.

Словно пергамент, которым он решил представить её, субстанция демона разошлась с противным рвущимся звуком. Гулаг испустил крик, напоминающий рёв горной реки. Стены и пол безостановочно ходили ходуном, в конце концов заставив Ульдисиана ослабить хватку и уронив его.

Но на большее демон не был способен. Атака Ульдисиана прикончила его. Разрыв продолжал разрастаться, быстро проходя по всей длине Гулага и даже не теряя импульса, когда достиг глубокой пасти и зловещих глазниц.

Гулаг был буквально разорван надвое. Половинки дрожали, словно желе. От обеих послышался стон...

Ещё один, последний рокот... И демон растаял.

Его тело потеряло всякую твёрдость. Гулаг полностью сжидился, разливаясь по полу. Бледная муть покрыла стены и потолок, но в остальном они вновь были нормальными.

Под ногами Ульдисиана пол снова стал твёрдым, хотя и липким. Запах, похожий на запах гнилого мусора, ударил в нос.

Кое-что ещё привлекло его внимание. Дальше по коридору, который прежде казался бесконечным, теперь совсем недалеко маячила бронзовая дверь.

Осторожно ступая по густой слизи, которая только что была демоном, Ульдисиан подошёл к двери. Он ждал очередной угрозы, но ничто не напало на него. Вырезанный на поверхности двери образ благородного Диалона взирал на Ульдисиана.

Ульдисиан нахмурился. Другой образ, почти до невидимости не различимый, казалось, кроется под благочинным духом. Он сощурил глаза...

С громким выдохом Ульдисиан отвёл взгляд в сторону. Хотя он только что смотрел прямо на него, он не мог вспомнить ни одной конкретной детали жуткого видения – только то, что оно напугало его, как ничто другое. Ему показалось, он припоминает мимолётное видение скрученных рогов и зубов, острых, как кинжалы...

Тряся головой, Ульдисиан отогнал тревожащее воспоминание. Он не решался больше думать о зловещем видении. Каким-то образом, каким бы мимолётным оно ни было, оно тянуло из глубины его души некое детское ощущение ужаса. Каждый кошмар, который когда-либо преследовал Ульдисиана, когда он был маленьким мальчиком, по крайней мере, на какой-то миг, вернулся во всей свежести.

Снова беря себя в руки, Ульдиссиан протянул руку к двери. Он был не настолько глуп, чтобы трогать её. Даже если Лилит ничего с ней и не сделала, старшие жрецы наверняка накинута на неё какое-нибудь ужасное заклинание.

Словно приведённая в движение сердитым привидением, дверь широко распахнулась. Ульдиссиан прошёл в неё.

Зала была огромной – больше, может быть даже, чем большой зал. Большая часть её была укрыта тенью, освещение помимо его сферы давали только факелы, установленные так, чтобы лучше показать мраморное возвышение, на котором стояла каменная платформа чуть больше длины человека и слегка наклонённая вправо.

И на этой платформе – на этом *алтаре* – к великому ужасу лежало то, что когда-то было человеком, но затем лишилось кожи и внутренних органов.

Ульдиссиан не попытался сдержать отвращение. Хотя наглядное доказательство человеческих жертвоприношений не удивило его, свежесть его свершения потрясла его до глубины души. В этот самый день, когда он и его последователи ворвались в храм, душа была заколота с целью задобрить демона.

Затем он заметил лёгкое движение в дальнем верхнем углу над платформой, движение чего-то, что скрывалось от немедленного обнаружения им. Судя по тому малому, что Ульдиссиан разглядел, это было существо, напоминающее огромного мохнатого паука... Но ещё... Ещё почему-то и *человека*. Второй демон? Ульдиссиан вспомнил о куче пауков и начал подозревать, что источник кроется здесь. Если так, то это гораздо более осторожный и хитроумный зверь, чем Гулаг.

Он начал двигаться по направлению к нему... А потом увидел, что другие фигуры движутся к нему из тёмных уголков задней части залы. Интересно, когда начнёт действовать старший жрец? Судя по тому, что Ульдиссиан успел усвоить о внутренней работе Триединого, во всех меньших храмах над тремя орденами наблюдал один священник от Мефиса, Диалона либо от Балы. Ему подчинялись три меньших жреца, каждый из которых служил своей вере. Только в главном храме возле Кеджана можно было найти трёх высших жрецов – теперь двоих, ведь Малик недавно умер, – которые правили всей сектой во имя Примаса.

Крупная плешивая фигура в серых и кроваво-красных мантиях почти с безразличием указала на Ульдиссиана. В тот же миг дюжина прислужников, чьи одежды представляли все три ордена, подняли свои руки ладонями вверх и начали читать заклинание.

Ульдиссиан почувствовал, что его окутывает невероятный холод, но достаточно было пожелать, чтобы он исчез, и проблемы быстро не стало. Жрецы сбились в чтение, только их предводителя, судя по всему, не встревожила неудача. Он презрительно поглядел на ближайшую пару, которая нёвно стала продолжать чтение заклинания, подхваченное вскоре их собратьями.

– Умолкните, – нетерпеливо пробормотал Ульдиссиан.

Чтение прекратилось, хотя жрецы и продолжали ещё несколько секунд открывать и закрывать свои рты, не сразу сообразив, что потеряли голос.

Короткое удивлённое хмыканье вырвалось у старшего жреца. Он достал из-под своей мантии маленький синеватый камень. По-видимому, это было сигнал его подопечным сделать то же самое.

В последний раз такими камешками орудовал Малик, и в тот раз выяснилось, что эти самоцветы являются определённым методом призыва демонов, подчинённых воле призывателя. Во время той битвы Лилит тайным образом вмешалась, немедленно устранив самого смертоносного демона и присовокупив свои силы к его, чтобы помочь сражаться с остальными, в то время как он думал, что действует сам. Хотя Ульдиссиан теперь больше доверял собственным силам, он не видел смысла в том, чтобы дожидаться угрозы, если можно было довольно быстро её убрать.

Он сжал кулак.

Один из младших жрецов закричал: самоцвет, который он держал, ярко вспыхнул. Надо отдать им должное, остальные отреагировали мгновенно, выпустив камни из рук. Даже тогда остальные пострадали от некоторых ожогов, но это было ничто по сравнению с ужасной участью первого. Он упал на колени, рыдая и сжимая обуглившуюся культяпку, которая была его рукой.

Старший жрец фыркнул – снова странная реакция. Он нисколько не был впечатлён и отбросил свой самоцвет даже прежде, чем Ульдиссиан покончил с первым.

Хмурясь, Ульдиссиан посмотрел на него... Посмотрел на то, что находилось за пределами зрения смертных.

И тогда он узнал...

Старший жрец, по-видимому, тоже это понял. «Думаю, они больше не понадобятся,- объявил плешивый человек. Он посмотрел на своих лакеев.- Можете умереть».

Они посмотрели на него, совершенно сбитые с толку. Ульдиссиан испытывал к ним некоторое сочувствие... Но не большое. Они добровольно отдавали кровь и души живых своим тёмным хозяевам.

Жрецы повалились, как один. Они не закричали, у них даже не было времени на очередной вздох. На их телах не было отметин за исключением полученных ожогов.

Почему-то Ульдиссиан тут же оглядел тени, где скрывался демон-паук. Инстинктивно он знал, что тени теперь пустуют, их тревожащий обитатель, судя по всему, сбежал куда-то во время противостояния фигурам в мантиях.

-Дорогой Астрога – самый послушный,- сказал старший жрец на удивление женственным голосом.- Когда Примас приказывает ему немедленно уйти, он делает это без вопросов.

-А он понимает, что его Примас – больше не Люцион, а сестра Люциона?- Ульдиссиан посмотрел в глаза противнику.- Так ведь, Лилит?

Она посмотрела на него с вожделением, что было бы очень соблазнительно, не будь у неё тела потного, тучного мужчины.

-Страх многих делает незрячими, как и любовь, любовь моя...

-Никакой любви между нами нет, Лилит. Только ложь и ненависть.

Жрец надул губы.

-О, мой дорогой Ульдиссиан, это из-за бедного платья на мне? Это можно поправить. Мы одни, и глупец своё дело сделал...

Бурное зелёное пламя встало вокруг тучной фигуры. Ульдиссиан заслонился рукой от яркого света, сопровождающего это неестественное горение. Когда его глаза привыкли, он увидел, что одежды и волосы жреца быстро сворачиваются и превращаются в пепел. Изобилующая плоть мужчины почернела и запеклась. Плавающие куски отпадали от него на пол, выявляя сухожилия, мускулы и кости.

Лицо выгорело, на его месте был бутафорский череп, ещё некоторое время удерживающий глазные яблоки. Тем не менее, они съёжились в глазницах сразу, как только ужасная фигура сделала шаг по направлению к человеку.

-В конце концов, для тебя я хочу выглядеть как можно лучше,- проворковал горящий скелет. К этому времени пламя пожрало уже всё кроме костей, и даже те быстро исчезали. При этом Ульдиссиан заметил, что под растрескавшейся костью мелькает изумрудная ткань и бледная кожа. Ноги надломились, из них распустилась изящная юбка, под которой всё лучше видны были женские ноги. Грудная клетка прорвалась, на её месте оказался лиф знакомого изящного платья, который также открывал очень женственные формы.

Из задней части тёмного черепа вырвались густые золотистые волосы и ниспали вниз. Последним исчезло выжженное лицо несчастного жреца. Отпала нижняя челюсть, затем остальное.

С вытянутыми руками она стояла перед ним во всём своём великолепии. Несмотря на все заявления Ульдиссиан почувствовал, что у него ёкнуло в груди. Ненароком с его губ сорвалось имя, под которым он лучше знал эту чудесную фигуру: *«Лилия»*.

Она улыбнулась ему так, как, вспомнил он, улыбалась она ему тогда, когда они впервые встретились.

-Дорогой, милый Ульдиссиан!- красивая женщина ещё дальше протянула свои тонкие, идеальные руки.- Приди, возьми меня в свои сильные руки...

Его тело двинулось вперёд ещё до того, как реальность накрыла всей своей тяжестью. Сын Диомеда ругнулся, и его ругательство поразило собеседницу.

-Какое красочное построение фразы! Тебе стоит развить эту черту, дорогой Ульдиссиан! Она добавляет мужественности!

Он сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели.

-Довольно насмешек, Лилит! Довольно загадок! Это лицо такое же не твоё, как и лицо жреца или Примаса! Ты

стоишь передо мной, так стой же от своего имени, демон!

Она захихикала:

-Как тебе больше нравится, любовь моя!

В отличие от театрального разбора тела жреца, переход от «Лилии» к настоящей Лилит был почти мгновенным. Алая аура мигом охватила аристократическую красавицу – и в следующий миг сама демон стояла на её месте.

Лицо было достаточно похожим, чтобы никто не мог сомневаться, что женщины были одним и тем же, но это было единственной параллелью. Лилит была выше – по сути, ростом с Ульдисиана – и перемещалась на раздающихся вширь копытах вместо ступней. Тело её было тёмно-зелёным и покрытым отвратительной чешуёй, а густые золотистые волосы уступили место колючим перьям. Эти перья проходили вплоть до хвоста, как у рептилии, – отростка, завершающегося страшными шипами.

Её пальцы, коих было по четыре, а не пять, заканчивались скрюченными когтями. Она маняще водила ладонями вдоль тела, напоминая ему о том, что у неё всё ещё имеются формы, так привлекающие смертных. Уж что-что, а они были более пышными и, что хуже для Ульдисиана, неприкрытыми. Даже ненавидя её так, как он, он не мог не рассматривать её тело. Такова была её сила.

Одна ладонь в конце концов побудила обратить взор на лицо. Да, она всё ещё была похожа на Лилию, но только в целом. У Лилии не было острых зубов, созданных, чтобы рвать, или ярко-красных глаз, лишённых зрачков...

-Мне не хватало твоего прикосновения, мой дорогой,- прошептала Лилит, её раздвоенный язык скользил между губ.- И я знаю, что тебе не хватало меня...

Ульдисиан знал, что она пытается лишить его защиты, и, к несчастью, она уже была близка к успеху. Он не предполагал, как сильно скажется на нём столкновение с ней. Лилит же, очевидно, знала всё слишком хорошо.

Потом Ульдисиан подумал обо всех смертях, вызванных её безумными амбициями, и большая часть желания спала. Для демона утраченные жизни мало значили. Её совсем не волновал отец Серентии, или мастер Этон и его сын Седрик, или Барта, или любой из десятков партизанцев и тораджанцев, которые уже были убиты. Конечно же, Лилия не испытывала ни капли сожаления даже из-за жрецов, которых она убила, включая проповедников, с кровавой расправы над которыми всё началось.

Более всего, её совсем не заботил её брат, истинный Примас. Очевидно, его уничтожение было допущено единственно для того, чтобы она смогла заполучить силовую базу, которую он создал в Триедином. Но недолго ей осталось наслаждаться этим призом, если только он закончит начатое.

-Этот храм пал, Лилит,- объявил Ульдисиан.- Что не разрушили те, кто со мной, пожрут огни, которые отпустили на свободу твои марионетки. Та же судьба ждёт следующий и следующий за ним... Пока не останется один великий храм возле Кеджана. Тогда... Его ждёт та же участь. Недолго тебе осталось быть Примасом.

-Вот как, мой дорогой Ульдисиан?- её хвост слегка шаркнул по полу, отшвырнув в сторону разнородные куски старшего жреца. Лилит подалась вперёд, выставив на обозрение своё щедрое богатство.- Как чудесно... Ведь это то, что мне нужно!

Это заявление озадачило Ульдисиана. Он поздно спохватился, что у него открыт рот. Краснея, он закрыл его, а затем попытался собраться с мыслями. И снова Лилит несколькими словами удалось доказать своё превосходство над ним.

-Да,- сказала суккуб, широко улыбаясь. Её нечеловеческие глаза сверкали удовольствием от его смятения.- Я хочу, чтобы ты свергнул Триединое! Я хочу, чтобы ты положил конец храму...

-Но...- наконец умудрился выдать Ульдисиан,- в этом вообще нет никакого смысла. Теперь, когда ты управляешь Триединым...

-Ох, любовь моя, смысл самый превосходный! Самый превосходный! Верный признак моей любви к тебе, что я говорю тебе это, ведь об этом не знают даже слуги моего неоплаканного брата! Да, мой маленький нефалем... Ты уничтожишь храм для меня... И Собор Света тоже...

Но если Лилит и хочет что-то от него, в отчаянии думал Ульдисиан, сказать ему это – значит *навверняка* заставить его делать противоположное...

Она либо прочитала эту мысль, – что не было невозможно для неё, – либо просто лучше понимала его собственный разум.

– О, но мой дорогой Ульдиссиан! У *тебя* не будет никакого *выбора* по этому вопросу! Видишь ли, если ты не приложишь все силы, чтобы расшевелить и разбудить силы нефалемов в себе – а ещё дремлющие силы в тех глупцах, что идут за тобой, – я заставлю Триединое совершенно размазать тебя! Ты думаешь, это всё, что собрал для себя мой бедный брат? Есть *гораздо* больше! Мой брат был очень умён, его единственной ошибкой было то, что он недооценил меня...

Внезапно Лилит оказалась лицом к лицу с Ульдиссианом. Как она так приблизилась без его ведома, он не мог сказать.

– ...так же, как и ты всегда делал, бедный дорогуша!

Прежде чем Ульдиссиан смог остановить её, демон громко поцеловала его. Она уже делала это прежде, так что ему следовало быть к этому готовым. С раздражением на себя не меньшим, чем ненависть к ней, Ульдиссиан схватил Лилит, но демон ускользнула из его захвата.

– Я не буду делать так, как ты спланировала, чтоб тебя! – взревел он. – Надоело мне быть твоей марионеткой! Я не создам войско нефалемов, готовое перейти в твоё распоряжение!

Вот чего она действительно хотела, он слишком хорошо это знал. Она была среди тех, кто создал Санктуарий, но за свои смертоносные методы, – включая убийство большинства своих товарищей, – она была изгнана её любовником... Ангелом, если Лилит можно хоть в чём-нибудь доверять. Те убийства развернулись вокруг детей – первых нефалемов, – рождённых путём союза мятежных демонов и ангелов. Ульдиссиан мог бы отдать ей должное за желание спасти их, но теперь становилось ясно, что все их потомки имели для неё значение пушечного мяса или солдат, которых можно использовать в безумной кампании возмездия.

– Не создашь? – дразнила она. – Не создашь, мой дорогой? – демонесса подалась назад. – Так почему же ты до сих пор не напал на меня?

Снова Лилит поймала его... Но в *последний* раз, поклялся Ульдиссиан. Он протянул к ней руки...

Воздух вокруг демонессы начал колыхаться... Но Лилит там уже не было. Ульдиссиан почувствовал, что она материализовалась за ним.

– Делаешь успехи, мой дорогой Ульдиссиан... Делаешь успехи.

Он не повернул к ней лица, просто сконцентрировался на том, где она была.

Но... Опять было слишком поздно.

Теперь голос Лилит разносился по зале, хотя самой её нигде не было видно:

– Тем не менее, думаю, тебе всё ещё нужно больше практиковаться! В конце концов, ты должен показать свой высший класс, когда столкнёшься с силой Триединого... Не говоря уже о милом предателе Инарии.

Напрягая все силы, Ульдиссиан не мог ощутить Лилит нигде, и это дало ему понять, как недостаточна была его сила. Он ожидал, что сможет куда как лучше перенести встречу с ней, но, как и раньше, морально и физически она наголову обошла его.

– Приди и встань рядом, Лилит! – закричал Ульдиссиан, поворачиваясь кругом. Она виделась ему в каждом тёмном углу, но там не было *ничего*, абсолютно ничего за исключением её голоса, простирающегося издалека.

– Всему своё время, любовь моя. Сначала попрактикуйся как следует. Можешь, к слову, начинать прямо сейчас – глядишь, и спасёшь кого-то из своих *друзей*! Их уже так мало осталось...

Её голос стих. Обуреваемый яростью, он сначала не придавал значения её последним словам. Потом... Потом Ульдиссиан почувствовал ужасную угрозу, которую, предположил он, коварные навыки Лилит укрывали от его «хвалёного» восприятия.

Вместо того чтобы удержать Мендельна, Серентию и остальных в безопасности, он оставил их прямо там, где хотела демонесса.

Глава третья

В месте, которое не было местом, закутанный в чёрное некто смотрел за пределы своего пустого окружения в мир, называемый немногими посвящёнными Санктуарием. Он наблюдал ужасную борьбу, развернувшуюся в Торадже, и уже начал вычислять возможные последствия.

-Он движется слишком быстро,- сказал скрытый человек в пустоту.- Слишком иррационально.

Он движется, как должен... Как и мы...

От голоса замерло бы сердце у многих, ибо он был столь же присутствием, сколь и звуком. Однако тот, к кому он обращался, просто кивнул, ведь он знал говорящего так долго, что даже его уникальность стала слишком знакомой.

Неудача так же стала слишком знакомой, и он не хотел столкнуться с ней снова. Неудача угрожала Балансу, и, несмотря на столетия тренировок, направленных на удержание эмоций внутри – где ими можно управлять, – глубокие морщины прорезали его словно мраморный лоб.

-Тогда... Мы должны действовать более активно...

Пока он говорил, над ним вдруг заблестало что-то похожее на звёзды. Но эти звёзды двигались, постепенно формируя огромную змеевидную фигуру, существо, наполовину видимое, наполовину воображаемое... И сугубо мифическое для большинства.

Дракона...

Более активно, чем посвятить его кровного брата?- спросили звёзды с оттенком иронии.

-Более...- упрямо отвечала закутанная фигура,- хотя Мендельн уль-Диомед сильно превосходит мои ожидания. Я почти готов поклясться, что он...

Прямой твой потомок, да... Это бы также объяснило, почему она выбрала старшего брата для своих целей. Ты ощутил силу, дремлющую в них. Как и она.

-Моя мать могла бы, ты прав. Так же, как и отец...- он нахмурился ещё сильнее.- Да, так же, как и отец.

Звёзды закружились, на короткий промежуток времени теряя схожесть с легендарным зверем:

О котором мы ничего не слышали...

Человек кивнул, его внимание вновь было направлено на Санктуарий:

-Да, это беспокоит больше всего остального.

И должно беспокоить...- фигура вновь сформировалась.- Да... Как ты и сказал, нужны более решительные действия...

Завернув свой длинный плащ, некто в капюшоне приготовился уйти.

-Как я и сказал,- сказал он скорее себе самому, чем едва видимому собеседнику,- даже если это означает открыть факт моего выживания обоим моим родителям...

Мендельн готовился умереть. Он видел, как опускается молот, и знал, что ему никогда не достичь такой прыти, чтобы избежать его. Ни одно из слов, которые он начал выучивать во время своих грёз, не пришло к нему. Крушащая смерть была его неизбежной судьбой, и, хотя он старался отдалить себя от осознания этого, как он это делал по отношению к столь многим недавним роковым событиям, Мендельн тем не менее ощущал преобладающую горечь.

Он-то верил, что какое-то другое предназначение уготовано ему...

Кто-то наскочил на него. Они оба свалились в сторону в тот самый миг, когда молот Диалона врезался в мраморный пол, образуя в камне трещину больше шести ярдов длиной.

-В следующий раз не спи. Действуй,- пробурчала Серентия ему на ухо. Она вскочила на ноги, прежде чем брат Ульдисиана успел хоть как-то поблагодарить её... И не без причины. Изваяние Диалона повернулась к ней, словно, несмотря на непроницаемое выражение, статуя разгневалась на Серентию за то, что та забрала у неё добычу.

Серентия прицелилась и метнула копьё с точностью, обеспеченную её силами. Оно прошло сквозь грудь великана подобно тому, как чуть раньше стрела Ульдисиана прошла сквозь грудь жреца.

Поначалу Мендельн подумал, что от её героического поступка не было никакого прока, потому что Диалон продолжал двигаться, нисколько не беспокоясь об отверстии в своём теле. В конце концов, это был только оживлённый камень...

Но затем от отверстия стали ответвляться немалые трещины, которые, разрастаясь, вскоре покрыли всё тело статуи, почти как паутина. Когда изваяние подняло свой молот, от великана начали отламываться целые куски.

Серентия крикнула предупреждение тем, кто был неподалёку от Диалона. Они вовремя убрались оттуда, ибо рука, держащая смертоносное оружие, оторвалась как раз в тот момент. На глазах как будто даже у самой статуи рука и молот упали на пол, разломившись на куски, которые разлетелись по всей зале.

Не успел Диалон потерять руку, как стали ломаться остальные конечности. Как вода устремляется через прорванную плотину, огромные частицы каменного исполина посыпались дождём. Изваяние посмотрело на своё рушащееся тело – после чего его шея переломилась.

Когда голова рухнула перед Мендельном и Серентией, то, что оставалось от Диалона, присоединилось к грудехлама.

Но нужно было противостоять ещё двум великанам, которые делали стремительные манёвры по всей зале, охотясь за маленькими для них человечками. Тем не менее, Мендельн восхвалял те силы, какие бы ни наблюдали за людьми, ибо, несмотря на их попытки, чудищам мало что удалось со времени начальной расправы. Он дивился этому до тех пор, пока не увидел, как рука Мефиса отскакивает от воздуха прямо перед Ромием и небольшой группой партанцев и тораджанцев. Бородатый мужчина – злодей, исправленный Ульдисианом, – похоже, был ведущей силой группы. Он глядел на грозную фигуру, судя по всему, мешая ей прорваться сквозь защиту.

Всё ещё было вполне возможно, что ей это удастся. Мендельн решил, что самое время найти приложение рукам вместо того, чтобы стоять и глазеть, пока другие отчаянно пытаются выжить. Смутному дару, которым он был награждён, должно было теперь найти применение...

Наконец слова проплыли у него в голове, слова на том мёртвом языке, который он подсмотрел на камне сразу за пределами Серама. Это были слова, которые он должен был произнести, что брат Ульдисиана и сделал.

Ладонями, сжатыми в кулаки, статуя колотила невидимый барьер. Однако при первых же ударах великана отбросило. В теле великана образовались трещины, и посыпались осколки, словно что-то невидимое сражалось с изваянием с той же жестокостью, с которой оно напало на отряд Ромия.

Тень самодовольной ухмылки промелькнула на лице Мендельна. Несмотря на понесённый урон, Мефис возобновил штурм. Однако каждый новый удар наносил ему всё больше повреждений. Движимый тёмной силой, какая бы ни оживила его, великан не мог остановиться. Он не понимал, что магия Мендельна каким-то образом превращает его в оружие своего собственного разрушения.

Ромий же, по-видимому, понял. Он знаками приказал тем, кто был с ним, успокоиться и ждать, чем кончится дело. Статуя Мефиса была сильной, и эта несметная сила, – направленная на самое себя, – быстро пошатнулась её. В конце концов, когда значительная часть статуи уже грудой лежала у своих ног, Мефис рухнул.

Остался только Бала... Вернее, остался бы, если бы третья огромная статуя вдруг не застыла. Фигура в мантиях, – согнувшаяся, чтобы прищёпнуть трёх тораджанцев своими табличками, – покачнулась и упала. Но упал Бала не в том направлении, в каком ему полагалось упасть. Вместо того чтобы рухнуть вперёд – к своим несостоявшимся жертвам, – изваяние вопреки здравому смыслу повалилось *навзничь*.

Только когда оно разлетелось на полу на куски, стала понятной причина его внезапного и необычного разрушения. Ульдисиан, с ещё более мрачным видом, чем у Мендельна, проходил через огромную груду сокрушённого камня, путь сам расчищался впереди него.

Мендельну не понравилось то, что он прочёл в глазах старшего брата. Он не дал понять Серентии, что Ульдисиан имел дело не только с парой демонов, но и самой Лилит. Узнай она это, дочь торговца устремилась бы туда впереди даже бывшего любовника демонессы.

В конце концов, Лилит была так же виновна, если не больше, в смерти Ахилия, чем Люцион, – который был только непосредственным орудием. Лилит подстроила всё это.

Лилит, память о которой без сомнения будет разрывать сердце Ульдисиана до самой его смерти.

Брат Мендельна огляделся и оценил потери, причинённые статуями:

-Чтоб её...

К счастью, Серентия отвернулась, чтобы помочь раненым. Это дало братьям возможность поговорить.

-Ничто не разрешилось... - угадал Мендельн.

-Ничто... - Ульдисиан продолжал рассматривать мёртвых. - Так много...

Младший брат удержался от любых замечаний. Он уже понял, что его собственное недавно сформированное мнение о смерти не всегда подходило Ульдисиану.

Что-то, похожее на сильный громовой раскат, потрясло храм. Ульдисиан посмотрел вверх, его выражение ещё больше ожесточилось.

-Огни и другие разрушения взяли своё. Храм вот-вот рухнет, - он миновал Мендельна. - Уходите немедленно! - прокричал он остальным. - Наша работа здесь закончена!

Ульдисиан умел приказывать так, что никто не мешкал. Мёртвые были оставлены на своих местах. Не то чтобы они с такой готовностью были забыты, просто выжившие знали, что их предводитель не стал бы выдворять их, не будь у него весомой причины. Кто-то помог вынести раненных, которых Ульдисиан без сомнения попытается вылечить позднее.

Мендельн обратил свой взор на брата... И его внимательный взгляд заметил внезапное напряжение в выражении последнего.

-Ульдисиан...

-Я сказал, нам всем сейчас нужно уходить, - голос Ульдисиана оставался ровным, но вены на его шее начали пульсировать.

Раздался повторный раскат, гораздо более приглушённый. Мендельн заметил, что пульсация усилилась.

-Как скажешь, - наконец ответил он как можно мягче. - Но двери запечатаны...

-Нет, уже нет.

Мендельн принял ответ брата за правду, и точно: когда он повернулся, то увидел, что некогда запечатанные двери сами распахнулись сразу, как только первые сторонники Ульдисиана достигли их. Никто больше не задался этим вопросом; они были преисполнены несокрушимой веры, что он проведёт их через что угодно.

-Им нужно идти быстрее... - процедил Ульдисиан сквозь зубы.

Кивая, Мендельн ускорил шаг.

-Не задерживайтесь, - крикнул он остальным. - Двигайтесь осторожно, но живо.

Издали Серентия поймала его взгляд. Он сообщил Мендельну, что она понимает истинное положение дел. Как и брат Ульдисиана, она изо всех сил пыталась тихо выводить остальных.

Очередной раскат сопровождала лёгкая тряска храма. В стенах и потолке появились расколы, но в остальном громадное здание оставалось целым. Выбоины на полу были результатами предыдущих стычек.

Приблизившись к выходу, Мендельн почувствовал, как его овеивает тёплый вечерний воздух. Зная, с чем они имеют дело, он считал каждый шаг, словно он был не менее важным, чем удар его сердца. Было бы просто приказать остальным бежать, спастись бегством с опасного места, пока не слишком поздно, но это бы только наделало бед.

Снаружи светил огонь. В его ужасном свете Мендельн кидал взгляд на другие районы Тораджи. Самыми заметными были засаженные деревьями улицы, в листве деревьев ютились серки – маленькие приматы, почитаемые населением. Были там и высокие округлые здания, на колоннах которых были один над другими высечены могучие звери. Работа была выполнена так искусно, что казалось, будто звери в тревоге наблюдают за пожаром вокруг. На самом деле помешать огню захватить район не было никакой возможности, не то чтобы Ульдисиана это заботило. Серки давно покинули зону, и всё остальное здесь несло отпечаток Триединого.

Смешанные отряды партанцев и тораджанцев заполнили земли перед храмом. В конце концов Мендельн оглянулся на огромное строение.

Только его взгляд различал в темноте непрекращающееся дрожание. Пламя теперь охватило большую часть крыши. Трещины пробегали по фасаду здания и, без сомнения, протянулись и по всем остальным его частям. Некоторые дальние колонны разломались пополам и упали. Крупный разлом пробегал вдоль основания западной стороны.

«Он уже должен был упасть,- понял он.- Он должен был упасть на наши головы...»

Но он не упал, и человек с напряжённым лицом, пришедший следом за ним, был тому единственной причиной. Пот струился по Ульдисиану, он задыхался. Его взгляд метался влево и вправо, словно он пытался всех сосчитать.

-Никто не остался внутри,- заверил его Мендельн.- Никто из живых, во всяком случае. Даже остатки паствы бежали.

-В... Джунгли... Если знают, что хорошо для... Них,- умудрился прокряхтеть Ульдисиан. Он стоял, очевидно, взвешивая свои возможности.

-Уже можно отпустить,- мягко заверил его брат.

Кивнув, Ульдисиан выдохнул.

С ужасным грохотом и скрежетом камня храм Тораджи обрушился сам на себя. Крупные блоки мрамора упали во внутренний двор. Языки пламени осветили ночь – открытый воздух подпитывал их ярость. От нескольких последователей Ульдисиана послышались изумлённые вздохи. Из Ромия вырвалось проклятие.

Огромные куски мрамора продолжали разлетаться по области, но ни один из них не подлетел близко к месту, где стоял отряд. Даже теперь какую-то часть разрушения брат Мендельна мог сдерживать.

В конце концов действие приняло рамки обыкновенного бедствия. Огонь продолжал гореть, но развалины окольцовывали его таким образом, что не давали далеко распространяться. И снова Мендельн знал, что это не случайно.

Ульдисиан посмотрел за Мендельна, который тоже чувствовал, что происходит за ним. Когда он повернулся, остальным тоже стало известно о толпе, наполняющей улицы. Собище оставшихся в живых жителей Тораджи стояло перед Ульдисианом и его группой, и в этой толпе Мендельн различил проявление разных эмоций.

Благородная фигура в ниспадающих красных и золотых одеждах отделилась от толпы. Поверх его длинных завязанных серебристых волос был повязан шарф, в одной ноздре имелось замысловатое золотое кольцо. Ослепительное исполнение кольца указывало на высокий статус. Долговязый владелец его годился братьям в отцы. В левой руке он держал длинный посох, по всей длине которого были выгравированы серебряные знаки.

-Я ищу пришельца с верхних земель, ассенианца по имени Ульдисиан,- «ассенианцами», как выяснила ранее группа Мендельна, жители джунглей называли бледных людей, населяющих регионы вроде Серама и Парты. Истинное значение было утрачено даже местными, но в результате слово стало означать любого с кожей и внешним видом, как у сынов Диомеда.

Ульдисиан не стеснялся выдать себя, хотя некоторые из его обращённых и выразили голосом тому протест. Их страх за него не был необоснованным: помимо облачённых в кожу солдат, которых Мендельн заметил среди новоприбывших, в обозреваемой близости имелись и представители магических кланов. Правда, держались они осторожно, ибо, хотя Мендельн и знал об их присутствии, он не видел ни одного, кто напоминал бы могучего чтеца заклинаний. У них были свои внутренние дела, с которыми они хотели разобраться; Ульдисиан пока ещё не был проблемой для истощённых хозяев Кеджана.

Но после сегодняшней ночи, подозревал Мендельн, они переоценят свою позицию.

-Ульдисиан, сын Диомеда, стоит перед тобой с пустыми руками,- ответил брат Мендельна с той же формальной

учтивостью.

Старец кивнул:

-Я – Раонет, старший советник Тораджи. Представитель народа... - он сделал паузу – по всей видимости, обратил внимание на множество тёмных лиц среди последователей Ульдиссиана. - ...но, похоже, не всего. В твоих рядах стоит много знакомых мне людей, ассенианец, это удивляет и беспокоит. Мне сказали, что только низшие сословия прислушались к твоим словам и что ты пообещал им богатства тех, кто стоит много выше...

-Я пообещал всем одно и то же, - прервал его речь Ульдиссиан, в его голосе промелькнул лишь намёк на ту ярость, которую, как Мендельн знал, он питал к тем, кто донёс подобные слухи до старшего советника. - Возможность достигнуть того, чем мы должны быть независимо от того, кем родились! Я предлагаю нечто большее, чем даже короли могут достичь, владыка Раонет, и для этого достаточно только слушать! Я предлагаю то, что Триединое – да и Собор – никогда не пожалуют своей пастве... Независимость от их абсолютного владычества!

Раонет снова кивнул. Он сжал губы, и было видно, что он полностью ни одобряет, ни отвергает услышанное.

-За последние ночи Триединое обвинили в тяжких преступлениях, наименьшие из которых слишком гнусны для меня, чтобы говорить о них здесь, ассенианец! В то же время у меня есть доказательства из определённых источников, что ты представляешь опасность для тех, кого мне дано оберегать...

-Ты хочешь больше доказательств, изобличающих преступления Триединого, старший советник? Они лежат в этих развалинах, собранные, несмотря на крушение.

Впервые за время разговора владыка Раонет выказал неуверенность. Мендельн тоже был впечатлён. Если он понял брата так, как и остальные, то даже хотя Ульдиссиан и дал храму в конце концов упасть, он всё равно защитил внутренние залы от раздавления тоннами упавшего камня. Ошеломляющее достижение, и бесполезное, как теперь выяснилось.

-Может, это и так, - наконец продолжил Раонет. - Но само по себе это не снимает обвинений с тебя, Ульдиссиан, сын Диомеда.

-Ульдиссиан – не преступник, - раздался голос, судя по всему Ромия.

Что-то вылетело из темноты и понеслось прямо в незащищённый лоб владыки Раонета. Старший советник и глазом не успел моргнуть, как снаряд настиг его...

И замер за миг до того, как пробить его череп.

-Прошу прощения, мой господин, - пробормотал Ульдиссиан, и по голосу было слышно, как сильно он измотан. Импровизированный снаряд – острый кусок камня размером с яблоко, отколотый от угла храма, – рассыпался. Рядом с обутыми в сандалии ногами Раонета образовалась кучка пепла.

-Во имя... - начал старейшина и закрыл рот. У Мендельна возникли подозрения, что, как и многие другие тораджанцы, он собирался прибегнуть к упоминанию Трёх... Мефиса, Балы и Диалона. Правда, это был всего лишь рефлекс – владыка Раонет не излучал и тени той тьмы, которая исходит от истинных обращённых Триединого. Он был невинным простофилей, как и остальные...

-Прошу прощения, - повторил Ульдиссиан. Он повернулся к своим последователям. Хотя его взгляд блуждал по всей толпе, его брат не сомневался, что тот, кто использовал свою силу для запуска снаряда, теперь чувствовал, будто внимание Ульдиссиана сосредоточено на нём. - Чтобы больше такого не было. Не в этом суть дара, который у нас есть. Сражаться за правду – да, сражаться за наше право быть теми, кем нам уготовано, – да, но не для нанесения увечий и не для убийства... Иначе мы не лучше Триединого.

Он снова посмотрел на старшего советника, который только теперь отвёл взгляд от пепла. Надо отдать ему должное, минутное изумление владыки Раонета от вида приближающейся смерти вновь уступило место решимости защищать свой город и свой народ.

Ульдиссиан заговорил прежде, чем успел начать собеседник:

-Мы уходим из Тораджи, мой господин. Остаток ночи мы проведём за пределами стен. Завтра мы уйдём. Я пришёл сюда, чтобы попытаться сделать доброе дело, но это доброе дело теперь смешалось с тем, что не нравится ни мне, ни вам. Такого я не хочу... такого я никогда не хотел.

Старший советник слегка наклонил голову:

-Мои силы не властны над тобой, ассенианец. Если ты покинешь Тораджу, не учинив разрушений, больших, чем

случились этой ночью... Я только поблагодарю звёзды. Ни один солдат не поднимет оружия на тебя или на тех, кто решил следовать за тобой, если только они сами не захотят держать передо мной ответ. Я больше не допущу кровопролития...

-И ещё одно, владыка Раонет.

Владыка занервничал.

-Триединого здесь больше нет. Если оно опять появится в Торадже, – как бывает с сорняками, – я вернусь.

Снова Раонет поджал губы:

-Если это такое зло, как ты сказал, этот сорняк я сам выдеру с корнем из земли моего города.

Похоже, это удовлетворило брата Мендельна. Ульдисиан не посмотрел на своих приверженцев. Он просто пошёл на владыку Раонета и они, в свою очередь, пошли следом. Более крупная толпа, которая сопровождала старшего советника, быстро расступилась, сотни глаз с разными эмоциями наблюдали, как обращённые – некоторые из них когда-то были их друзьями, соседями и родственниками – проходят мимо. Тораджанцы в рядах группы Ульдисиана наблюдали своих местных братьев с той же напряжённостью, хотя в их случае они излучали решимость вновь обращённых. Никто не собирался говорить им, что они, может быть, сделали неправильный выбор.

Когда Ульдисиан дошёл до него, старший советник снова склонил голову. Ульдисиан кивнул в ответ. Никто не говорил – словам уже не было места. Мендельн исподтишка наблюдал за лидером тораджанцев. Раонет сам по себе был интересным человеком; вокруг него парили призраки, но не было времени выяснить, родные то или враги. Важно было то, что их много; это свидетельствовало о сильной личности Раонета. Присоединись он к столь многим своим гражданам, выбравшим принять внутренний дар, Раонет, подозревал Мендельн, быстро бы стал одним из самых многообещающих учеников Ульдисиана.

«И, быть может, это хороший повод радоваться, что он не присоединился» - подумал младший брат. Раонет был лидером; ему могла претить необходимость подчиняться.

Толпа продолжала расступаться. Даже среди солдат выражения были смешанные. Некоторые источали недоверие, иные – любопытство.

«А нас станет больше,- осознал Мендельн. Наверняка Ульдисиан тоже это знал.- Нас станет больше ещё до того, как мы оставим позади эту толпу». Некоторые улизнут ночью, чтобы попасть в лагерь за городскими стенами. Мендельн прикинул, что они не только восполнят сегодняшние потери, но приобретут в десять раз большее число людей.

-Так много,- пробормотал он.

-Да. Так много,- ответил Ульдисиан. В этот миг, несмотря на все личные расхождения, братья всецело понимали друг друга. Они оба понимали рост того, что начал Ульдисиан, понимали, что с каждым днём сообщество будет разрастаться.

И оба знали также, что всех этих прибавленных душ может оказаться недостаточно... Что каждый присутствующий здесь и каждый, кто придёт, в результате может просто умереть.

Глава четвёртая

В Пророке не было ни изъяна – во всяком случае, на вид. Он казался своим последователям таким юным, при этом его слова были мудрее слов любого из мудрых старцев. Его голос лился музыкой. На его молодом лице не было ни следа щетины, как у ребёнка. Те, кому выдавалась честь видеть его вблизи, уходили под впечатлением красивых, почти прекрасных черт, но при этом описания были различными в зависимости от их собственных предпочтений. Все сходились, правда, в том, что волосы, которые ниспадали на плечи, отливали золотом солнца, и что цвет глаз являл светящуюся смесь голубого и серебристого.

Он был тонок и славно сложен, как какой-нибудь акробат или танцор. Пророк двигался так, что даже холёная кошка ему бы позавидовала. Он был одет в серебристо-белую мантию Собора Света, ноги были обуты в сандалии.

Сейчас Пророк стоял во всём своём великолепии, только что окончив проповедь для более чем трёх тысяч рьяных паломников. Позади него хор из двух сотен певцов – фигурами и телами они были совершенны – пел завершающие хвалы. Публика, как всегда, была в экстазе. Хотя у секты были отделения повсюду, поток новичков вперемешку с местными верующими, который тёк по направлению к собственно храму, отстоящему немного к северу от столицы, никогда не утихал. В конце концов, именно здесь жил сам Пророк. Здесь можно было услышать речи из его собственных уст.

«Я должен поработать над этим, – подумал он, принимая хвалу от почитателей. – Каждый должен слышать мои слова лично. Возможно, в каждом регионе во время проповеди высоко над жрецом стоит повесить сферу, из которой будет литься мой голос...»

Он отложил эту идею на потом: его собственные чаяния витали сейчас очень далеко от текущих обстоятельств.

Рядом со смертным Ульдисианом уль-Диомедом и его разношёрстными последователями, которые снова продолжили движение.

Когда он собрался сойти с помоста, дунули в длинные золотые рога. Хор сменил песнопение в знак его ухода, ни разу не допустив фальши ни в одной ноте. Он состоял из представителей всех сословий, всех рас, но в своей счастливой гармонии они мало отличались друг от друга.

Его встретили два его старших жреца, Гамюэль и Орис. У Орис волосы были забраны назад и, хотя на вид она годилась ему в бабушки, её выражение выдавало её влечение и любовь к нему. Пророк ещё помнил, что её овальное лицо когда-то давало фору любому молодому лицу из хора, но, как и певицы, жрица мало интересовала его и тогда, и теперь. Также его определённо не привлекала внешность любого из мужчин, в том числе широкоскулого Гамюэля. Нет, только одно существо – женского пола – было когда-то его страстью... И он предал её анафеме.

– Плодотворная, изумительная речь, как обычно, – проворковала Орис. Несмотря на её манеру с ним, она была одной из самых способных его служителей. Кроме того, Пророк вряд ли мог винить её за обожание. Она была всего лишь человеком, в то время как он был куда большим.

– Как ни устал я соглашаться с ней в этом вопросе, боюсь, что должен сделать это снова, о Великий! – добавил Гамюэль, низко кланяясь. Когда-то он был воином и был вполтину шире своего господина, но никто бы не спутал, кто из них представляет настоящую силу. Пророк выбрал для этого поста Гамюэля, потому что, пусть и самым отдалённым образом, этот смертный напоминал Пророку его истинную сущность.

– Это было хорошо, – признал их повелитель. По меркам жрецов все его речи были совершенством, но даже он вынужден был признать, что эта речь была чуть лучше многих предыдущих. Возможно, это было связано с текущими обстоятельствами; того положения дел, к которому он привык, вдруг не стало. По правде говоря, это одновременно разъярило... И вдохновило... Его.

– Чувствовалась смена настроения, когда ты заговорил о Триедином, – продолжала Орис, её рот скривился при произнесении последнего слова. – Ходят новые слухи о них и каком-то фанатике из региона ассенианцев.

– Да. Его имя – Ульдисиан уль-Диомед. Он принёс много бед храму в Торадже. Очень скоро мы услышим об этом официальное известие.

Ни один из жрецов не выказал большого удивления, что это ему известно. Они оба пробыли здесь достаточно

долго, чтобы понимать, что Пророк осведомлён о вещах, которые они даже не могли никогда представить. При этом они всё равно должны были доставлять ему отчёты – для проформы. Всегда имелся малюсенький шанс, что что-то могло от него ускользнуть.

Гамюэль покачал головой:

-Так близко. Будет ли... Этот Ульдиссиан... Искать войны так же и с Собором?

-Это возможно, сын мой.

-Тогда мы должны пойти против него...

Пророк посмотрел на жреца так, как отец смотрит на простодушного, но любимого сына:

-Нет, дорогой Гамюэль, мы должны идти *в ногу* с ним.

-Святой?

Но Пророк больше ничего не сказал. От высших служителей он пошёл в свои личные покои. Никто не последовал за ним – блистательный хозяин Собора Света настаивал на том, что ни один слуга не должен посещать его, пока не будет вызван. Никто не задавался вопросом об этой причуде; все они были слишком очарованы его святым присутствием.

Стражники в шлемах стояли на посту перед изящно вырезанными сдвоенными дверями – это было одновременно церемонией и следствием опасений за него его сподвижников. Все шестеро стояли, как статуи, когда он приблизился к ним.

-Вольно,- сказал он им.- Вы свободны на этот вечер.

Старший стражник немедленно встал на одно колено:

-Святой, мы не должны покидать наш пост! Твоя жизнь...

-Есть ли здесь кто-то, кто может угрожать ей? Есть ли здесь кто-то, кого мне следует бояться?

Тут они не могли с ним поспорить, ибо все знали, что Пророк обладал силами невероятными. Он мог защитить себя куда лучше, чем они. Даже сами стражники понимали, что они здесь для вида, но их преданность всегда мешала им уйти.

-Идите благословясь,- провозгласил белокожий юноша и сложил уста в блаженной улыбке, чтобы вдохновить их на уход.- Идите, зная, что все вы пребываете в моём сердце...

Они покраснели от гордости, но подчинились с неохотой. Пророк не смотрел, как они уходят. Он прошёл прямо в двери, которые распахнулись сами собой, чтобы пропустить его, и захлопнулись сразу, как только он вошёл.

Он оказался в зале, где было мало мебели, но которая в остальном была роскошной.

Плисовый низкий диван служил постелью Пророку по предположению его последователей... Тех, кто предполагал, что он вообще спит. Помимо него здесь стояло несколько мраморных постаментов с лучшими вазами и стеклянными скульптурами со всех уголков Санктуария. Свежие цветочные венки украшали стены, бо́льшую часть сверкающего мраморного пола покрывали сужающиеся ковры с самыми замысловатыми, вышитыми вручную узорами. На стенах также висели великолепные картины естественной красоты с изображением любой воображимой местности, каждая была *лично* описана различным художником златовласым хозяином.

Но выше находилось то, что те немногие, кто был удостоен чести войти в личное святилище Пророка, считали истинным фокусом внимания. Роспись покрывала весь потолок целиком, каждый участок был полон фантастических изображений. Существа, считающиеся мифическими, почти сюрреалистические пейзажи и, прежде всего, тщательно проработанные нематериальные создания, парящие вокруг при помощи огромных оперённых крыльев, пробивающихся из них в области плеч. Фигуры как мужские, так и женские, все одеты в тончайшие мантии; каждая обладает чертами, которые могли бы стать предметом зависти любой красавицы-принцессы или удалого принца. При внимательном рассмотрении становилось ясно, что они – не просто часть пейзажа, но скорее они *формируют* пейзаж.

Это были ангелы – по крайней мере, как их изображают люди. Пророк был мудр и знал, что попытка художника исключительна, но она оставалась всего лишь попыткой. Простой смертный не мог ухватить истинную сущность таких существ. Простой смертный не мог постичь существ, чья природа была не совсем физической, но скорее

гармонией резонансов.

Да, простой смертный не мог постичь ангелов такими, какими они были, но Пророк мог.

В конце концов, разве не был он сам среди величайших из ангелов?

Это произошло в ослепительной вспышке света, в тысячу раз быстрее, чем моргает око. Комната затряслась, и казалось, что свирепый ветер поднялся прямо из точки, где стояла златокудрая фигура. Мигом исчез Пророк, который, при всём своём совершенстве, был всего лишь тенью восхитительной правды. На его месте стояла окружённая маревом фигура в плаще с огромными пламенными крыльями. Код капюшоном не было лица, только излучение – сформированное из совмещения света и звука – такое чудесное, что могло бы ослепить большинство людей. То, что казалось длинными серебристыми, ниспадающими волосами, на самом деле было ничем иным, как чистым светом и звуком, смешанными воедино.

Он был облачён в нагрудник и мантию, первый сверкал медью, вторая словно была выткана из самих лучей солнца. Выражаясь словами смертных, тот, кто был Пророком, казался теперь каким-то божественным воином, и правда, он выдержал много тяжёлых битв с демонами Пылающего Ада.

Так много, на самом деле, что ангел Инарий в итоге отверг с презрением бесконечную войну между Высшим Небом и их чудовищными врагами и решил отыскать себе место подальше от борьбы.

С собой он взял сошедшихся с ним мыслями, уставших одерживать победу и следом терпеть поражение снова, и снова, и снова.

Я ИСКАЛ МИРА И БЫЛ НАГРАЖДЁН ЕГО ИЛЛЮЗИЕЙ...- горько размышлял Инарий.- Я СОЗДАЛ СВОЁ УБЕЖИЩЕ И НАЗВАЛЕГО ТАК...

Но его ошибка состояла в том, что задолго до того, как создать Санктуарий, он прислушался к мольбам группы демонов, которых тоже не волновало, чья сторона одержит верх. Он усугубил эту ошибку, поддавшись соблазнам их лидера, слова коей отражали его собственную решимость. Именно из-за их союза – и союза их последователей – Санктуарий стал не только убежищем, но и *необходимостью*...

Из-за неё... Всё это произошло...

ЕСЛИ БЫ Я НИКОГДА НЕ ВСТРЕТИЛ ТЕБЯ, ЛИЛИТ... ЕСЛИ БЫ Я НИКОГДА НЕ УВИДЕЛ И НЕ ТРОНУЛ ТЕБЯ...

Но он сделал это, и все его сожаления лишь тем и были... Сожалениями. Даже он не мог вернуться и изменить прошлое.

Бегство из Высшего Неба и Пылающего Ада, поиск мятежниками места для жизни, создание Санктуария... Всё это – нестираемые страницы истории.

Как и предательство Лилит.

Инарий сделал жест, и огненная черта разделила потолок посередине. Комната затряслась, когда в центре композиции разверзлось отверстие.

Он не боялся, что его заметят. Смертные по природе были слепы перед его присутствием, и его силы заслоняли его от всех остальных, кто мог обнаружить небесное создание.

Инарий даже не должен был больше беспокоиться о том, что Высшее Небо ощутит его или Санктуарий, ибо он чувствовал, что наконец-то его силы стали достаточно большими, чтобы держать в неведении даже Совет Ангирис, тем более что непрерывная война ещё больше отвлекала их внимание.

И вот, впервые за многие столетия, Инарий воспарил высоко в небо. Он широко распустил свои крылья и впитал ощущение безграничной свободы. Глупо с его стороны было так долго ждать очередного полёта. Конечно же, это было не из-за страха. Нет, Инарий понял, что предательство Лилит – даже больше, чем отвратительный убий друг их ангелов и демонов, – потрясло его до глубины души. Только по этой причине он скрывал себя под смертными личинами Пророка и других.

ДОВОЛЬНО... ДОВОЛЬНО... ВЕСЬ ЭТОТ ФАРС ПОДОШЁЛ К КОНЦУ, И ВСЕ ЗДЕСЬ УЗНАЮТ О МОЁМ ВЕЛИЧИИ, МОЁМ ПО ПРАВУ... В конце концов, если бы не он, ничто из этого бы не существовало. Его правом, его долгом было поддерживать в Санктуарии курс, который он запланировал. Лилит будет наказана, демоны будут изгнаны, и от докучливого смертного останется лишь сходящее на нет воспоминание. Санктуарий *станет* таким, каким он видит его... Либо он его уничтожит и начнёт заново.

Ангел вдруг круто повернул, миновал огромный собор и в считанные секунды достиг столицы.

Город Кеджан был достаточно большим, чтобы самому по себе считаться землёй, и ходили слухи, что это окружающие регионы были названы в его честь, а не наоборот. Такие тонкости совершенно не интересовали Инария, но огни столицы показались ему интересными. Дело в том, что они отдалённо напомнили ему блеск Высшего Неба, места вечного сияния.

Я ПЕРЕДЕЛАЮ САНКТУАРИЙ, КАК ТОЛЬКО ЭТОТ ИНЦИДЕНТ ЗАКОНЧИТСЯ,- поклялся он.- Я СОЗДАМ СВОЁ СОБСТВЕННОЕ ВЫСШЕЕ НЕБО, КОТОРОМУ ПОЗАВИДУЕТ ИЗНАЧАЛЬНОЕ! Это потребует немалых жертв, особенно со стороны его смертных, но это будет сделано. Слишком долго он терпел в молчании убожество, когда по праву он мог жить более подобающим образом. Он создаст рай, свободный от мелких ссор...

Ни с того ни с сего ощущение чего-то знакомого поразило его так сильно, что на короткий миг ангел отклонился от курса. Инарий немедленно выровнялся, а затем резко развернулся.

Сначала он подумал, что это она, но ему уже было известно о её присутствии. Нет, тут что-то другое.

Инарий почувствовал то, что у смертного выразилось бы в учащённом биении сердца. Сначала Лилит... А теперь ещё один подобрался к ангелу так близко, как она.

Оказавшись опять над собором, величавый ангел приостановился, чтобы оглядеть тёмные земли вокруг него. Слабая вспышка мерцания служила единственным признаком этого нового возвращения.

НО, СТАЛО БЫТЬ, ОН УМЁН, ХОТЯ И СБИТ С ПУТИ ИСТИННОГО... В КОНЦЕ КОНЦОВ, МОЖЕТ, ОН И ЕЁ ЧАДО... НО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ И МОЁ...

Воскрешение ещё одного старого – и, по всей видимости, живущего – воспоминания, тем не менее, ничего не изменит. Когда Инарий опустился в залу и потолок начал перестраиваться, он уже знал, что, когда время придёт, он поступит с иным точно так же, как собирался поступить со своей бывшей возлюбленной.

Даже если это *был* его блудный сын.

Ульдиссиан поднялся с простого одеяла, на котором спал, чтобы предстать перед морем новых лиц, нерешительно поглядывающих в его сторону.

-Я не могла заставить их встать где-нибудь дальше,- принесла извинения Серентия, оказавшаяся справа. Её тёмные волосы были завязаны сзади, и она шла скорее как солдат, чем как дочь торговца. Несмотря на растущую эффективность своих сил, она продолжала нести копьё зажатым в руке.

-Всё в порядке, Серри,- ответил он по инерции, только после сообразив, что снова вернулся к её детскому имени.

Выражение её лица ожесточилось, и влага образовалась вокруг в остальном суровых глаз. Только три человека постоянно называли её этим именем, когда она выросла. Двое из них были мертвы, и вторым из мёртвых был Ахилий.

Вместо того чтобы поправиться и уладить дело, Ульдиссиан перевёл внимание на новоприбывших. Среди них были представители всех сословий и возрастов и, как он и предполагал, с ними было много детей. Последнее сильно встревожило Ульдиссиана, как тогда, когда партанцы привели своих собственных отпрысков. Дети погибали, и эти смерти больше, чем любые другие, разрывали ему сердце.

Однако, в независимости от его предубеждений, семьи присоединялись к нему.

«Мне не мешало бы лучше защищать их,- подумал он с горечью.- Если не ради детей, то для кого я это делаю?»

Он никогда не углублялся в этот вопрос, потому что ответ всегда *его* окружал. Он делал это для тех, кто следовал за ним, правда, но также из чувства праведной мести. Отрицать это было невозможно, в независимости от того, насколько руководящей была эта причина.

И это заставило Ульдиссиана только почувствовать себя хуже при виде новых детей.

Выпрямившись, Ульдиссиан принял от Серентии мех с водой. Он отпил немного прохладной жидкости, затем вылил большую часть содержимого себе на голову, чтобы пробудиться. Ульдиссиана не заботило, что новоприбывшие думают о его действиях; если такая мелочь отвернёт их от него, значит, они не готовы.

Но никто не ушёл. Он стояли, терпеливо дожидаясь. Он едва не нахмурился, в тайне надеясь, что кто-нибудь из родителей заберёт своих детей и хоть немного облегчит его груз вины.

-Я надеюсь, вы все пришли по одной и той же причине,- провозгласил Ульдисиан.- Вы знаете, что такое дар...

Некоторые закивали головами. Ульдисиан прикинул, что перед ним где-то сотня новичков. Они заполнили большую часть поляны, где он спал. Его собственные последователи подались назад в джунгли, наблюдая оттуда с надеждой и тревогой. Каждый обращённый был для других новым чудом.

Он больше не видел смысла тратить время на разговоры. Он пообещал старшему советнику, что отведёт своих сторонников от Тораджи, а Ульдисиан всегда был человеком слова.

Сын Диомеда протянул руку к ближайшему человеку – престарелой женщине, чья голова была укрыта разноцветным шарфом. Ульдисиан чувствовал, как изумление борется в ней со страхом, и понял, что она пришла сюда одна.

-Пожалуйста...- пробормотал он, вспоминая свою собственную давно умершую мать.- Пожалуйста, подойдите ко мне.

Она не колебалась, что было больше её заслугой, чем его. Женщина была худая и имела вытянутое узкое лицо, но глаза у неё были красивые и карие, и он заподозрил, что во времена своей молодости она была весьма привлекательна.

Ни у кого не возникло вопроса, что старый человек делает среди остальных. Когда речь шла о даре, возраст не имел значения, с тем исключением, что тем, кому не исполнилось десяти лет, требовалось больше времени на развитие и получение наглядных признаков успеха. Наверное, это было заложено природой и уберегало их от причинения вреда себе и другим, что можно наблюдать у некоторых животных.

-Как тебя зовут?- спросил он.

-Магарити,- голос её звучал сильно. Она не хотела, чтобы остальные посчитали её глупой старой перечницей, не годящейся для этого случая.

Кивнув в знак одобрения, бывший фермер взял её левую руку:

-Магарити... Открой мне свои мысли и сердце. Но можешь закрыть глаза, если хочешь...

Как он и ожидал, она оставила их открытыми. Снова Магарити выросла в его глазах...

Характерный шум наполнил воздух.

У Ульдисиана был один вздох, чтобы отреагировать. Он посмотрел на пустой воздух.

Спустя миг три вертящихся предмета сошлись в месте, где стоял он – и ударились о невидимый барьер, как о железную стену. Смертоносные предметы упали на землю, где стало видно, что это изогнутые куски металла с маленькими сверкающими зубчиками по краям. Ударь они Ульдисиана, они без сомнения убили бы его на месте... А может, и обезглавили бы его.

От ожидающих людей отделились двое неряшливых, неприметных мужчин. Однако когда они устремились на Ульдисиана, их тела изменились и они стали надзирателями мира.

У одного из них из ниоткуда появилось короткое копье, которое он метнул в сына Диомеда. Острый наконечник обладал странным красноватым оттенком. В то же время второй метнул очередное свирепое металлическое оружие.

Но прежде чем Ульдисиан смог действовать, вертящееся оружие вдруг развернулось обратно на своего владельца.

Оно ударило его в грудь, пробило металлический нагрудник, затем ткань, плоть и кости под ним. Надзиратель мира полетел назад на тораджанцев, которые едва успели увернуться от окровавленного тела, прежде чем оно жуткой грудой свалилось на землю.

Ульдисиан сосредоточился на копье, но оно, хотя и замедлилось, не остановилось. Красный наконечник мог иметь только демоническую природу. Серентия прыгнула вперёд, используя своё копье, чтобы сбить то с курса. Оно пролетело мимо него.

Прежде чем второй надзиратель мира успел сделать что-нибудь ещё, кто-то из новых тораджанцев схватил его.

Он издал проклятье, которое превратилось в крик боли, когда толпа начала разрывать его на части.

Не это было на уме у Ульдисиана. Это была не битва, а скотобойня.

-Прекратите!

Сказав это, он использовал свои способности, чтобы осторожно подвинуть тех, кто держал надзирателя мира, и оставить злодея одного. Надзиратель мира тщетно пытался восстановить власть над своими ногами. Он стоял под углом, под которым должен был упасть назад, – только благодаря Ульдисиану этого не происходило.

Каждый мускул воина напрягся, когда Ульдисиан навис над ним. Одна рука дёрнулась, и сын Диомеда заметил, что рядом с пальцами свисает кинжал.

-Я могу позволить тебе взять этот кинжал, если хочешь, – сказал он без всяких эмоций. – Но добра он тебе не принесёт.

Однако человек всё равно тянулся к слабому оружию. Вздохнув, Ульдисиан выпрямил надзирателя мира, а затем освободил ему одну руку.

Рука немедленно схватила клинок. Надзиратель мира поднял кинжал вверх — и, к удивлению Ульдисиана, перерезал своё *собственное* горло.

Толпа затихла, но когда Ульдисиан, ошеломлённый самоубийством, дал окровавленному человеку упасть, он увидел, что они думают, что это их лидер заставил воина убить себя. Они думали, что смертельный удар был наказанием Ульдисиана и доказательством его верховенства над такими убийцами.

Всё ещё умудряясь скрывать своё ошеломление, Ульдисиан поглядел на надзирателя мира. Мужчина дважды булькнул, его тело дёрнулось... И затихло.

«Он хотел только убить самого себя! Он потерпел неудачу и не знал иного пути...» - такой фанатизм поразил Ульдисиана. Возможно, мужчина думал, что его ждёт какая-то более ужасная судьба, но почему-то это было сомнительно. На самом деле, Ульдисиан подумывал о том, как бы обыграть дело так, чтобы оставить убийцу жить. Довольно погребло прошлой ночью, и теперь, с приходом нового дня, состоялось новое кровопролитие. Он был сыт всем этим по горло.

«Но ты выбрал этот путь» – напомнил он себе.

-Мастер Ульдисиан! Мастер Ульдисиан!

Ульдисиан с благодарностью взглянул на Ромия – любая передышка была кстати. Бывший преступник указал за спину, откуда двое других парланцев тащили к остальным безвольное тело.

Третий надзиратель мира. Только теперь Ульдисиан подумал о том, что первые звёздочки прилетели издалека.

-Мы обнаружили его сразу, где начинаются джунгли, – объяснил Ромий, потирая свою лысую макушку.

Когда парланцы бросили тело, причина смерти стала сразу ясна. Кто-то искусно подстрелил убийцу, угодив стрелой в основание шеи, очевидно, полагаясь больше на отточенный талант, нежели на всё ещё сомнительные силы.

Это была ещё одна смерть, но смерть неизбежная. Надзиратель мира сам её на себя навёл.

-Хорошая работа, Ромий.

-Не моих рук дело, мастер Ульдисиан.

Двое других также покачали головами. Ульдисиан секунду обдумывал это.

-Тогда кто?

Но никто не признал за собой заслугу.

Хмурясь, Ульдисиан склонился над телом. Выстрел был великолепным – как он заметил ранее, работа без сомнения искусного лучника. Малейшая смена направления – и стрела либо прошла бы мимо, либо броня защитила бы тело.

На древке было что-то тёмное. Ульдисиан отёр немного. Его брови поползли вверх.

Это была влажная грязь... Влажная грязь, покрывающая большую часть стрелы, словно кто-то перед выстрелом зарывал её в землю.

Глава пятая

Он был холодным. Даже в запаренных джунглях он был холодным. По сути, он никогда теперь не был тёплым, за исключением, разве что, случаев, когда оказывался недалеко от них... Или, возможно, от *неё*. Да, думал он, вероятно, это случилось из-за неё. Разве могло быть иначе?

Это был риск – идти на такое, но в противном случае надзиратель мира мог уйти. Имело ли это значение, его притуплённый ум не мог ответить, но он решил, что проверять не стоит. Стрела в шею – и готово.

Но теперь ему пришлось как можно скорее двигаться прочь от остальных. Он не осмеливался показаться на глаза. Они увидят в нём угрозу... И он был не так уж уверен, что они окажутся неправы.

С луком через плечо он пробирался сквозь густые заросли. Время от времени, когда ему приходилось прислоняться к стволу, он оставлял за собой грязные отпечатки. Грязь была мягкой и влажной. Видно, как он ни пытался очистить свои руки, от всей грязи избавиться не удавалось.

Внезапно он напрягся, поняв, что он не один. Что-то крупное, но гибкое скользило сквозь джунгли, зная о его передвижениях, хотя он и думал, что ступает тихо. Одна рука медленно потянулась к луку...

Черты дикой кошки с двумя длинными, похожими на сабли зубами промелькнули среди листвы. Болотная рысь зарычала.

Но так же быстро рык перешёл в шипение. Зверь отпрянул.

Он опустил руку. Он должен был догадаться, что опасности нет. Как и все животные, кошка могла почувствовать неправильность в нём.

Равно из отвращения к самому себе, как и из нетерпения покончить с этим маленьким фарсом, он сделал шаг по направлению к огромной кошке. Та немедленно отступила на равное расстояние, на ходу брызгая слюной.

-У меня нет... Времени... На тебя...- это были первые слова, которые он произнёс за много дней, и хриплый их звук напугал его так же, как, похоже, и животное. Без дальнейших притворств крупная кошка развернулась и побежала, поджав хвост.

Лучник стоял некоторое время на месте, вникая в реакцию существа. Она только подтвердила его собственные мысли о том, что случится, если кто-нибудь увидит его.

Но он *должен был* оставаться поблизости. Не только потому, что хотел этого, но и потому, что что-то *заставляло* его. Даже теперь побуждение развернуться росло. Ещё немного, и он будет вынужден повернуть назад. Он мог даже посчитать число шагов, но всё равно он знал, что попытается увеличить их хотя бы на один. Того от него требовало врождённое упрямство.

Кошка давно убежала. Отклоняя в сторону крупный лист размером с его голову, он продолжал путь.

За собой, на листе, он оставил очередной грязный отпечаток.

Потребовалась немалая часть утра, что разобраться со всеми новыми обращёнными, но, несмотря на данное обещание, Ульдисиан отказывался уйти прежде, чем каждый поймёт, что такое он пробудил в них. Это не означало, что они смогут овладеть любой силой, но, по крайней мере, это могло послужить им, нависши над их головами опасность... Что, он чувствовал, должно было случиться довольно скоро. К счастью, остальные сторонники, особенно партанцы, – у которых была возможность практиковаться дольше, – постоянно пытались вдохновить своих тораджанских собратьев.

По словам Лилит, они становились «нефалемами», но это слово не только оставляло горький вкус на губах Ульдисиана, но также и не подходило... Во всяком случае, в том плане, в котором был заинтересован он. От тораджанцев он услышал новое название, древнее, так что оно было даже похоже на первое.

«Эдиремы». Это означало «тот, кто узрел», и, по мнению Ульдисиана, это описание идеально подходило ему.

и остальным. Он уже использовал его в это самое утро и убедился, как легко оно сходит с языка. Уже многие использовали этот термин вместо старого...

Они покинули окрестности города, как только он закончил. Хотя солнце было высоко в небе, казалось, что сейчас чуть ли не сумерки. Листва была такой густой, что лучи изредка проглядывали сквозь неё. Это было не совсем нежелательно, потому что в джунглях и без того было душно. Тораджанцы так сильно против этого не возражали, а вот большая часть ассенианцев – в том числе Ульдисиан – уже были покрыты потом.

Единственным очевидным исключением был, конечно же, Мендельн. Он путешествовал по джунглям как будто даже с большим удобством, чем местные. С его-то тёмным одеянием брат Ульдисиана должен был погибать от потливого жара, но ни одна капля не образовалась на невозмутимом лице Мендельна.

Взгляд Ульдисиана метнулся к Серентии. Она, как и он, страдала от жары, пусть и не так сильно. Он присмотрелся к ней, в первый раз видя, какой красивой она была девушкой, – не просто подругой, к которой он всегда относился, как к сестре. Как теперь он завидовал месту Ахилия в её сердце, месту, которым он владел когда-то, но которым пренебрёг. Любую мысль о том, чтобы поухаживать за Серентией, он пресекал; он всё ещё чувствовал за собой непосредственную вину в ужасной кончине лучника.

Серентия остановилась, чтобы отпить из своего водяного меха, но, когда она поднесла горлышко к губам, её хватка ослабла. Мех выпал, его содержимое разлилось по земле.

Он потянулся за своим:

-Можешь попить из этого.

Поднимая мех, Серентия покачала головой:

-Оставь себе. Мы совсем недавно миновали ручей... И, кроме того, я смогу свои личные дела поделать.

-Кто-то должен пойти с...

Она наградила его благодарной улыбкой:

-Да всё со мной будет в порядке. Ты, наверное, почти всё время будешь видеть мою макушку.

Ульдисиан всё ещё был не доволен, но знал, что спорить бесполезно. Сигналом приказывая другим продолжать движение, он остался стоять на месте:

-Я буду здесь. Я никуда не уйду.

Снова дочь Сайруса улыбнулась. Ульдисиан обнаружил, что ему нравится, когда она улыбается ему.

Серентия поспешила прочь. Ещё несколько человек хотело остаться с Ульдисианом, но он вежливо отказался от их компании. Несмотря на подвижную зелень и тени, отбрасываемые густой листвой, Ульдисиан изо всех сил старался всё время не терять её из вида. Как она и сказала, поток был совсем рядом; на самом деле, другие из их отряда пользовались им до Серентии. Действительно не было никакого повода для беспокойства...

Но, если подумать, не однажды уже он думал так... И оказывалось, что он ужасно ошибался.

Серентия наклонилась, впервые пропадая из поля зрения. Ульдисиан задержал дыхание... А потом выдохнул, когда она вновь поднялась.

Она оглянулась и взмахом руки приказала ему отвернуться. Несмотря на свои опасения, он в конце концов подчинился.

Зашелестела листва, и всё смолкло. Ульдисиан вдруг понял, что может использовать свои силы, чтобы проверить её местоположение, но он подозревал, что Серентия с помощью своих собственных сил заметит, что он это делает. Так что, учитывая её теперешние обстоятельства, бывший фермер постеснялся это сделать.

Со стороны Серентии донёсся приглушённый звук. Ульдисиан посмотрел в её сторону. К его облегчению, голова темноволосой женщины вновь появилась. Через несколько секунд Серентия уже стояла рядом с ним.

-Я забеспокоился... На короткий миг, - признался он.

К его немалому удивлению, её глаза заблестели при этом замечании. Серентия приложила ладонь к его щеке. Она улыбнулась почти стеснительно:

-Мне это нравится,- наконец пробормотала дочь торговца.

Затем, с краснеющим лицом, Серентия бросилась вперёд, оставив опешившего Ульдиссиана пытаться понять, что мог значить этот случай и значил ли он что-либо вообще. Затем, отогнав эти опасные мысли на задний план, он побежал к остальной группе.

Они держали путь не к столице, как думал кто-то, но ещё южнее, по направлению к главному храму. Ульдиссиан действовал бы иначе, но Лилит подтолкнула его к этому. Несмотря на её поведение, указывающее, будто она хочет, чтобы он уничтожил Триединое, он почему-то думал, что если он направится прямо к их главной цитадели, это превзойдёт ожидания демонессы. Ульдиссиан надеялся тем самым обескуражить её.

К несчастью, он подозревал в то же время, что всё ещё служит игрушкой в её руках.

Импровизированная армия остановилась у реки, которая, по словам тораджанцев, протекала между южными воротами города и землями, принадлежавшими Триединому. Ульдиссиан посчитал реку идеальным путеводителем на остаток перехода. Ромий с несколькими товарищами определил лучшую зону для лагеря, и нефалемы начали размещаться на ночь.

Припоминая речных рептилий, которых поймал Ахилий, Ульдиссиан позаботился о том, чтобы не только его сторонники спали подальше от воды, но и чтобы никто ни под каким предлогом не приближался к ней в одиночку. При этом небольшие группы, перед тем как пойти к реке, должны были уведомить об этом остальных.

-Мы должны ничего не бояться,- язвительно заметил он, обращаясь к Мендельну. Они вдвоём сидели у одного из многих костров.- Вот что должны означать эти силы, но посмотри на нас...

-Они быстро учатся, Ульдиссиан. Разве ты не заметил, что чем больше обращённых мы имеем, тем больше и быстрее твои сторонники наращивают способности?

-Им это необходимо! Я веду их на войну с демонами, магией и кто знает чем ещё!- он положил голову на ладони.- Будут ли они готовы, Мендельн? Ты видел, как всё прошло в Торадже...

-Урок Тораджи оставил свой след на каждом из нас, брат. В следующий раз всё пройдет по-другому.

Ульдиссиан поднял голову, щурясь:

-В следующий раз. Как тораджанцы называли место?

-Хашир. Он меньше, чем Тораджа.

-Но почему-то я сомневаюсь, что будет хоть сколь-нибудь легче.

Мендельн пожал плечами и ответил:

-Что будет, то будет.

Младший брат встал и, похлопав Ульдиссиана по плечу, отошёл. Ульдиссиан остался сидеть, глядя на пламя и вспоминая, как оно поглощало храм и кварталы Тораджи. Неужели всё пройдет точно так же? Сколько людей погибнет на этот раз? После уничтожения Люциона он чувствовал такую решимость, но Тораджа отняла у него большую её часть, хоть он и не давал этого знать никому, кроме Мендельна.

-Тебе не следует так раскисать, Ульдиссиан. Это не доведёт до добра ни тебя, ни тех, кто идёт за тобой.

Он поднял глаза и увидел, что Серентия входит в круг света, отбрасываемый костром, словно какой-нибудь ночной дух. Её волосы были распущены, и Ульдиссиан подивился, какими длинными и густыми они стали.

-Я думал, ты спишь,- ответил он.

-Спишь...- отбросив назад прядь волос, она села рядом с ним.- Я сплю не так много, как некоторые полагают, Ульдиссиан.

Он мог это понять, ведь сам нередко страдал тем же, но весть о том, что Серентию постиг тот же недуг, обеспокоила его:

-Тебе надо было сказать что-нибудь...

Её глаза мерцали в свете огня.

-Тебе? Как я могу тревожить тебя, когда у тебя и так столько дел?

Говоря это, она наклонялась к нему. Её близость разволновала его и в то же время усилила чувство вины.

-У меня всегда найдётся для тебя время,- услышал он свои собственные слова.

Серентия приложила руку к тыльной стороне его ладони:

-Если бы я к кому-нибудь и обратилась, то к тебе, Ульдиссиан, ты знаешь это. И ещё ты знаешь, что я всегда буду рада тебе. Я всегда буду рада тебе...

Он вспомнил все годы, что она обхаживала его в ожидании, пока фермер не заметит маленькую девочку, превратившуюся в девушку. Ульдиссиан заметил, но, в отличие от большинства серамских мужчин, не в том плане, на который надеялась Серентия.

Но сейчас, во времена, когда он менее всего этого хотел, он замечал её так, как она некогда мечтала.

Она наклонилась ближе... Слишком близко.

-Ульдиссиан...

Разрываясь между желанием и преданностью потерянному товарищу, Ульдиссиан попытался не смотреть ей прямо в глаза...

И таким образом заметил нечто, укрытое ночной тенью джунглей.

Со вздохом изумления он вскочил на ноги.

-Ульдиссиан! Что такое?

Он инстинктивно опустил глаза на неё, затем быстро снова взглянул на глушь. Но глаза его видели лишь затемнённые деревья и лозы. Больше ничего. Ничего, хотя бы отдалённо напоминающего тело человека.

Определённо, ничего, напоминающего фигуру с бледным лицом, окаймлённым светлыми волосами, фигуру, которую он принял за того, кто давно умер.

-Ахилий...- прошептал Ульдиссиан. Бездумно он сделал шаг по направлению к джунглям.

-Что ты сказал?- спросила Серентия, внезапно преграждая ему дорогу.- Ты что-то видел там?

-Нет... Ничего...- он не мог сказать ей, что только что видел привидение, ходячего мертвеца. В конце концов, одна лишь его собственная вина вызвала это видение. Они оставили Ахилия зарытым далеко, далеко позади...

К его дальнейшему смятению, Серентия приложила ладони к его груди. Она взглянула снизу на него.

-Ульдиссиан...

-Уже поздно,- оборвал он, отстраняясь от неё.- Нам следует изо всех сил постараться заснуть, Серри.- На этот раз он намеренно использовал эту форму имени в надежде, что она погасит накаляющуюся обстановку.

Она нахмурилась, потом кивнула:

-Как скажешь.

Ульдиссиан ожидал, что она скажет больше, но она вдруг развернулась и пошла вглубь лагеря. Он пронаблюдал, как она замешалась среди людей, а затем снова уселся у огня.

Глядя в джунгли, Ульдиссиан исподтишка исследовал тени. Но там не было ничего, да он и не думал, что будет. Это было его собственное раскаяние, и не более того.

Ахилий был мёртв... Уже по одной этой причине Ульдиссиан ни за что не мог позволить чувству расти между ним и Серентией.

Мендельн резко принял сидячее положение: его захватило ощущение, будто что-то не так. Он ненавидел периоды возникновения этого ощущения, потому что они, как правило, предвосхищали неизбежное всеобщее бедствие. Быстро осматриваясь вокруг, он не обнаружил причину своего беспокойства, но это ничуть не успокоило его. Его брат и он имели дело с таким количеством опасностей, которые скрываются до тех пор, пока не готовы наброситься на них.

Мендельн неслышно поднялся с одеяла. В отличие от остальных, он спал не рядом с кострами, предпочитая почему-то тихую темноту ночи защитительным огням пламени. Ещё одно изменение по сравнению с маленьким мальчиком, который всегда придвигался к огню ближе всех, когда гас последний луч солнца.

В первую очередь он подумал об Ульдиссиане. С кошачьей ловкостью он ступал среди спящих эдиремов – как их теперь, по всей видимости, называли, – пока не обнаружил своего брата. Ульдиссиан спал порывисто и в одиночку, Серентии поблизости видно не было. Последним наблюдением Мендельн был слегка разочарован. После того как Ахилий умер, он надеялся, что двое обретут друг друга. Они определённо заслужили немного счастья. Конечно, его брат ещё слишком сильно чувствовал вину за охотника, а Серентия давно бросила попытки поймать взгляд Ульдиссиана.

«Если бы все мои заботы ограничивались простыми любовными делами, – в конце концов подумал Мендельн, – всё было бы гораздо проще».

Но если Ульдиссиану не угрожала никакая непосредственная опасность, что так встревожило Мендельна? Прodelывая обратный путь к месту ночлега, он снова обдумал случившееся. Никакой вещей сон ему не снился. Никакой звук не затронул его ушей. По-хорошему, он должен был спать без задних ног.

Мендельн осмотрелся и только тогда заметил, что местность свободна от его спутников. Обычно поблизости парило привидение – какая-нибудь тень, которая не могла сразу освободиться от его присутствия. Отряд покинул Тораджу не только с новыми обращёнными, но также с несколькими дюжинами призраков, которые, в большинстве своём, погибли во время сражения. Многие исчезли по дороге, но несколько новых присоединились во время дневного перехода. Большинство из них были неудачными охотниками или путниками, которые пали жертвами опасностей, таившихся в джунглях. Как и остальные, они, похоже, чего-то хотели от Мендельна, но, когда становилось ясно, что он им этого не даст, постепенно снова исчезали.

Но редко исчезали *все* они.

Преисполненный любопытства, Мендельн направился к краю лагеря. Он мог лучше любого другого видеть в темноте, но всё равно он замечал только новые и новые тени.

Хотя... Не мелькнуло ли что-то далеко по правую руку?

«Иди ко мне,» прошептал он. Когда он в первый раз произнёс эти слова, привидения подобрались к нему ещё ближе. Обычно Мендельн остерегался подзывать их, но, если призрак имел значение для него и для брата, его долгом было это выяснить.

Но тень не двинулась вперёд, и, если честно, чем больше Мендельн смотрел на неё, тем меньше был уверен, что увидел правильно. Сейчас она *и верно* напоминала какой-то папоротник или другое растение, а не человека...

Но ощущение продолжало давить ему на мозг. Сердито выдохнув, Мендельн вступил в джунгли. Он знал, что идёт на некоторый риск, ибо, хотя насекомые, которые пировали на большинстве других, держались от него на расстоянии, он не знал, справедливо ли то же и для хищников, о которых говорили тораджанцы.

На его взгляд, джунгли ночью были притягательней, как красивая, загадочная женщина. Опасность, укрытая темнотой, делала эту женщину только более волнующей. Вторгаясь глубже, Мендельн подивился тому, что такое сравнение пришло ему на ум. Да, он определённо больше не был испуганным ребёнком, которым он являлся даже после того, как вырос.

Очертание, которое заметил Мендельн, должно было быть ближе, но теперь ничто из того, что он видел, даже отдалённо не напоминало его. Так что же, это всё-таки было его воображение, или то, что он обнаружил, ушло отсюда?

Рука дотронулась до его плеча.

Он развернулся... И никого за собой не нашёл.

«Кто ты?» прошептал Мендельн.

Джунгли упорно оставались тихими. Слишком тихими, на самом деле, для места, где звуки дня казались шёпотом.

по сравнению с тем, что начиналось после заката. В джунглях было больше жизни, чем в тысяче серамов, но по нынешнему состоянию этого было не сказать. От мала до велика все представители фауны подозрительно отсутствовали.

Но не успел Мендельн об этом подумать, как листья слева зашелестели... И тело, передвигающееся на двух ногах, проскользнуло на край его зоны видимости.

-Прибереги свои уловки и игры!- громко заворчал он.- Покажись мне, а не то!- Мендельн понятия не имел, что именно подразумевает под «а не то». В последние разы, когда угрожала беда, он вдруг произносил слова на древнем языке, которого никогда не знал, слова силы, которые спасали его не однажды. Тем не менее, он не был уверен, что слова защитят его от таящегося.

Оно снова двинулась, на этот раз вправо. Мендельн на автомате произнёс слово – и слабое серое сияние осветило ближайшую область.

Но он никак не ожидал увидеть то, что он увидел.

-Нет...- прохрипел брат Ульдисиана, отказываясь воспринимать то, что открыло ему сияние.- Нет...

Это была галлюцинация... Или уловка, подумал он. Да, было похоже на то, и это укрепило его решимость.

Мендельну могло прийти на ум только одно создание, которое пошло бы на такое непотребство.

-Лилит...- и вот он стоит здесь один, дурак, чересчур уверенный в своих ничтожных способностях. Без сомнения, демонесса уже готовит смертельный удар. Как это произойдёт? Естественно, Мендельн погибнет каким-нибудь страшным образом, его смерть будет долгой и мучительной.

Странно, но смерть сама по себе не волновала его. Избежать хотелось того, что будет ей предшествовать.

Он не выкажет перед ней и тени страха. Если его кончина как-то поможет или хотя бы предупредит Ульдисиана, это уже будет что-то.

-Очень хорошо, Лилит. Я в твоих руках. Подходи и делай, что хочешь.

Слова соскользнули с языка. Его надежды возросли. Он знал, что сила слов даст ему какой-то шанс хотя бы отсрочить неизбежное...

Что-то просвистело мимо уха. Последовал безобразный звериный вой, а за ним глухой *стук*, словно что-то столкнулось с одним из множества деревьев.

Мендельн стал всматриваться в направлении воя и увидел, что что-то злое прислонило к одному из толстых стволов. Только убедившись, что образина не двигается, он наконец подошёл.

Это был морлу... Морлу, чьё горло пронзила стрела в месте, где между шлемом и нагрудником оставалось только полдюйма пространства. Мендельн начал тянуться к стреле, её присутствие пробудило в памяти другой кошмар...

Морлу поднял голову, чёрные глазницы уставились на Мендельна. Воин потянулся за братом Ульдисиана.

Те же слова, которые он ранее использовал против одной из этих тварей в доме мастера Этона, вырвались у Мендельна. Тянущиеся руки морлу неистово затряслись. С бледных губ сорвалось бульканье.

Морлу снова размяк; только стрела, вонзённая в дерево, не давала звериной фигуре упасть к ногам Мендельна.

Без колебаний Мендельн приложил руку к чудовищной груди воина. Другие слова, тоже впервые произнесённые в Парте, легко соскользнули с губ брата Ульдисиана.

Большинство не разглядело бы маленькое чёрное облако, отделившееся от морлу. Оно парило над ладонью Мендельна. Немного поглядев на загрязнённость, Мендельн сжал руку.

Облако исчезло.

-Больше ты не поднимешься, чтобы творить зло,- какая бы тьма не оживила морлу, наделив его подобием жизни, этот конкретный труп она не сможет воскресить. Мендельн об этом позаботился.

Но ещё оставалось то, что первоначально спасло его от слуги Триединого. Мендельн наконец тронул стрелу, к лёгкому испугу обнаружив, что всё древко покрывает грязь. Точно так же, как стрелу, которая убила одного из

надзирателей мира.

-Этого не может быть... Он мёртв...

«Но жизнь – всего лишь одеяние, которое носят все, но недолгий срок...»

Хотя мысль промелькнула через его сознание, Мендельна бы ничто не смогло заставить думать, что будто она его собственная. Он и раньше ощущал в своей голове чужое присутствие. Оно всегда вело его, но теперь его слова лишь ещё больше встревожили Мендельна.

-Нет!- бросил он во тьму.- Он мёртв! Думать иначе – зло! Он закопан! Я был там! Я выбрал место! Я выбрал...

Он выбрал закопать тело очень близко к древнему сооружению с теми же знаками, что и на камне возле Серама. Мендельн поразился своей наивности. Почему он подумал, будто это он выбрал то самое место? Что-то побудило его сделать это, а он и рад был уступить.

Качая головой, Мендельн попятился...

И натолкнулся на кого-то другого.

Брат Ульдисиана развернулся... И уставился в бледное, грязное лицо Ахилия.

Глава шестая

Астрога был амбициозным демоном. Он сидел по правую когтистую руку Диябло, величайшего из Великих Зол, и был хорошим учеником. Ему всегда досаждало его подчинение Люциону, но, поскольку Люцион и в самом деле был сыном Мефисто, он ничего не мог с этим поделать.

Но в последнее время Люцион странно себя вёл. На своём посту Примаса верховный демон всегда выполнял дела в определённом стиле, но после того как он вернулся с какой-то загадочной засады, он изменился. Не знай Астрога наверняка, он мог бы поклясться, что это не сын Мефисто восседал отныне на троне Примаса. Конечно, это было невозможно – кто мог выдавать себя за Люциона?

Демон зашевелился в своей тенистой паутине, расположенной теперь в одной из высоких башен главного храма Триединого. Само собой, Астрога выбрал ту, что была посвящена Диалону – это был дух, который на самом деле являлся его хозяином, Диябло. Вокруг размышляющего демона ползали его «детки» – злоеющие чёрные пауки всех размеров, некоторые из них были с голову человека.

Астрога был демоном многих форм и воплощений. В данный момент он обладал формой одновременно паука и человека в жуткой их смеси. У него сейчас было восемь конечностей, более толстых, чем у любого паука, которые в зависимости от обстоятельств могли использоваться как ноги или руки. Все они оканчивались отростками-когтями, превосходно подходящими для разрывания мягкой плоти, после которого легче засунуть её в пасть, имеющую не только клыки, но и заострённые зубы, как будто специально заточенные. Туловище Астроги по замыслу было человекообразным, но круглее и шире в плечах. В зависимости от настроения он мог предстать и иначе.

Наверху головы имелись ещё восемь маленьких конечностей, каждая оканчивалась человеческой ладонью. Их было удобно использовать для волочения жертвы ближе к рту или для снятия маленького паразита с тёмного мохнатого тела для случающейся время от времени лёгкой закуски между обедами.

Глаза представляли собой алые сферы без зрачков, собранные в кучу. С их помощью Астрога видел практически во всех направлениях и за пределами видения большинства смертных или даже демонов. Вообще-то, с их помощью он мог заглянуть даже в Пылающий Ад, где он время от времени и докладывал своему владыке и хозяину.

Астрога запоздал с очередным отчётом. Он не любил пробуждать гнев Владыки Диябло, ибо великому демону ничего не будет стоить дотянуться извне и прищёпнуть Астрогу, как жука.

Арахнид медлил с отчётом, потому что он всё ещё пытался дать оценку перемене в Люционе. Если Люцион больше не подходит для командования, кто-нибудь по праву может выступить вперёд и занять его место... Но это сопряжено со сложностями, если вспомнить роль Мефисто в этом деле. Другое Первичное Зло не будет радо, если его отпрыска свергнут с поста... Если результат этого действия не будет самым что ни на есть многообещающим.

И вот Астрога прорабатывал собственный план. Этот человек, этот Ульдиссиан, представлял одновременно огромный потенциал и огромную угрозу для дел Пылающего Ада. Люди могут стать оружием, которое нужно демонам, чтобы наконец-таки вырвать окончательную победу у самодовольных ангелов, однако тяготение к добру в них может привести их самих к заключению союза с Высшим Небом... Пока они сами, точно так же, как демоны, не станут сыты по горло ханжеством и строгостью крылатых воинов.

Астрога поднял безвольную руку, из которой он потягивал ранее, и выпил остаток крови в ней. Детки забегали по остальным частям истощённого трупa – храм не досчитается молодого служителя. Люцион всегда позволял ему время от времени забирать невинного, ибо разве демоны тоже не должны есть?

Но когда он вытянул всё до капли, внезапно на Астрогу напал сильный страх. Демон откинул руку, в то время как детки бросились к самым глубоким щелям в углу, хотя никакая тень и не могла укрыть его либо их от причины их ужаса.

Едва слышные голоса наполнили комнату. От их бурной интонации поднялись волоски на шкуре, покрывающей его безобразное тело. Астрога мог чувствовать их мольбу, их безнадёжность. Их страдания были такими, что он, столько ужаса сам учинивший за последние столетия, сильно затрясся.

А затем глаза, которые могли видеть за пределами Санктуария, узрели огромную фигуру как будто где-то

на полпути между двумя реальностями. Поначалу она плыла к нему, словно беспросветная тень, но, когда он лучше к ней присмотрелся, то смог различить лица, как людские, так и демонические, замершие в крике. Лица постоянно перетекали одно в другое, и ни одно нельзя было совершенно различить, как в каком-нибудь кошмаре.

Когда жуткий призрак приблизился, Астрога заметил мельком пылающее красное тело, огромные кулаки с чёрными когтями и ужасающее лицо, которое отчасти было гниющим черепом со сверкающими глазами, которые вперились в глаза арахнида. Чудовищные закрученные клыки – как у взбесившегося барана – венчали покрытую чешуёй голову с густыми бровями. Но тело исчезло, на его месте появился скелет в ржавой броне, который нёс в руках разлагающиеся органы, покрытые жуками. Затем вдруг он сменился ящероподобным зверем с пастью, как у огромной лягушки, и расчётверённым языком. Рот казался достаточно широким, чтобы проглотить человека... Или арахнида такого, как он, размера...

Ящероподобный образ исчезал и вновь появлялся в поле зрения, мешаясь с кричащими головами. Однако в конце концов раздался могучий голос, и каждое слово звучало как хрустящее откусывание вкусной плоти паука:

-Астрога... Астрога... Я ждал от тебя вестей, ты, унылый червь...

Умеренная ярость зовущего дала демону в паутине надежду.

-Прости меня... Прости мне моё промедление, мой повелитель Диябло...

Тусклое тело сдвинулось, большая его часть оказалась в тени. Даже Астрога никогда не пытался увидеть своего хозяина во всём его ужасном величии. Некоторые демоны сходили с ума от такой аудиенции. Астрога был крепче большинства, но после одного раза, когда его взору предстало полное воплощение, он дрожал несколько лет.

-Что там с этим мелким комком грязи, который ты называешь Санктуарием?- без предисловий спросил Диябло. Его голос затронул каждый нерв в теле паука, каждый слог равнялся тысяче пыток. *- Мне не терпится услышать о достижениях моего племянника...*

Такое вступление и нужно было Астроге!

-О великий и блистательный Диябло, от чьего имени ангелы замирают в страхе, говорящий с тобой неукоснительно служит тому, чтобы твои желания исполнялись в лучшем виде! Но сколько я ни предлагал Люциону моё слово, мой совет, он не желает слушать! Да, сын Мефисто так много давления испытывает на себе! Ему так трудно управлять всем, постоянно планировать всё самому...

Из-за резкого, хриплого смеха Астроге захотелось, чтобы у него были уши, которые можно было бы зажать. Правда, даже это не помогло бы ему унять дрожь во время этого смеха.

-Маленький жук имеет своё мнение, как убедить червей в этом шарике грязи следовать нашим целям? Мнение, к которому мой племянник не прислушивается?

-Да... Оно вообще не высказывается. Это... Трудно для говорящего с тобой или любого другого – понять, что думает благородный Люцион, и, потому, предложить ему совет. Его планы постоянно меняются. Он устраивает ловушку для лидера этих смертных, а потом оставляет меня и Гулага, – от которого теперь осталась вонючая лужа, – самым противостоять силе одновременно ангельской и демонической...

-Такой могущественной...- в интонации Диябло нельзя было не заметить заинтересованности. Уничтожение миньона его брата Баала не играло никакой роли за исключением той, что несколько укрепляло во мнении, что люди могут сослужить очень полезную службу как солдаты.

Говорящий с тобой продолжил бы битву – Астрога боится только своего хозяина, – но Люцион тогда выгнал меня и закрыл от моего взора его столкновение с этим Ульдиссианом!

-И даже после этого смертный не в наших руках?

Нет! Он даже буквально прошлым вечером по санктуарийскому времени напал на очередной храм! Но Люциона не только это, по-видимому, не волнует, его вообще в последнее время не видно... Второе необъяснимое исчезновение! Наши смертные служители предоставлены самим себе – ни к чему хорошему это не ведёт, – а говорящий с тобой вынужден сидеть и ждать, сидеть и ждать, тогда, как можно сделать столь многое!

Он ожидал от Диябло комментария, но ответом арахниду было молчание. Тишина тянулась и тянулась, и чем дольше она тянулась, тем больше беспокоился Астрога.

Наконец...

-У тебя что-то на уме, маленький жук?

-Да, мой повелитель Диябло... Если говорящему с тобой будет разрешено действовать свободно... И, возможно, в расхождении с тем, что бы предпочёл благородный Люцион.

Снова тишина.

-Расскажи мне, ползающий в тенях, расскажи мне, мой Астрога...

И, с плохо скрываемой радостью, арахнид повиновался.

Мендельн был необычайно молчалив даже для своей натуры, так что даже Ульдисиан заметил. Он взглянул на брата, когда они пробирались через джунгли, и заметил, что Мендельн устремил свой взгляд прямо вперёд и никуда его не отводит. Так, как будто он боится, что увидит что-то нежелательное, если посмотрит куда-нибудь ещё.

К несчастью, у Ульдисиана было слишком много своих забот, чтобы продолжать следить за Мендельном. Опасности впереди были только частью их. Ещё был инцидент с Серентией.

Она была открыта для его ухаживаний, это было довольно очевидно, и он всё больше и больше понимал, что хочет развития этого. Однако это означало надругательство над памятью о его друге...

Бурча под нос, Ульдисиан попытался отогнать эти мысли прочь *в очередной раз*. Сама земля вокруг них представляла немалую угрозу, не говоря уже о Триедином, так что отвлекаться не стоило. Он постоянно проверял путь впереди, разыскивая то, что может представлять угрозу для других. Не единожды Ульдисиан мысленно отгонял хищников. Он также заставил нескольких ядовитых змей и одного огромного удава уползти в другом направлении. Это был постоянный труд; джунгли содержали столько потенциальных опасностей, что ему не верилось.

Временами путь погружался в темноту, сходную с ночной. Находить опору под ногами часто становилось трудно даже для Ульдисиана, которому легче удавалось обнаружить нетвёрдую почву. Несмотря на свои собственные силы, он обнаружил, что вынужден также полагаться на пару тораджанцев, Сарона и Томо. Они были двоюродными братьями, Сарон был старше на пять лет и продвинулся в развитии способностей дальше остальных. Они были почти такими же умелыми охотниками в своей среде, каким Ахилий был в своей, и возглавляли добытчиков еды для остальных.

-Обратите внимание на зазубренный лист тироколя, мастер Ульдисиан,- сказал ему Сарон, указывая на густое красноватое растение слева. - Порезаться им – значит получить дозу сильного яда...- дабы подчеркнуть этот факт, старший из двоюродных братьев поднял копьём нижние листья. Под ними лежал разлагающийся труп маленького мохнатого существа. Маленькие тёмно-красные ящерицы, которые пиروвали на останках мёртвых, поспешили укрыться в безопасной гуще куста.

-Катака,- представил Томо. - У них сопротивление к яду, но он наполняет их кожу. Они едят жертв тироколя и поэтому ядовиты для остальных.

Ульдисиан почувствовал какую-то угрозу, но открытие, что избегать следует растения, а не какого-нибудь зверя, заставило его поклясться удвоить свои бдения. Он считал, что может противостоять яду куста, но как на счёт тех, чьи силы ещё не доросли до этого?

-Расскажите всем о тироколе,- дал он указание Ромию и некоторым другим. Это было не первое объявление, которое делал Ульдисиан, и он знал, что не последнее. Казалось, что *всё* без исключения в джунглях обладает какими-то скрытыми – и зачастую недоброжелательными – свойствами.

Предполагаемым местом назначения их оставался младший город Хашир. Маршируя вперёд, они внимательно выискивали следы служителей Триединого. Ульдисиан был уверен, что тройми подосланными убийцами дело не ограничится. Вообще-то, он почему-то чувствовал, что Триединое приложило как-то руку к поведению Мендельна, но верил, что, если возникнет необходимость, брат наверняка расскажет ему правду.

Наверняка...

-Ты кажешься таким задумчивым.

Ульдисиан взглянул в сторону, напуганный внезапной близостью Серентии. То, что он не заметил её, говорило

о большой загруженности его ума.

-Я обязан сохранять их всех в безопасности, а в этих джунглях настолько больше всего, чем дома.

-Да, Серам по сравнению кажется таким мирным,- она нахмурилась.- Или, по крайней мере, казался.

Это снова пробудило в нём чувство вины.

-Серентия... На счёт Сайруса и того...

-Не продолжай, Ульдиссиан. То, что случилось, не было твоей ошибкой. Ты мало знал о силах внутри тебя, не говоря уже о том, как контролировать их.

Её попытка успокоить его не принесла Ульдиссиану никакого облегчения. Но всё равно он с благодарностью кивнул.

-Не виню я тебя и за Ахилия,- продолжала девушка, глядя прямо ему в глаза.- Ахилий был хорошим человеком, но независимым. Он сам сделал свой выбор. Он, как и я, не стал бы тебя винить.

-Серентия...

Её рука нашла его руку, очень мягко касаясь тыльной стороны ладони.

-Пожалуйста, не волнуйся так сильно за меня, особенно из-за Ахилия. Я оплакиваю его, как утраченного друга... Но, быть может, не как возлюбленного, которым я его считала.

Это признание чуть не заставило его замереть на месте.

-Что ты такое говоришь? Вы двое...

-Ульдиссиан, Ахилий всегда заботился обо мне, но, ты же знаешь, я,- она на миг посмотрела в сторону, её щёки запылали отнюдь не от жары,- чувствую по-другому. Когда я думала, что надежды больше нет... То решила утешить его... Я чувствую себя такой виноватой...

Он подождал, и, когда она не продолжила, пробормотал:

-Вот уж кому не следует себя винить,- Ульдиссиан пожал плечами, не уверенный, что его следующие слова не будут лишены смысла.- Ты сделала Ахилия счастливым. Он умер с мыслью, что вы вместе. Это что-нибудь да значит, не находишь?

Её рука придвинулась ближе и крепко сжала его руку. Ульдиссиан не отнял руки. Одна часть его чувствовала, что он снова предаёт друга, но другая часть была довольна тем, что он услышал.

Но прежде чем дело успело зайти дальше, Мендельн встрял в их беседу. Выражение лица брата Ульдиссиана не сулило ничего хорошего.

-В джунглях что-то есть,- тихо объявил он.- Ты чувствуешь?

Теперь, когда его внимание вернулось к текущей обстановке, Ульдиссиан почувствовал. Он не мог постичь, что это такое, но оно было очень близко. Знаком он подзвал к себе Томо.

-Ты знаешь эту местность? Есть ли здесь что-нибудь, чего нам стоит остерегаться?

Тораджанец подумал.

-Мы за пределами наших с братом охотничьих угодий, мастер Ульдиссиан, но я кое-что припоминаю об этой зоне. По слухам, духи джунглей населяют это место, но это всего лишь сказки, которые наши бабушки рассказывали нам!

-Духи джунглей?- Мендельн, судя по всему, выказал к этому особый интерес.- Почему здесь? Чем это место отличается от других?

-Здесь есть руины, мастер Мендельн,- как и многие другие тораджанские последователи Ульдиссиана, Томо чувствовал себя неловко, разговаривая с младшим сыном Диомеда.- Настолько старые, что все письмены на них истёрлись. В них нет ничего такого, просто любопытные развалины...

-В любом случае, нам следует избегать их,- заметила Серентия.- Они далеко от реки, так ведь, Томо?

-О да, госпожа,- к Серентии проявлялось примерно такое же уважение, как к Ульдиссиану. Томо и несколько других молодых обращённых тоже, судя по всему, увлеклись ей.- Два или три часа хода сквозь густые джунгли! Оно того не стоит!

Мендельн выглядел расстроенным.

-Что, так далеко?

-Ну... Может, и не так,- неохотно признался тораджанец.- Но всё равно довольно далеко!

Если они не имели никакого отношения к Триединому – а, судя по всему, так оно и было, – Ульдиссиан не видел в руинах никакого прока. Он показал вперёд:

-Продолжаем движение. Наша цель – Хашир. И ничто иное.

Однако, когда они пошли дальше, Ульдиссиан продолжал чувствовать *что-то*, исходящее со стороны руин. Он понятия не имел, что это такое, но по ощущениям оно было очень, очень старым и обладало какой-то тёмной природой. Странное дело, но ко всему примешивалось ощущение... *Ярости*... Которая, казалось, росла с каждым уходящим мгновением.

Почти как если бы, что бы это ни было, оно заметило их.

Ульдиссиан попытался не обращать внимания на происходящее, но ярость продолжала нарастать с каждым новым вздохом. В конце концов он отвёл в сторону Серентию и Мендельна и без удивления узнал, что они тоже это чувствуют.

-Мы привлекли его внимание,- согласился брат.- Оно пробуждается из мёртвых...

-И что это означает, Мендельн?- спросил Ульдиссиан, внезапно раздражаясь от таинственности, окружающей его брата.- Вот ты что в этом понимаешь?

-Больше, чем ты, судя по всему,- резко ответил брат Ульдиссиана с той же самой внезапной горячностью.- Я не брожу, позабыв обо всём, кроме своей персоны!

-Нет, ты бродишь, разговаривая с теньями и отпуская туманные замечания – сумасшествие налицо...

Глаза обоих братьев округлились, когда они оба заметили этот странный гнев друг на друга. Ульдиссиан огляделся вокруг и увидел, что многие последователи остановились и в ошеломлении глядят на неожиданную перепалку.

-Оно потчует нас своей яростью,- заявил Мендельн,- и меж делом само питается ей...

-Отведите всех как можно ближе к реке, насколько это позволяют меры безопасности,- приказал Ульдиссиан Ромию и другим.- Все сохраняют свои мысли в спокойствии и, если испытывают ярость, держат её при себе, а не то будут держать ответ передо мной!

Он не был уверен, что кто-нибудь из остальных подвергнется влиянию, но рисковать не хотел.

Серентия оживилась:

-Томо! Есть где-то переправа через реку? Мне казалось, кто-то упоминал место впереди.

Тораджанец нахмурился:

-Я ни одной не знаю, госпожа, но это возможно...

-Я уверена, что помню правильно,- она посмотрела на Ульдиссиана.- Я уверена в этом. Чем скорее мы найдём её, тем лучше!

Ульдиссиан был рад её предложению. Переправа поможет им добраться до безопасного места. Сила древней ярости всё ещё возрастала. На самом деле, он даже немного беспокоился, что даже перебраться на другой берег окажется недостаточно, чтобы убежать от неё.

Но в настоящий момент у Ульдиссиана не было другого выбора для своих людей. Взмахом он отправил их, продолжая стоять на месте и смотреть в направлении руин и их злобных обитателей. Ульдиссиан продолжал держать волю в кулаке, намеренный не позволять тёмной сущности играть на его эмоциях.

Мендельн встал рядом с ним:

-Иди с остальными, Ульдиссиан. Я буду стоять здесь и смотреть.

-Ты возьмёшь Серентию и поведёшь остальных вперёд,- приказал в свою очередь старший брат.

-На препирательства нет времени...- Мендельн плотно закрыл рот. Ульдиссиан знал, что они чуть не начали новую стычку. Быть может, паре было разумнее отступить, но он чувствовал, что, пока нечеловеческая ярость сосредоточена на них, другие подвергаются меньшей опасности.

Очевидно, Мендельн думал так же, потому что практически в то же время сказал:

-Тогда будем стоять вместе, как щиты для остальных.

Больше они ничего не сказали, продолжая стоять плечом к плечу и смотреть в джунгли.

Но Ульдиссиан заметил лёгкую перемену в чудовищном гневе. Тогда как часть его всё ещё была сосредоточена на братьях, другая часть последовала за уходящим отрядом. Он сконцентрировался... И сразу узнал, почему.

-Серентия!- воскликнул Ульдиссиан.- Оно обращает своё зло на неё!

-Но почему...- начал Мендельн.

Ульдиссиан не знал, почему, и не хотел тратить время на обсуждение мотивов разрушительной силы. Всё больше и больше тёмная сила переводила своё внимание на участок вокруг их спутницы.

Он знал только один способ прервать это. С мрачным выражением на лице Ульдиссиан ринулся к далёким руинам. В то же время он направил свою волю вперёд, требуя у того, что бы там ни скрывалось, чтобы оно сосредоточилось на нём и только на нём.

Джунгли темнели по мере того, как он приближался к скрытому месту. Крики животных и насекомые ушли на задний план. Продвигаясь вперёд, Ульдиссиан заметил, что деревья и другие растения принимают более завёрнутый вид, словно какая-то тень, отличная от отбрасываемой листвой наверху, теперь висела над ними. Ветви приняли вид рук скелетов, а все листья вдруг напомнили ему ядовитое растение, на которое указал Томо.

Он споткнулся о бугорок на земле. Посмотрев вниз, он увидел, что это кусок камня неестественной формы. Ульдиссиан протянул руку, и камень прилетел в неё.

Это был осколок изваяния, часть женского лица. Судя по тому, что имелось, женщина была неземной красоты...

Грубая сила ударила его во всю мощь, отправляя Ульдиссиана в полёт до ближайшего дерева. Только благодаря своим способностям он не переломился надвое. Камень вылетел из его руки... Но если он сильно ударился, то камень мягко приземлился на землю.

В то же время Ульдиссиан почувствовал, что он не один. Тем не менее, что бы ни находилось рядом с ним, это было не смертное создание. Оно даже не было, он знал, живым в любом нормальном смысле.

И в такой близости Ульдиссиан понял, что оно было демонического происхождения.

Он убивал демонов раньше, но никогда не думал о том, что происходит с ними после того, как они оказываются мертвы. Он предполагал, что они просто перестают быть. Однако, то, с чем Ульдиссиан имел дело, больше походило на привидение или разъярённого духа, чем на живого демона.

Как такое возможно?

Впрочем, это неважно. Защитить Серентию – вот это важно.

-Ты оставишь её в покое!- внезапно взревел он, поднимаясь.- Ты оставишь в покое их всех!

Возникло ощущение огромной горечи и ненависти... Но направленное не непосредственно на Ульдиссиана. Ему показалось, что скорее это было чувство раздражения, словно он оказался просто на пути к тому, что нужно сделать.

Он решил увеличить свою значимость для разгневанной сущности. Глядя на деревья перед собой, Ульдиссиан отдал приказ.

Джунгли взорвались, повсюду кроме Ульдиссиана стали падать деревья и разлетаться части растений. Где когда-то пейзаж преграждал ему путь, теперь лежал открытым идеальный овальный путь.

И в самом конце его виднелось каменное сооружение, наклонённое под опасным углом. Крыша – некогда

остроконечная, подумал Ульдиссиан, – теперь была разрушена словно огромным кулаком. Окна – всего три штуки – были странными, пятисторонними. Судя по виду, здание было выточено из камня цвета кости... Того же камня, что и фрагмент лица.

Томо сильно ошибся с расстоянием до руин. Ульдиссиан и эдиремы были практически на пороге.

Ульдиссиан скосил глаза. Возле левой стороны, стороны, от которой строение отклонялось, в земле имелось небольшое отверстие, в котором он узнал ещё одно окно. Если это было так, то внизу должен был пролегать ещё по крайней мере один этаж. Это говорило не только об огромном возрасте здания – должно быть, на погребение оставшейся его части ушли столетия, – но также о каком-то страшном бедствии, которое изначально обрушилось на эту область.

Напрягая каждый мускул, Ульдиссиан подошёл к зданию. По словам Томо, все письма истёрлись силами природы, но для обострённых чувств бывшего фермера символы и изображения здесь всё ещё были налицо. Языка он не знал, но по крайней мере рисунки были различимы. На многих из них была всё та же неземная женщина, только теперь на некоторых она была в сопровождении высокой, почти злобной фигуры. Однако между ними двумя не наблюдалось признаков отторжения... Скорее что-то вроде *любви*.

На каждом барельефе пара выглядела по-разному, но Ульдиссиан был уверен, что это всегда одна и та же пара. Вспоминая, с какой лёгкостью могла менять обличья Лилит, он в конце концов пришёл к заключению, что, если эти двое хоть чем-нибудь сходны с ней, то наверное они могли выбирать из тысячи обликов. А эти, вероятно, просто были их *любимыми*.

В этот самый момент голос зашептал Ульдиссиану на ухо, но слова были неразличимы. Он помедлил, а потом сделал шаг вперёд.

Картинка пронеслась в его голове. Прекрасная женщина с крыльями – из *огня*?

Лицо показалось знакомым, но только спустя миг он спохватился, что это было лицо с барельефов и с осколка статуи. Ни одна из работ, впрочем, не могла тягаться с тем, что он только что увидел... И опять Ульдиссиан знал, что даже видение показало ему только тень её истинного великолепия.

Ульдиссиан сделал осторожный шаг вперёд... Второе видение настигло его. Это была крылатая женщина с мужчиной, который, хотя и был поразительной красоты, имел совершенно белую кожу и два синих, как лёд, глаза без зрачков. При виде сцены не оставалось сомнений, что они сильно влюблены друг в друга, несмотря на очевидные различия между ними.

Снова слышался шёпот, слова по-прежнему нельзя было понять. Уже догадываясь, что будет дальше, Ульдиссиан всё равно продолжил движение.

Снова неземная пара... Но теперь крылатая женщина изувеченная лежала на земле. Мужчина с покалеченными ногами и такой глубокой раной на спине, что уже должен был умереть, подполз к ней. Зелёная сукровица вытекала из его ран. И него были зубы такие же острые, как у речных рептилий. Мужчина бил землю с нарастающим гневом, и слезы скатывались по его лицу, шипя, когда касались чего-либо.

Позади них, перекошенное под тем углом, который он увидел изначально, было белое строение... Все четыре этажа. Что-то обрушилось на крышу, как уже видел Ульдиссиан, а потом ещё уничтожило фундамент справа. Местность вокруг также лежала в руинах, но на месте джунглей преобладали деревья, с которыми Ульдиссиан был знаком по жизни в Сераме... Во всяком случае, так было до их уничтожения.

Видение – самое продолжительное из всех – исчезло. Тряся головой, чтобы прочистить её, Ульдиссиан чувствовал, что то, с чем он боролся, вдруг простёрлось далеко за него... К Серентии.

Опомнившись, Ульдиссиан подумал о том, как привлечь к себе внимание этой сущности. Интуитивно он оглядел древнее здание. Много его сил не потребовалось, чтобы оно начало трястись. Быстро начали отваливаться куски камня.

Но не успел он начать, как тут же был прибит к земле тем, что нельзя описать иначе кроме как гнев в чистом виде. Ульдиссиан закричал от боли, понимая, что он, очевидно, недооценил решимость злобной силы. В своей голове он слышал вой и новые слова, которых не понимал. Ещё было ощущение ужасной потери, которое не вызвало у Ульдиссиана, находящегося под пыткой, ни грамма сочувствия к нападающему. Ульдиссиан понятия не имел, что спровоцировало духа или что там это было, знал только, что он должен воспрепятствовать ему причинить вред Серентии... И ему тоже.

Напрягаясь, Ульдиссиан поднял голову. Через слезящиеся глаза земля приняла почти нереальный вид. Он почти представил, что увидел на ней мужскую фигуру – демона, он знал наверняка, – стоящую над руинами, словно

разгневанный страж-защитник.

И спустя миг защитник протянул к нему свою огромную руку.

Работы воображения не требовалось, чтобы понять, что может произойти, если рука сдавит Ульдисиана. Человек сосредоточился на том, чтобы закрыть себя.

Но великан исчез, вместо него началась свирепая атака сломанными ветками, летящими камнями и прочим... Мусором, который Ульдисиан сам наделал, когда расчищал путь. Куски ударяли в него со всех сторон, направляемые такой силой, что придвигались всё ближе и ближе, несмотря на приложение человеком огромных усилий. Заострённые концы ветвей прочерчивали воздух в дюйме от его лица. Камни пролетали перед глазами Ульдисиана со скоростью, большей, чем может развить самая быстрая птица, и определённо достаточной, чтобы проломить череп. Он чувствовал, как земля под ним ходит верх-вниз, словно что-то пытается выбраться из-под неё и взять его...

Он требовал, чтобы демоническая сущность перевела всё внимание на него, и вот его просьба была услышана. Теперь осталось только выжить... Если это было возможно.

Но если он не выживет, оно без сомнения снова устремится за Серентией. Ульдисиан должен был предположить, что, в своём безумии и гневе, демон как-то оставил часть себя после того, как умер. Теперь, очевидно, эта часть хотела, чтобы Серентия заменила утраченную возлюбленную.

Он должен был положить этому конец. Если уж Люцион, могущественный демон, не смог остановить его, то конечно Ульдисиан сможет победить эту немёртвую сущность.

Он снова сосредоточился на руинах. Они явно были прочно связаны с демоном. Заставляя переставлять одну ногу за другой, Ульдисиан попытался не замечать, насколько ближе подобрались атакующие фрагменты, несмотря на его усилия... Даже тогда, когда одна ветвь рассекла ему бровь и струйка крови стекла на глаз, и пришлось усиленно моргать, но не терять вида своей цели.

Древнее здание снова затряслось, на этот раз сильнее, чем когда-либо. Часть правой стены отошла, заставляя то немного, что осталось от крыши, упасть на деревья. Кусок края окна осыпался, и его уже с натяжкой можно было назвать окном.

Голоса вопили в голове Ульдисиана. Что-то схватило его за лодыжку, несмотря на все его усилия.

Рука без плоти – похожая на человеческую, не считая четырёх пальцев с длиннющими ногтями, – скребла его кожу. Не сразу Ульдисиана осенило, что точно такие руки были у мужчины из его видений. Это были руки демона.

Вторая рука выбралась из-под земли, эта частично была покрыта бледной, как кость, кожей. Ульдисиан отскочил от первой, но споткнулся о какую-то невидимую преграду и упал назад.

Из земли прорвалось уродливое нечто – демон, который одновременно был и не был мёртв. Его кости не были обычными человеческими костями, потому что были расположены по-другому, рёбра заменяли сплошные пластины. Ульдисиана поразило, что у этого демона вообще есть кости – у жуткого зверя Гулага их не было – видно, разнообразие этих чудищ было таково, что не сыщешь двоих одинаковых.

Голова была зафиксирована под одним углом, а челюсть безжизненно повисла. В существе больше не было ничего красивого, падальщики – многоножка поспешила скрыться в глазнице – всё ещё работали над телом по прошествии столь долгого времени.

Затем, к ещё большему удивлению Ульдисиана, Мендельн, – про которого он думал, что тот мудро остался с остальными, – выступил вперёд. От его брата исходило нечто зловещее.

Мендельн стоял перед страшным существом с широко разведёнными руками. Он выкрикивал что-то на языке, которого Ульдисиан не понимал... Но тот вдруг осознал, что по интонации он сходен с языком, который использовал демон.

Омерзительная фигура медлила. Хотя глаз у неё уже не было, по всему было видно, что она смотрит на Мендельна с чем-то, близким к удивлению.

Но если демон выражал удивление, то так же делал и Мендельн, который, по-видимому, ожидал, что что-то произойдёт. Он выкрикнул другое слово, от которого, несмотря на то, что смысл его был неведом Ульдисиану, у того по спине пробежали мурашки.

Это возымело действие, хотя, очевидно, и не такое сильное, как надеялся Мендельн. Злобная фигура закачалась,

как пьяный боец, затем распрямилась. Чувство угрозы росло, но вместе с ним и неуверенность, словно демон тоже не знал точно, что ему делать.

-Он всё ещё живой...- пробормотал Мендельн скорее с восхищением.- Нет... Он колеблется между жизнью и смертью, питаемый жадой мести... И потерей, такой огромной, что он всё ещё не может смириться с ней...

Ульдиссиана не заботила причина – только то, что они должны остановить злодея. Беря себя в руки, он снова взглянул на разрушенное строение.

Стены разошлись. Здание издало рокот... И наконец развалилось, примерно как храм в Торадже.

Но даже тогда демон не упал.

Ульдиссиан поднялся, но, прежде чем он успел подготовить что-нибудь ещё, Мендельн знаком руки остановил его.

-Стой! Смотри!

Вдруг позабыв о незваных гостях, скелет медленно повернулся к груде камней. Он поднял своё чудовищное лицо к небу и издал рёв, в котором Ульдиссиан узнал жестокую муку.

Маленький предмет пролетел рядом с Ульдиссианом и Мендельном. Он прилетел прямо в раскрытую ладонь демона.

Это был осколок женского лица.

Демон развернул к себе ваяние и свободной рукой погладил осколок... После чего, к изумлению братьев, вместе с ним просто исчез.

Ожидая, что это какая-то уловка, Ульдиссиан прыгнул вперёд. Однако он больше не чувствовал присутствия демона. Это было так, словно существо ушло за пределы мира смертных.

-Он вернулся обратно в то место за пределами всех мест,- пробормотал Мендельн.- Всё кончено.

-Но почему это *началось*? Что вернуло эту сущность к жизни – или как это лучше назвать?

Брат пожал плечами:

-Как я и сказал. Месть... И потеря.

Ульдиссиан припомнил видения загадочной пары, которые он наблюдал, они были так не похожи друг на друга. Демон и... Быть может, *ангел*?

Но это было смешно. Ульдиссиан не мог представить менее вероятного сценария. Он отогнал эти мысли, больше озабоченный другой стороной дела:

-Серентия. Она сейчас в безопасности, так ведь?

-Похоже на то. Ты отлично защитил её, брат.

Это напомнило Ульдиссиану ещё кое о чём:

-Да, и ты защитил меня...

-Но не отлично.

Отмахнувшись, Ульдиссиан забрюзжал:

-Ты знаешь, о чём я, Мендельн! Я был терпелив, но то, что коснулось тебя, не имеет никакого отношения к дару, который я показал остальным! Ты изменился! Порой я даже не уверен, с кем говорю!

Младший брат наклонил голову:

-Как и я,- прошептал он.- Как и я.

-Нам нужно решить это между собой,- настаивал Ульдиссиан.- Я должен знать, что происходит с тобой... И какое это может оказать влияние на тех, кто с нами. Слишком многое на кону!

-Да... Я согласен,- Мендельн оглянулся на разрушенное здание.- Но не здесь. Не сейчас. Ночью. Когда все уснут.

-Мендельн...

Брат Ульдиссиана протянул руки ладонями вперёд. Чуть ли не моля, он добавил:

-Это *должно* произойти ночью... И только между нами двумя.

Мендельн плотно сжал губы. Ульдиссиан знал, что больше ничего из него не вытянет. Что ж:

-Тогда ночью. Не позднее. Я серьёзно, Мендельн.

Брат кивнул, после чего развернулся и пошёл обратно. Ульдиссиан постоял немного, глядя на удаляющуюся фигуру Мендельна. Затем его мысли без всякого труда приняли иной оборот.

Серентия...

С её робко улыбающимся лицом перед глазами Ульдиссиан сразу позабыл о демонических духах и загадочных братьях. Сейчас важно было только вернуться к остальным и убедиться, что с ней всё в порядке.

Что потом? Ульдиссиану оставалось только молиться, что Ахилий, где бы он ни был, простит своего друга за слабость.

Глава седьмая

Когда солнце добралось до горизонта, эдиремы стали искать место для лагеря. Мендельн, который держался от брата на расстоянии после происшествия в руинах, изучал своих многочисленных товарищей с несвойственным ему беспокойством. Он задержался сзади, когда они заторопились к выбранному участку – относительно очищенной области примерно в десяти минутах ходьбы от реки, и остановился у ствола дерева, словно бы для того, чтобы перевести дыхание.

Они нашли переправу, про которую Серентия говорила, что слышала, как кто-то упоминал о ней. Переправа эта оказалась удобной, её ширины доставало, чтобы несколько человек одновременно переходили на другую сторону. К тому времени, как он и Ульдиссиан нагнали остальных, больше трети людей уже переправились, причём руководителем явно выступала Серентия.

Она выказала наибольшую радость, увидев Ульдиссиана, такую радость, что сразу же бросилась к нему в объятия. Он подозревал, что, если бы не присутствие Мендельна, объятия прямо на месте могли бы перерасти в нечто большее. Битва с существом в руинах явно поменяла отношение Ульдиссиана к ней, да и Серентия, похоже, больше не тревожилась по поводу покойного оплаканного Ахилия.

И это занимало Мендельна больше, чем опасность, с которой они столкнулись в этот день.

На смену последним остаткам дневного света пришли факелы и – всё и больше и больше – свечение огней, которые теперь могли призывать матереющие эдиремы. Некоторые из тех, за кем наблюдал Мендельн, были чересчур самоуверенны из-за своего маленького успеха; их мерцающий свет вряд ли отпугнул бы надзирателя мира, морлу или демона.

Наконец ему выдалась возможность. Все были заняты своим делом, а Ульдиссиан не видел ничего кроме Серентии. Мендельн медленно отступил к джунглям.

Он направился не прямо к реке, а назад вдоль их пути. Несмотря на растущее беспокойство, дыхание Мендельна оставалось спокойным. Ощущение было такое, словно в его теле живут два человека, причём новоприбывший по мере необходимости приспособлялся к любым изменениям.

Мендельн отсчитывал шаги. Двадцать. Пятьдесят. Сотня...

Именно на этом счёте фигура, которую он ожидал увидеть, появилась возле дерева, словно по волшебству... Собственно, очень вероятно, что так он и было.

«Всегда... Вовремя... Мендельн...» – столь знакомый голос обладал теперь шероховатым призвуком, словно собеседнику приходилось постоянно что-то выталкивать из своего горла.

Мендельн подозревал, что выталкивать приходилось *грязь*.

«Я же обещал, что встречу тебя в условленное время... Ахилий.

Короткая, резкая усмешка вырвалась у наполовину скрытой фигуры. Лучник сделал шаг вперёд.

У Мендельна не вырвалось вздохов изумления, иххватило и в первый раз, когда он столкнулся с мертвецом. В конце концов, перед ним стоял его добрый друг, пусть даже и со сквозной дырой в своём горле, края которой были покрыты запёкшейся кровью и грязью. Брат Ульдиссиана даже не задавался вопросом, как светловолосому охотнику удаётся говорить с такой ужасной дырой. Ахилий сейчас существовал благодаря некоей силе за пределами понимания смертных, силе, без сомнения, достаточно могущественной, чтобы даровать голос труп, которого она оживила.

Но такое определение с натяжкой подходило Ахилию, внезапно решил Мендельн. Ахилий не был ни волочащим ноги вурдалаком, ни злобным существом вроде морлу. Искра, которая составляла суть лучника, и в самом деле по-прежнему пребывала в останках; в том не было сомнений. Да, кожа была такой же бледной, как белки глаз Ахилия, – которые были теперь *полностью* белыми, – да, его постоянно покрывала свежая земля, но всё равно это по-прежнему был человек, которого сыны Диомеда знали всегда. Ахилий даже сам смущался своим нынешним состоянием; даже теперь он пытался вытереть руки, чтобы обменяться рукопожатием с Мендельном.

Вместо того чтобы дать лучнику продолжить свою тщетную работу, облачённый в чёрное собеседник подошёл

к нему и схватил запачканную ладонь. Он пожимал её так, словно они всё ещё находились дома и ничего у них не происходило. И никто не умирал.

На лице Ахилия промелькнула тень улыбки. Даже в теперешнем положении он был красивым мужчиной, грациозным, как добыча, за которой он так успешно охотился... До встречи с Люционом. Мендельн всегда завидовал внешнему виду светловолосого охотника, хотя тот никогда не кичился им. Иронией судьбы было, что он, который мог иметь столь многих женщин, желал только одну единственную, которая не отвечала ему взаимностью... Почти до самой гибели.

-Храбрее, чем... Ты был... Раньше.

-Ты же мой друг.

-Я такой же мёртвый, как вот эти три местных обитателя, которых я поймал,- Ахилий вытащил сзади три тельца созданий размером с кошек и явно родственных им. Он разложил добычу перед Мендельном.

Эта сцена одновременно поразила и огорчила брата Ульдисиана. Даже в том состоянии, в котором находился, Ахилий не мог удержаться от своего призвания. Быть может, подумал брат Ульдисиана, он делал это затем, что это позволяло ему разыгрывать свою былую жизнь, создавало впечатление, что тех ужасных событий не происходило.

-И как я объясню этот богатый улов, когда вернусь?- слегка пошутил Мендельн.- Все знают, какой из меня охотник. Если мне удастся поймать гриб, при всей его сообразительности и быстроте, это уже можно считать большой удачей.

Ахилий скорчил гримасу.

-Я... Думал... Что... Но... Я всё равно охотился...

Он снова попытался очиститься от грязи. Однако даже в темноте Мендельн мог разглядеть, что грязь свисала у лучника со штанов, ботинок, рубахи... Похоже, её количество почти мгновенно восстанавливалось за счёт грязи, буквально из ничего формирующейся на самом теле Ахилия.

-Я говорил с Ульдисианом,- наконец вмешался Мендельн, одновременно чтобы прервать его тщетные попытки и перевести в разговор на важные темы. Это был не тот разговор, который он задумывал изначально, но он чувствовал, что ничего важнее сейчас нет,- и принял решение. Настало время сообщить ему о своём присутствии. Я приведу его сюда, и...

-Нет.

Мендельн ожидал отпора, но, хотя он и уважал жуткое положение своего друга, он понимал, что избежать этого нельзя.

-Ульдисиан – твой друг, как и я. Он с пониманием воспримет то, что случилось с тобой...

Лицо лучника посуровело, белые глаза опасно сузились.

-Нет... Мендельн... Так быть... Не должно... Больше... Не говори...

От интонации, с которой говорил Ахилий, у Мендельна волосы поднялись на затылке. Несмотря на это, он продолжал упорствовать:

-Я больше не буду таить этого от него... Или Серентии, раз уж на то пошло! По меньшей мере...

-По меньшей мере,- повторил другой голос за ним,- это действие может привести к величайшей катастрофе...

Мендельн развернулся. Он знал этот голос. В конце концов, он столько преследовал его...

Высокая фигура была одета в тёмный плащ с капюшоном, обрамляющим лицо, почти такое же бледное, как у Ахилия. На первый взгляд, в остальном он выглядел, как обычный человек... Не считая того, что черты, пусть и угловатые, были невозможно идеальными.

-Кто ты?- спросил брат Ульдисиана.- Я знаю тебя, но не знаю имени!

Новоприбывший кивнул.

-Да, нам случилось узнать друг друга довольно неплохо, сын Диомеда... И потому я приношу извинения за то,

что я должен сделать. К несчастью, ты не оставляешь мне выбора.

-Что ты такое несёшь?- Мендельн попятился от фигуры и натолкнулся на Ахилия. Грязные пальцы схватили его руки, сжимая его смертельной хваткой, в буквальном смысле.- Повторяю! Кто ты такой? Кто?

-Упрямый дурак, вот кто я такой,- ответил тот, поморщившись. Он протянул к Мендельну руку.

В ней был кинжал... Кинжал, который, на взгляд Мендельна, был изготовлен не из металла, но скорее из чего-то, похожего на слоновую кость.

Кость?

Его мучитель произнёс три коротких слова, и, хотя Мендельн не понял его, он, конечно же, узнал язык. Он то и дело всплывал у него в голове.

Кинжал ярко сверкнул, ещё лучше осветив лицо под капюшоном. Оно было таким, каким Мендельн всегда видел его в своих видениях, разве что теперь он увидел, насколько древним оно было, несмотря на то, что в целом на вид пришелец был немногим старше его.

-Что же до имени, матерью я был назван по-другому, но теперь я известен как... *Ратма*,- он кивнул Мендельну, как бы прося извинения.- А теперь нам пора идти.

-Идти? Куда...

Но прежде, чем брат Ульдисиана успел закончить, он и создание по имени Ратма исчезли.

Остался один Ахилий – он знал, что так будет. Он взглянул на свои пустые ладони, пустые от человека, которого они держали, но не от inferнальной грязи.

-Извини... Мендельн...- в конце концов пробормотал он пустым джунглям. С некоторой неохотой он снова поднял свою добычу.- Так... Было... Нужно...

Внезапно издалека донёсся звук, который заставил его посмотреть в сторону лагеря. Двигаясь в полной тишине, Ахилий растворился в темноте. Нельзя было, чтобы кто-нибудь видел его, особенно Ульдисиана, который, наверное, и приближался теперь.

И даже меньше, чем своему старому другу, он желал дать понять *ей*, что он рядом.

Ульдисиан вдруг остановился, зная, что что-то не так. Он отправился на поиски своего брата, который обещал дать ответы, и один из его последователей указал ему в эту сторону. Ульдисиан немедленно почувствовал близкое присутствие Мендельна... А в следующий момент его уже *не было*.

Поначалу он подумал, уж не новая ли это уловка его брата, какая-то новая способность. Ульдисиан не имел понятия ни о силах, каким владел Мендельн, ни об их источнике. Он припомнил, как Люцион попытался представить Мендельна демоном или, по крайней мере, одержимым демоном. Эти воспоминания преследовали Ульдисиана, потому что, хотя он и знал, что это была ложь, он терзался вопросом, а не было ли всё-таки в этом какой-нибудь доли правды.

Продолжая свой путь, Ульдисиан наконец обнаружил место, где он в последний раз чувствовал своего брата. Тем не менее, не было никаких следов, по которым можно было бы понять, куда вдруг исчез Мендельн, и от этого Ульдисиан заволновался ещё больше. Мендельн был не из тех, кто играл в игры – во всяком случае, в такие.

Не в силах найти своего брата при помощи своих способностей, Ульдисиан перешёл на более простой метод. Он начал звать Мендельна по имени, сначала шёпотом, затем, когда начальная попытка не дала результатов, в полный голос.

Но Мендельн не появлялся.

При воспоминании об опасностях, которые таили джунгли, – как природных, так и иных, – Ульдисиан ещё больше встревожился. Однако он не заметил ни следа чего-нибудь необычного.

Склонившись, Ульдисиан пробежал пальцами по мягкой земле. В то же время он наконец призвал сферу

мягкого голубого света. В этом свете Ульдиссиан принялся искать следы.

Он отыскивал отпечатки, которые определённо принадлежали не ему. Похоже, человек останавливался в ярде слева от него. Судя по позиции, один человек ожидал другого... Но почему он стоял *спиной* к лагерю? Конечно, Мендельн смотрел бы в другом направлении.

Затем область сразу рядом с первой привлекла его взор. Только сейчас Ульдиссиан заметил, что земля была потревожена, словно кто-то много двигался на маленьком участке пространства. Он не мог сказать хоть с какой-нибудь уверенностью, куда были повернуты ноги здесь, но перевернутая земля давала повод подозревать, что именно здесь что-то пошло не так.

Вот где Мендельн стал недоступен для считающихся превосходными органов чувств его брата.

Снова выпрямившись, Ульдиссиан сделал шаг вглубь...

-Вот ты где!

Не успел он оглянуться, Серентия показалась из джунглей. Шар света был в стороне от его лица, так что она не могла увидеть на нём испуг, который он поспешил скрыть. Мендельн только что пропал; в последнюю очередь Ульдиссиан хотел, чтобы самый дорогой для него человек теперь находился в этой области. Как знать, может, та же опасность осталась подстергать здесь в ожидании возможности похитить и её тоже?

-Серентия... Что ты здесь делаешь?

-Конечно, ищу тебя,- она схватила его руку, давление её пальцев заставило кровь бегать по жилам.- И я хотела спросить у тебя то же самое... Это не место для прогулок в одиночестве.

-Мне показалось, я что-то слышал,- ответил Ульдиссиан не очень убедительно.- Наверное, я ошибся.

Она придвинулась ближе к нему, глядя в чашу.

-Ты испугался, что это тот... Тот демон... С той стороны реки, не так ли?

Он знал, что врать не следовало, но всё равно ответил:

-Да. Так я и подумал.

Поначалу ответ, казалось, удовлетворил её, но затем дочь торговца внезапно спросила:

-Ульдиссиан, а ты видел Мендельна?

-Мендельна?

-Когда я пошла искать тебя, я справилась также и о нём. Я подумала, что вы можете быть вместе,- она сильнее сжала его руку, продолжая осматривать тёмную чашу вокруг.- Мне показалось... Мне показалось, я почувствовала его здесь... Должно быть, я ошиблась.

Ульдиссиан сдержал проклятье. Ну конечно, из всех остальных Серентия более всех приблизилась к уровню его способностей. Так почему она не могла почувствовать то же, что и он? Но то, что она развила дар, означало, что будет труднее – нет, просто *невозможно*, решил Ульдиссиан, – скрыть от неё правду.

Он положил свою другую руку на её:

-Серентия... Я пришёл сюда в поисках Мендельна. Мы должны были встретиться. Он хотел рассказать мне о... О том, с чем ему приходится иметь дело. Об изменениях, которые с ним происходят...

Она не стала выпытывать у него подробностей, больше беспокоясь о самом насущном:

-Так *где* он?

-Я не знаю.

Её пальцы сдавили его руку с ошеломляющей силой. Серентия быстро посмотрела влево и вправо, словно Мендельн вот-вот должен был появиться.

-Но он должен быть поблизости! Я была *права*, когда подумала, что чувствую его! Ты ведь тоже его почувствовал, не так ли?

-Да... А потом его просто не стало... Здесь,- столь прямое утверждение факта проняло Ульдисиана до глубины души. Его брата – его единственного *выжившего* родственника – было нигде не найти.

Твёрдым голосом темноволосая девушка заявила:

-Мы обследуем всю область! Он не может быть далеко! Он тоже знает, что может защищать себя! Мы найдём его, Ульдисиан...- она дотронулась до его щеки.- Я обещаю, что мы найдём его...

Но, хотя последующие несколько минут они применяли свои способности изо всех, как знал Ульдисиан, сил, они не нашли ни малейшего следа. К этому времени со стороны лагеря начали доноситься голоса, слышнее всех был голос Ромия.

-Мастер Ульдисиан! Мастер Ульдисиан!- бывший разбойник с шаром света перед собой, излучающим тусклое серебристое свечение, предстал перед их глазами. Плешивый партанец выдохнул с огромным облегчением:

-Какая радость! Мы боялись худшего, да-да! Йорда заметил, что вас нет, и когда никто не смог найти вас...- он вдруг остановился на полуслове, словно до него доходил смысл их уединения и близости друг к другу.

Несмотря на то, что заключение партанца не было полностью ошибочным, Ульдисиан не желал, чтобы такой образ затмил его поиски.

-Мы разыскиваем моего брата,- сообщил он мужчине. Потом, что для него явно было проявлением отчаяния, Ульдисиан спросил.- Ты случайно не видел Мендельна?

-Нет! Даже не припомню, когда видел его в последний раз,- ответил Ромий с лёгким поклоном.- Может... Может, он просто пошёл насладиться ночью, раз он такой, какой есть...- партанец запнулся, видя, что Ульдисиан смотрит с неодобрением. Большинство эдиремов приписывали Мендельну множество странных и таинственных деяний, большая часть которых была продуктом их воображения.

К несчастью, тех, что не были выдуманы, хватало, чтобы держать в напряжении большую часть людей, даже Ульдисиана.

Но это не имело никакого отношения к поискам его брата. Когда другие не знающие о ситуации собрались позади Ромия, Ульдисиан испугался, что их присутствие только ещё больше осложнит дело. Если что-то забрало Мендельна – при этой мысли по Ульдисиану пробежала куда более сильная дрожь, даже чем он ожидал, – тогда кто мог утверждать, что оно не заберёт и остальных? Мендельн был, по правде говоря, сильнее любого из эдиремов, но при этом у него, по всей видимости, не было ни шанса...

-Я хочу, чтобы все вернулись в лагерь,- приказал он.- Вперёд! Живо!

-Но мастер Ульдисиан!- воспротивился Томо, стоявший теперь рядом с Ромием.- Мы не должны оставлять вас здесь одних!- Видимо, то, что Ульдисиан наверное мог защитить себя лучше, чем тысяча его последователей, не было очевидно для тораджанцев и всех остальных, судя по тому, сколько голов закивали в знак согласия с Томо.

-Возвращайтесь в лагерь...

Ромий покачал головой и выпалил:

-А ваш брат, мастер Ульдисиан? Если он потерялся, как вы опасаетесь...

Теперь новоприбывшие знали, что их лидер делал в джунглях посреди ночи. Независимо от собственного дискомфорта рядом с Мендельном, они понимали важность его для Ульдисиана.

-Теперь они не уйдут,- прошептала Серентия.- Единственный способ заставить их теперь вернуться в лагерь – сделать это самим...

-Я не могу! Я нужен Мендельну!

Она успокоительно положила на него руку:

-Я знаю это, Ульдисиан. Я знаю это лучше, чем кто-либо другой! Но подумай... Можешь ли ты помочь ему прямо сейчас, когда все отвлекают тебя?

Серентия была права на этот счёт: все многочисленные ряды его последователей сейчас занимались тем, что мешали ему сосредоточиться.

-Мы все идём назад,- внезапно приказал Ульдисиан.- Ромий, проверишь, чтобы все были на месте.

Партанец кивнул, хотя, по всей видимости, всё ещё был сбит с толку:

-Но ваш брат, мастер Ульдисиан...

-Будет найден, Ромий,- Ульдисиан положил конец любым расспросам, пройдя мимо главного служителя, Серентия пошла с ним под руку.

Но, хотя перед остальными он демонстрировал непреклонный вид, Ульдисиан с радостью бы развернулся, бросился бы в джунгли и стал бы выкрикивать имя Мендельна, пока не нашёл бы его. Он и представить не мог, что случилось. Он не ощущал ничего нехорошего. Ну конечно... Ну конечно, Мендельн просто потерялся каким-то образом, и скоро вернётся назад.

Но что, если не вернётся?

-Успокойся,- обнадёживающе прошептала Серентия. Она наклонила голову ближе к его,- Когда всё уляжется, мы сможем вместе поработать над поисками Мендельна.

-Вместе поработать?

-Совместим наши силы так, как мы ещё не пробовали... Думаю, это возможно...

Её предложение вселило в него надежду. Они смогут умножить силу своих поисков. Конечно, тогда они выяснят местоположение Мендельна.

Но сработает ли то, что у неё на уме?

-Мы можем только попробовать, Ульдисиан,- прошептала она, словно прочитав его мысли.- Вы с Мендельном действовали вместе, чтобы помочь мне, не так ли?

Он кивнул, радуясь тому, что она не знала, как близко демоническая сущность подобралась тогда к ней.

Когда они вернулись в лагерь, Ульдисиану ничего не оставалось, кроме как ждать, пока остальные уснут. О часовых он не беспокоился; они не увидят, что они с Серентией пытаются сделать. Они вдвоём перешли в защищённое от глаз место лагеря. Те, кто находился на посту, всё ещё смутно могли видеть их, но не то, чем они занимались. Он не хотел никакого вмешательства, пусть даже добровольцев, желающих помочь.

Серентия сидела напротив. Оба сидели скрестив ноги и, поскольку прикосновение срабатывало, когда Ульдисиан пробуждал дар внутри людей, держали друг друга за руки. Ульдисиан испытывал вину за то, что получает такое громадное удовольствие от её близости. Он не чувствовал себя так ни с кем со времён... Со времён *Лилим*.

Улыбаясь ему, Серентия сказала:

-Я понятия не имею, как начать... Разве что я могу проникнуть в тебя так, как ты в первый раз делал это со мной и остальными.

-Попробуй,- он пожелал бы сделать это сам, но пока предложения Серентии были весьма осмысленны. Учитывая состояние своего рассудка, Ульдисиан был более чем счастлив дать ей возглавить этот процесс.

Серентия закрыла глаза, Ульдисиан сделал то же самое. Он почувствовал, как на короткий миг она сдвинула его ладони, и ответил тем же.

Внезапно... Стало так, будто в нём было два человека.

Стремительность, с которой дочь торговца успешно коснулась его разума – и его души, – напугала его. Последовала секундная пауза, после которой Ульдисиан почувствовал, что она приглашает его сделать так же. Его мысли, его чувства соприкоснулись с её мыслями и чувствами. На один или два вдоха это было сравнимо с тем, как два зверя оценивают друг друга. Затем, чувствуя растущую уверенность, Ульдисиан поднажал.

Он и Серентия слились воедино. Это не было полным отождествлением их сущностей, ибо Ульдисиан сохранял определённые барьеры – прежде всего те, что касались его чувств к девушке, сидящей перед ним, – и он чувствовал, что Серентия тоже перекрыла доступ к некоторым потайным мыслям. И всё же они были связаны достаточно сильно, чтобы предпринять теперь попытку, которую она предлагала.

«Позволь мне... – возникло то, что, согласно его воображению, было её голосом.- Позволь мне вести нас...»

Не успел Ульдисиан дать своё молчаливое согласие, как вдруг почувствовал, словно его глаза онять открыты.

При этом теперь он парил через окружающие их джунгли... Причём в *нескольких* направлениях одновременно. Более того, казалось, настал день, только день, освещённый золотистым солнцем. Всё сверкало ослепительным жёлтым...

И вместе с ним... В той же мере часть его, что и он был частью её... Спешила Серентия. Их скорость была выше скорости самой быстрой птицы. Слитые воедино, они проделывали милю за милей по региону, не только покрыв весь дневной переход, но и переместившись далеко за пределы места, до которого доберутся завтра. Ульдисиан примечал важные точки по дороге в надежде, что хорошо их запомнит и сможет сообщить своим последователям, а кроме того увидел, что если эдиремы немного сменят курс, они смогут раньше покрыть большее расстояние.

Он видел лесных существ – ночных обитателей, теперь озарённых золотистым светом. При этом они не чувствовали его приближения и не знали, что более не скрыты от его глаз. Некоторых он никогда не видел прежде, и их экзотическая сущность восхитила сына Диомеда, несмотря на текущие обстоятельства.

Но даже после этой самой тщательной охоты из всякой, какую можно представить... Ульдисиан не обнаружил ни следа Мендельна.

Наконец, несмотря на пьянящий аромат их успеха, он больше не мог терпеть. Ульдисиан почувствовал удивление Серентии, когда он начал возвращаться к лагерю. Пейзаж проплывал мимо, и, хотя Ульдисиан продолжал смотреть и изучать, он не нашёл ни единой зацепки.

А потом... Бывший фермер снова сидел напротив своей подруги. Ульдисиан не знал, когда он открыл глаза, но оба они сидели, глядя друг на друга как будто уже несколько часов. С большой неохотой он освободил одну руку, чтобы потереть лоб. Она сделала то же самое.

-Мне очень жаль,- наконец сказала Серентия.- Я думала, мы найдём Мендельна наверняка.

-Я тоже,- тем не менее, несмотря на этот скорбный провал, Ульдисиан не был всецело расстроен. Не только потому, что они с Серентией исследовали новую, потрясающую способность... Но также потому, что им удалось слиться вместе, как никаким двум людям точно не доводилось прежде. Одного взгляда на её лицо было достаточно, чтобы понять, что она чувствует примерно то же самое.

Ульдисиан немедленно затряс головой, сердитый на себя за то, что отвлёкся такими вещами, когда его брат в ужасной опасности. Попытка, пусть и успешная сама по себе, провалилась. *Только это* и было важно.

Серентия наклонилась вперёд:

-Ульдисиан...

Он хотел остаться с ней, но знал, что это помешает ему целиком сосредоточиться на Мендельне. С внезапностью, заставившей Серентию ахнуть, Ульдисиан вскочил на ноги и вышел.

Он почти тут же пожалел о содеянном, но даже и не подумал вернуться. Ульдисиан не позволял себе вновь отвлекаться. Только Мендельн имел значение... Если только *ещё не было* слишком поздно.

При этой мысли он снова задрожал. Мендельна *не было*. Сначала Ахилий, теперь это.

Ульдисиан посмотрел на тёмное, затянутое пеленой небо, в то же время поднимая кулак. Ему хотелось кричать, но, зная, что это снова поднимет остальных, он был вынужден понизить голос до злобного шипения.

-Будь ты проклята, Лилит! Будь ты проклята за то, что заварила всё это!

Джунгли сохраняли молчание, но почему-то Ульдисиан был уверен, что она услышала его горькое проклятье... Услышала и смеялась над ним.

-Не... Теряй... Надежду...

Голос был едва слышимым шёпотом, но он проник сквозь туман в его голове. Ульдисиан развернулся в поисках говорившего... И никого не нашёл.

Нахмутив брови, он несколько секунд глядел в пустоту, затем поморщился. Теперь, в довершение всего, ему чудились голоса... Вернее, один конкретный голос.

Голос Ахилия.

-Будь ты проклята, Лилит...- повторил Ульдисиан, представляя одновременно брата и мёртвого лучника.- Если

Мендельна тоже нет...

Но у него не было для неё угроз, в которые в данную минуту верил бы даже *он*.

Глава восьмая

Они пробыли в тех местах весь следующий день... И день, следующий за ним. Ульдиссиан за это время ни разу не прикорнул, боясь, что любое промедление снизит шансы на нахождение Мендельна. Чем дольше брат отсутствовал, тем меньше оставалось надежды, что он всё ещё жив.

Сарон и Ромий в сопровождении Томо и небольшой смешанной группы партанцев и тораджанцев, наконец, осмелились подойти к нему на исходе второго дня. Они разыскали Ульдиссиана там, где он обычно находился: он стоял на краю лагеря с закрытыми глазами и ладонями, зажатыми в кулаки. Вокруг него, заметная только для глаз эдиремов, сияла серебряная аура.

Аура пропала прежде, чем тот или другой набрался храбрости заговорить. Ульдиссиан повернул лицо к группе.

-Завтра...- пробурчал он. - Если ничего не случится... Я обещаю, это будет завтра.

Худой и жилистый Сарон низко поклонился:

-Мастер Ульдиссиан, не подумайте, что мы хотим бросить вашего брата... Если бы Томо, который как брат мне, пропал, я бы искал его точно так же, просто...

-Просто обследовать одну и ту же область снова и снова – бесполезно. Я понимаю, Сарон. Я больше никем не могу рисковать, заставляя ждать здесь,- он оглядел тех, кто пришёл, как мужчин, так и женщин. Здесь были многие из его самых многообещающих учеников, обладающих теперь достаточным уровнем контроля, чтобы представлять угрозу для большинства противников-людей. Может даже для морлу или небольших демонов. И всё же без него они пропали бы.

-Завтра,- повторил он, начиная поворачиваться обратно к джунглям. - Спасибо за понимание.

Партанцы кивнули, а большинство людей Сарона поклонились. Когда они отошли, Ульдиссиан снова сфокусировал свои усилия. Должно было быть где-то что-то, что он упустил. Какая-то зацепка, которую то, что забрало Мендельна, оставило за собой.

Но он так ничего и не находил. Наконец, когда солнце село, Ульдиссиан отправился есть. Он даже не заметил, из чего состоял его ужин, его внимание было поглощено поиском нового курса действий.

С запозданием Ульдиссиан заметил, что Серентия сидит напротив него. Со времени его молчаливого ухода от неё они держались порознь. Он знал, что она была бы рада быть с ним, даже утешить его, и то, что он чувствовал то же самое, разрывало ему сердце. Однако, более чем по одной причине, сын Диомеда отказывался поддаваться этим чувствам.

Он вернулся к поискам сразу же, как только покончил с едой. Беря за пример попытку, которую он и Серентия предприняли вместе, Ульдиссиан дал своему разуму выйти далеко за пределы того, что могли видеть его глаза.

В одиночку он не мог осматривать джунгли в той же волнующей манере, как они это делали вдвоём, но при этом Ульдиссиан был уверен, что он прорабатывает исследуемые зоны самым тщательным образом.

Но всё равно он не нашёл даже намёка на то, что произошло.

В конце концов, осталась единственная надежда, к которой он не хотел прибегать, потому что она подвергала угрозе не только его одного. Тем не менее, по мнению Ульдиссиана эта была последняя возможность, которая всё ещё могла удалась.

И вот, напрягая себя до пределов возможностей, он достиг далёких руин... И того, что скрывалось среди них.

Это оказалось не так тяжело, как думал Ульдиссиан. Он мог только предполагать, что, быть может, его попытка с Серентией ещё больше раскрыла потенциал его способностей. Ульдиссиан изумился этому, даже притом, что мысль уже унесла его в пределы древнего жилища демонической сущности.

Но как только Ульдиссиан оказался там, он понял, что там нет и следа Мендельна. Что было ещё более любопытно, он заметил, как слаб след *призрака*, настолько, что он даже не сразу почувствовал его. Если бы сущность была причиной исчезновения брата, Мендельн наверняка смог бы с лёгкостью дать отпор такой пустяковой силе.

Тем не менее, Ульдисиан продолжал прощупывать руины. Наконец, он ощутил движение сущности... Но она не излучала злобы, как при первой стычке. На самом деле, ощущение было такое, будто демон теперь хочет что-то ему *сообщить*.

Правда, позволить это означало снять с себя часть защиты. Ульдисиан как можно подробнее обследовал своего оппонента и почувствовал только слабость... И срочную потребность. Не было ни намёка на угрозу. Наконец, отчаянно желая найти хоть какую-то зацепку, пусть самую незначительную, Ульдисиан уступил.

Но когда он начал открываться, кто-то стал трясти его тело. В тот же миг руины – и их злобный обитатель – погрузились во тьму, и Ульдисиан снова очнулся на краю лагеря.

Серентия стояла подле него с широко раскрытыми от страха глазами.

-Ульдисиан! Ты что, с ума сошёл? Я едва успела разорвать связь!

-Я наконец-то обрёл хоть какую-то надежду!- резко ответил он, поняв, что она сделала.- Нить к Мендельну...

-Не от этого злого существа! Подумай! С чего бы это ему хоть как-то помогать тебе? *Зачем?*

Он начал отвечать, но умолк. У Ульдисиана не было хорошего объяснения, и чем больше он думал об этом, тем лучше понимал, что точка зрения Серентии имеет изрядную долю смысла. *С чего бы* это существо стало бы помогать в розыске? Было очень даже вероятно, что в своём отчаянии Ульдисиан делал не что иное, как давал демонической сущности шанс отомстить ему.

А после этого оно наверняка бы снова попыталось достать Серентию...

Пробегаая пальцами по волосам, он пробормотал:

-Ты права. Чтоб его, ты права, Серентия...

-Мне жаль. Правда,- она пристально посмотрела ему в глаза.- Ты сделал для Мендельна всё, что мог... Всё, что можно было сделать. Что остаётся?

Снова у Ульдисиана не было подходящего ответа.

-Ты устал,- продолжала дочь торговца.- Тебе нужно отдохнуть.

Он кивнул. Внезапно Ульдисиан ощутил, что больше не сможет предпринять ничего другого. Даже он вынужден был признать, что ничего хорошего сегодня не выйдет из новых поисков.

-Я пообещал другим, что завтра мы уходим,- сообщил он ей.- Скажи им, что выдвигаемся с первыми лучами.

-Мне следует остаться рядом с тобой...

-Нет. Пожалуйста, скажи им, Серентия,- на этом Ульдисиан специально отошёл к ближайшему костру и немедленно улёгся. Он смотрел на огонь, запоздало заметив, что Серентия всё ещё наблюдает за ним. Наконец, с непроницаемым выражением лица, она пошла выполнять его просьбу.

Ульдисиан закрыл глаза. Даже хотя он так устал и согласился отдохнуть, он знал, что не заснёт. Как можно было? Его брат, должно быть, уже потерял навеки. Ульдисиан уже знал, что всю ночь будет в сотый раз обдумывать каждую попытку поиска, разыскивая допущенную ошибку. Снова и снова он будет анализировать *всё*, что он сделал...

Мягкая рука слегка тронула плечо Ульдисиана. Он напрягся, его лицо начало расплываться в улыбке, потому что ему как раз снилось, что Мендельн вернулся целым и невредимым. Тем не менее, одного взгляда вверх было достаточно, чтобы улыбка замерла, ибо это Серентия будила его... А над ней свет начинал просачиваться сквозь листву.

-Я приказала дать им поспать тебе как можно дольше,- тихо сказала она.- Остальные почти готовы выступить.

Острое чувство вины принизило его, словно своим сном он предал брата.

-Тебе следовало разбудить меня гораздо раньше!- выпалил Ульдисиан, который даже себе не смог бы объяснить причину своей злости. В конце концов, девушка, склонившаяся над ним, была обеспокоена судьбой Мендельна почти также же, как он.- Мне нужно предпринять ещё одну попытку! Думаю, на этот раз я смогу найти...

Его собеседница печально нахмурилась:

-Если бы я думала, что у тебя есть хоть какой-то шанс, Ульдисиан, я бы поддержала тебя. Ты это знаешь. Но я вижу это по твоему лицу. У тебя нет никакой новой идеи, не так ли? Ты просто хочешь искать вновь и вновь, права я или нет? Искать, пока не найдешь его...

-Да... Нет... Но...

-Ты сделал всё что мог для Мендельна... Так же, как и для Ахилия. Мы *должны* двигаться дальше, пусть даже я хочу этого не больше, чем ты. Ради всех остальных... И тебя тоже... Нет никакого другого выбора. Мендельн бы первым сказал тебе это. Ты сам это знаешь.

На это он ничего не мог сказать. Ульдисиан встал, бросил взгляд на джунгли, а затем позвал Томо.

-Можем мы дойти до Хашира за четыре дня?

-Если будем делать длинные и трудные переходы, мастер Ульдисиан. Я бы предпочёл сказать, что за пять, с вашего позволения.

-Мы дойдём за четыре.

Томо поклонился:

-Да, мастер Ульдисиан.

-Мы дойдём за четыре дня и по дороге больше никого не потеряем. Я хочу, чтобы это было ясно, - сын Диомеда с трудом сохранял спокойный тон. - Больше никого.

-Да, мастер Ульдисиан.

Ульдисиан посмотрел на Серентию. Она наградила его улыбкой, выражающей решимость, и повторила его клятву:

-Больше никого.

Плечом к плечу с ней и с Томо по пятам он прошёл к изголовью уже ожидающей толпы.

Томо ринулся к Ромию и Сарону и принялся живо им шептать. Как и хотел Ульдисиан, сказанное им быстро достигло ушей остальных.

Оказавшись в голове отряда, Ульдисиан кивнул своим последователям и продолжил путь. Эдиремы беспрекословно пошли за ним.

В этот день они прошли огромное расстояние, побуждаемые в первую очередь рвением Ульдисиана как можно дальше уйти от места, где пропал его брат. К концу перехода даже он чувствовал, как ноет каждая мышца. Вина за то, как, должно быть, чувствуют себя другие, особенно женщины и дети, заставила его пообещать, что следующий день окажется гораздо легче.

Но он не оказался. Едва они успели начать движение, как на джунгли налетела буря, жестокая буря, которая в итоге заставила Ульдисиана объявить привал.

-Похоже, она продлится весь день! - крикнул Ромий, прикрывая глаза от сора, поднятого в воздух ветром.

Те, у кого были более развиты способности, создали над собой и другими невидимые барьеры, но чем дольше и сильнее шёл дождь, тем больше барьеры ослаблялись или вообще рассеивались.

-Всем держаться вместе! - Ульдисиан проклинал бурю, почему-то убеждённый, что она действует в сговоре с Лилит и Триединым.

Серентия изо всех старалась не выпустить его руку.

-Что-то должно быть сделано с этим! Ты должен что-то сделать с этим!

Её слова воскресили в памяти нежелательные воспоминания. Лилит - в качестве Лилии - однажды предложила то же самое. Тогда это касалось грозových туч над Серамом и прилегающей местностью. Буря была разогнана, но позднее он выяснил, что эта была больше работа демонессы, чем его.

-Нет... - бросил Ульдисиан, никоим образом не желая вновь пережить подобное. - Нет... Я не могу...

Ближайшее дерево зловеще закрипело. Листья и заострённые ветви летали по воздуху. Женщина закричала,

когда свирепым порывом её бросило на товарищей. Дети кричали. Несмотря на всё, что им было дано, несмотря на всё, что они успели изучить, даже самые одарённые эдиремы начали поддаваться страху и изнеможению.

Ульдисиан знал, что ему *следует* попытаться что-нибудь сделать, хотя бы только для того, чтобы напомнить другим, на что они способны. Группа была уже недалеко от Хашира. Они должны были быть готовы столкнуться с более страшным врагом, несмотря на меньшие размеры храма, ибо Хашир наверняка окажется предупреждён.

Но воля его была слаба, всё ещё измотанная потерей Мендельна. Он затряс головой, борясь с самим собой...

Вдруг ни с того ни с сего Серентия отпустила его. Ульдисиан хотел подхватить её, но промахнулся. К его удивлению, она вышла на самое открытое место на их стоянке, где буря бушевала сильнее всего. Хотя и промокшая до костей, дочь Сайруса стояла прямо и гордо. Она высоко подняла копьё, грозя им зловещим чёрным тучам.

-А ну-ка, прочь!- закричала Серентия что было мочи на тёмное небо.- Прочь!

Увидев её там, тщетно пытающуюся сделать то, в чём он действительно мог бы добиться успеха, Ульдисиан почувствовал сильнейшие угрызения совести. Мендельн бы не захотел, чтобы он вёл себя так из-за него. Если была хоть малейшая надежда, что он может остановить эту яростную бурю, то это по меньшей мере обязывало его попытаться...

Но эта мысль умерла, когда его глазам предстало нечто невероятное. Словно какая-нибудь богиня войны, Серентия продолжала не только оказывать сопротивление силам природы, но потребовала от них подчинения. Она махала копьём, словно готовая бросить его в сердце бури...

А потом... А потом дождь притих, а затем вообще *прекратился*. Ветер унялся до лёгкого дуновения. Чёрные тучи посерели и начали расходиться.

Другие – в том числе Ульдисиан – стояли как громом пораженные при виде этого чуда. Аура окружала Серентию, сверкающая золотистая аура. При этом она стояла, словно не замечая этого и других небывалых явлений. Она продолжала требовать подчинения от неба... И добила его.

Последняя туча рассеялась. Тишина нависла над густыми джунглями, даже обычно присутствующие многочисленные насекомые не издавали ни звука.

Безвольно опуская руки, Серентия испустила громкий вздох. Её тело тряслось, копьё выпало из рук. В тот же миг аура исчезла.

Медленно, очень медленно Серентия оглянулась на Ульдисиана. С каменно-бледным лицом, с учащённым дыханием, она умудрилась вымолвить:

-Я... Сделала это... Не так ли?

Он кивнул, чувствуя одновременно стыд и радостное возбуждение. Серентии удалось то, что ему *следовало* бы сделать по наитию. В процессе деяния она показала уровень силы, который прежде выказывал только он. Она не должна была брать на себя столь многое... Но тот факт, что она только что доказала то, что всегда проповедовал Ульдисиан, наконец-то вернул его к жизни.

-Да... Ты сделала это,- сказал он с гордостью и так громко, что все вокруг могли слышать.- Ты сделала то, на что *любой* из нас способен!- он повернулся к эдиремам.- И я, который так много заявляет, приношу свои глубочайшие извинения, что не сделал ничего – *ничего* – вообще...

Но Серентия была первая среди многих, кто отказался признать его неудачу. Никто не сказал, почему они взялись защищать его, но для Ульдисиана было очевидно, что это связано с Мендельном. Он был благодарен им за заботу и поддержку и поклялся, что больше не допустит провалов, разве что только для их же блага.

При этом он не мог не ощущать восторга по поводу триумфа и прогресса Серентии. В рядах его последователей всегда проскальзывала тень сомнения, когда Ульдисиан настаивал, что он не сильнее, чем любой из них. Теперь даже малейшие среди партизанцев и тораджанцев знали, что могут достичь гораздо большего. Даже Серентия, при всём, что она сделала в этот день, ещё не достигла его уровня.

-Буря ушла!- крикнул Ульдисиан.- И в честь этого именно ты, Серентия, дашь нам команду продолжить движение! Ты!

Её всё ещё мокрое лицо расплылось в широкой улыбке. Серентия подобрала копьё с земли и указала им в направлении цели.

-Вперёд к Хаширу!- призвала она с удовольствием.

Отряд ответил радостными возгласами. Серентия ещё раз посмотрела на Ульдиссиана. Он кивнул, указывая подбородком, что она может начать путь. Возможно даже, её улыбка стала ещё шире. С горделивой осанкой она начала движение.

После того, как она сделала несколько шагов, Ульдиссиан последовал за ней. Затем к ним присоединились Ромий и остальные эдиремы. Настроение импровизированной армии поднялось на новый уровень. Ульдиссиан ощущал их уверенность; вот теперь это была та сила, которая свергла храм в Торадже и сможет то же самое сделать в Хашире. Вот теперь это было начало того, чего Триединое будет по-настоящему бояться. Вот теперь это было нечто, он начал верить, с чем даже *Лилим* будет не готова столкнуться.

И быть может... Быть может... Это было нечто, что ещё как-то поможет ему найти Мендельна.

Арихан не прожил и половины срока жизни его покойного коллеги, Малика – который, по слухам, сам прожил более двух жизненных сроков, дарованных ему хозяином, – но казался почти достаточно старым, чтобы годиться в отцы мёртвому высшему жрецу. Арихан, который некогда был вором, лжецом, карманником и убийцей – и теперь использовал эти навыки даже чаще в качестве высшего жреца Диалона, – не признавал суетных выходов, которые Малик, частично ассенианец по рождению, так часто позволял себе. Малик был напыщенным петухом, носившим не только отличную одежду, но и сохранявшим лицо и тело, которые на самом деле не принадлежали ему, в течение многих десятилетий.

Выходец из самых низов столицы, сухопарый, бородатый Арихан ожидал дня, когда старший священник Мефиса в своей надменности зайдёт слишком далеко. Это предсказание недавно сбылось, но Арихан благоразумно скрывал своё ликование от остальных. Одно дело – ловким ходом продвинуться по иерархии, другое – выказывать довольство по поводу неудачи, которая сказала на Триедином даже сильнее, чем на глупце, который погиб из-за неё. Ульдиссиан уль-Диомед играл важную роль в достижении конечных целей секты, а громадная неудача Малика разрушила любую возможность переманить деревенщину на их сторону. Теперь приходилось идти на более жёсткие меры.

Арихан был готов предложить свои услуги в выполнении этого сразу после кончины Малика, но произошло нечто странное, что заставило его промедлить. Примас, всегда предсказуемый в своём совершенстве, в последнее время действовал словно сам не свой. Он стал очень скрытный, и у него вошли в привычку продолжительные необъяснимые исчезновения. Ещё больше смущали Арихана приказы, которые могли с тем же успехом породить хаос среди жрецов, как и позволить им лучше координировать свои усилия.

Да, что-то здесь было не так... Но Арихан не имел понятия, как лучше подойти к этой трудности. Он определённо не собирался делиться своими опасениями со своими коллегами, особенно с новоиспечённой, но амбициозной заменой Малика. Если только...

Внезапно на пути высшего жреца оказался особенно страшный надзиратель мира. Так поглощённый собственными мыслями, Арихан чуть не столкнулся с дурнем.

Надзиратель мира, очевидно, был сумасшедшим, потому что не выказал ни малейшей тревоги по поводу своей оплошности.

-Владыка Примас желает говорить с тобой, старший жрец Арихан. Немедленно.

-Где он? - спросил бородатый старейшина, его монотонный голос выдавал его внезапное раздражение.

-Ожидает тебя в своих покоях, почтенный.

Арихан кивком отпустил человека и пошёл по длинной мраморной лестнице в темпе, который выражал уверенность, но не неуважение. По дороге он миновал ещё нескольких надзирателей мира на посту – стражники были неподвижны, как статуи. Почему-то это ещё больше углубило его опасения.

Часовые перед дверями в святилище Примаса дали пройти без лишних слов, из-за чего носитель мантии почувствовал себя так, словно уже умер. Примас не любил задержек; Арихан припомнил как минимум один инцидент, когда за такой грех грешник лишился своего сердца.

Всё было в кромешной тьме, когда он вступил в покои. Двери захлопнулись за ним с твёрдой окончательностью. Арихан заморгал, пытаясь приспособить глаза к чёрным комнатам. Он знал, в какой найдёт своего хозяина, но

чего ради было гасить весь свет на пути? Обычно имелась по крайней мере масляная лампа или тусклый факел.

Жрец сделал шаг вперёд... И что-то примерно размером с кошку пробежало по его обутой в сандалию ноге.

Арихан нехарактерно для себя взвизгнул, что только добавило напряжения. Как это выглядело со стороны: высший жрец Диалона – или, вернее, *Диабло* – испугался чего-то столь маленького и неприметного? А ведь он служил хозяину ужаса! Арихан надеялся, что внимание Примаса было переведено в этот момент на что-то другое...

Теперь он видел достаточно как раз для того, чтобы пройти к самой сокровенной комнате. Он подумал, что, хотя он и мог бы наколдовать огонь, Примас, быть может, сохранял темноту с каким-то умыслом – неважно, с каким.

Когда Арихан добрался до двери в святилище его хозяина, она открылась сама по себе. Его встретило тусклое неземное освещение. Арихан посмотрел вниз на свои узкие ладони, которые теперь были гнилостно-зелёными.

-Входи, входи, высший жрец Арихан!- позвал Примас на удивление возбуждённым голосом.

Делая, как приказано, Арихан подошёл ближе к трону. Приблизившись, он увидел Примаса, огромного, бородатого мужчину, на вид одновременно старше и младше, чем он, изучающего его со странным восхищением. Арихан снова подумал о недавних изменениях в личности персоны перед ним. Раньше он всегда знал, чего ожидать... Но на этот раз – нет.

По традиции, жрец встал на одно колено прямо у ног своего хозяина. Он знал, что Примас и в самом деле был отпрыском владыки Мефисто, но всегда поминал его по смертному титулу, а не по имени.

Никогда как Люциона.

-Великий и могущественный Примас, сын наивеличайшего Мефисто, твой преданный слуга, Арихан, здесь по твоей просьбе. Как я могу служить тебе?

Примас ответил короткой, странной усмешкой. Арихану доставило трудность не посмотреть вверх в ответ на этот приводящий в замешательство звук. Он никогда не слышал, чтобы хозяин смеялся столь... Столь безумно.

Почти сразу, как только он подумал это, жрец придержал кощунственные подозрения. О Примасе не годилось думать как о больном, это было неприемлемо и опасно для здоровья.

-Поднимись! Поднимись же, высший жрец Арихан!- почти весело приказал сидящий на троне.

Арихан подчинился. Он старался сохранить выражение уважения на лице и во взгляде. Возможно, это была проверка. Возможно, его хозяин хотел узнать, насколько решительным и преданным был Арихан.

-Я к твоему распоряжению, великолепнейший.

-Да... Да, ещё бы...- Примас опёрся на один из подлокотников трона.- Это... Я – Голос Триединого, не так ли?

-Ну конечно, великолепнейший,- Арихан почувствовал, что его брови начинают сходиться от озабоченности и замешательства, но попытался сдержать это действие. Он сохранит выражение обожания на лице, какой бы ни оказалась следующая выходка Примаса.

Да, ну конечно же это была какая-то проверка...

Примас заёрзал. Затем, словно он понял, как он выглядит, его лицо посуровело.

-Высший жрец Арихан! У тебя есть *что-нибудь*, что сказать мне?

-Нет, великолепнейший! Я только жду повелений от тебя!

-Очень хорошо... Очень хорошо...- маленькое белое тельце – паук, сообразил Арихан, – ползло по воротнику Примаса. Глава Триединого не обращал внимания на паразита, даже когда тот начал взбираться по его шее.- Это... У меня есть план, как наставить смертных на наш путь, высший жрец Арихан. Великолепный план! Но его нужно реализовать быстро, потому что в нём задействованы наши братья в Хашире.

-В Хашире?- повторил жрец, тщетно пытаясь не бросать то и дело взгляд на паука. Теперь он полз по подбородку Примаса, очевидно, всё ещё не примеченный.

-В Хашире... Да, Хашир будет идеальным местом, чтобы всё проверить...

Арихан поклонился мудрости Примаса. Если у того был план, то несомненно он должен был принести чудесные

плоды.

Паук теперь ползал возле уха, две ноги его даже влезли в него. Как ни старался, высший жрец Диалона не мог не глазеть на него.

Пауки... Арихан знал о пауках что-то этакое. Что именно?..

С поразительной сноровкой сидящий на троне вдруг схватил паука. Примас сжал ладонь, раздавливая существо в ней.

-Что-то не так, мой Арихан?

В первый раз с начала визита хозяин не назвал титула сухопарого человека. Хотя и встревоженный, Арихан сумел покачать головой.

-Очень хорошо... Очень хорошо... - ладонь оставалась сжатой в кулак. Примас широко улыбнулся... Он никогда раньше этого не делал. - Ты будешь моим агентом! Вот что ты сделаешь, чтобы привести Ульдисиана к нам... Хочет он того или нет.

Арихан поклонился и стал слушать замысел Примаса. Он слушал, и все размышления о недавних причудах хозяина отодвинулись далеко на задний план. В конце концов, Арихан жил, чтобы служить Примасу; в конечном счете, только это имело значение.

Это... А также знание, что, даже если в сыне Мефисто и проявились признаки безумия, Примас по-прежнему мог раздавить Арихана также же легко, как того паука.

Глава девятая

Тьма окружала Мендельна, и казалось, будто тьме этой нет конца. Брат Ульдиссиана догадывался, что, если он будет бежать со всех ног так долго, как это возможно, он не заметит вокруг никаких изменений. Всё по-прежнему будет темно и пусто. Часть его была встревожена этим... Но другая часть проявляла нездоровое восхищение.

Но всё равно его опасения за Ульдиссиана превозмогли это восхищение, и чем дольше Мендельн стоял в тишине и одиночестве в окружении темноты, тем больше ему не терпелось вернуться... Если такое вообще было возможно. В конце концов, он, очень вероятно, был здесь узником.

«Зачем было предавать меня, Ахилий? - спросил он про себя. - Зачем было похищать меня, когда я только хотел воссоединить тебя с остальными? Какая причина останавливать меня могла у тебя быть?»

-Потому что то, что ты хотел сделать, возымело бы очень нежелательные последствия, - ответил голос, который он знал так хорошо по своей собственной голове.

Тень возникла из темноты, тень, которая всё ещё казалось её частью. Высокий, очень бледный мужчина с невозможно совершенными чертами. Фигура в капюшоне была на голову выше Мендельна, чего сын Диомеда не замечал раньше.

-Какие последствия? Какие? Говори понятно! Какие последствия?

Вместо того, чтобы ответить, пришелец отвернулся от него и посмотрел вверх... Правда, Мендельн, посмотревший туда же, не увидел там ничего примечательного. Там была такая же темнота, как и везде.

Незнакомец – нет, он назвал себя *Ратмой* – тихо спросил пустоту:

-Ну? Можешь ты чувствовать, что она собирается предпринять?

И пустота *ответила*:

Нет...она хорошо защищена в этом отношении. Пожалуй, есть только один, кто знает, как проникнуть за этот щит и узнать правду...

Ратма нахмурился:

-И мы точно не можем ожидать помощи от моего отца... Ведь он ещё вернее, чем она, попытается стереть меня в порошок.

Это суицид пустяк...

В голове Мендельна стучало каждый раз, когда говорил второй голос, словно его разум был недостаточно силен, чтобы принять его присутствие. Он сдавил виски, пытаясь прийти в норму.

Прости меня...- сказал голос, его интенсивность намного снизилась. - Я попытаюсь оставаться в твоих пределах...

Ратма помог Мендельну выпрямиться:

-В первый раз, когда он заговорил со мной, я думал, у меня голова расколется.

-А что, моя ещё не раскололась? - Мендельн заморгал, снова ища источник голоса. - Кто это говорит с нами? Я его тоже раньше слышал! - и вдруг сердито крикнул во тьму. - Покажись! Тогда я буду знать всех своих пленителей!

-Но мы не твои пленители, - тихо ответил Ратма. - Едва ли. И, определённо, не твои враги.

-Не друзья, уж точно! Иначе зачем забирать меня у Ульдиссиана, рядом с которым я всегда должен быть?

Потому что, если ты хочешь быть с ним, когда это будет больше всего необходимо, ты должен сейчас быть с нами...

-Опять загадки? Кто ты таков, вещающий в тенях? Перестань прятаться от меня!

Ратма цыкнул.

-Объяснять дальше не получится, пока он не увидит тебя, мой друг,- сказал он пустоте.- Но не забывай, что он – смертный.

Он немногим меньше, чем ты, Ратма...

-Я никогда и не утверждал иначе.

Слушая пару, Мендельн чувствовал, как долго они знают друг друга. Между ними существовала связь ещё более прочная, чем между ним и Ульдиссианом...

Так знай же меня, Мендельн уль-Диомед...- провозгласил голос, продолжая поддерживать свою мощность на уровне слабого громахания в его голове.- *Знай меня, как знает меня Ратма.*

И внезапно в темноте наверху появились звёзды, слепящее скопление звёзд, которые кружились, словно угодившие в бурю. Они заполнили верхнее пространство так, что Мендельну пришлось прикрыть глаза. Поначалу в их движениях не прослеживалось никакого ритма или смысла, но вскоре они начали распределяться и занимать определённые участки. По мере этого Мендельн замечал, как начинает формироваться фигура, форма, видимая только наполовину, но при этом всё равно достаточно, чтобы определить её.

Это было мифическое существо, сущность из басен и сказок, но никак не из жизни. Ульдиссиан с удовольствием пугал Мендельна историями об этом существе, когда тот был маленьким ребёнком... И Мендельн смаковал каждую историю.

Но теперь... Теперь увидеть такого великана, особенно составленного из звёзд... Мендельн стоял, безмолвно глядя.

Это был дракон. Длинный, мускулистый, змееподобный дракон, чьи пропорции были за пределами огромных.

«Дракон избрал тебя... - эти слова или очень похожие на них были выгравированы на камне на жутком кладбище, которое Мендельн нашёл сам в пору пребывания в Парте.- Дракон избрал тебя...»

Неземное создание задвигалось, глазами ему служил завораживающий ряд звёздочек меньшего размера.

-Знай меня...- повторило оно.- Знай меня под именем Траг'Оул...

-«Тот, кто навсегда»,- добавил Ратма, почти обыденно, несмотря на поразительное зрелище.- Во всяком случае, это одно из толкований. Их несколько.

Но Мендельн едва слышал это, потому что, когда дракон говорил, он непрерывно двигался... И в процессе этого движения открывались новые, более ошеломляющие аспекты. Внутри каждой из «чешуек» – звёзд – брат Ульдиссиана лицезрел короткие мелькания жизни... *Его жизни.* Вот он –ребёнок на руках своей матери. Мендельн заплакал, увидев её, боль от её потери – от потери всей семьи – внезапно воскресла.

Он заставил себя отвести взгляд от этой картины, и одну за другой стал наблюдать сцены жизни, по мере того как годы его жалкого, краткого смертного существования мигмом пролетали в очах Траг'Оула.

Пытаясь смахнуть с себя ощущение своей незначительности, Мендельн взглянул фантастическое создание в целом... И тогда увидел, что не только его жизнь представлена перед ним, но жизни сотен, если не тысяч.

«Мы все там,- сообразил Мендельн.- Всё человечество, с самого первого человека... Каждая чешуйка... Каждая чешуйка – это мера какой-то части нас...»

И среди всех этих жизней его взгляд каким-то образом заметил и остановился на Ульдиссиане. На самом деле, картины двух братьев постоянно переплетались, что, конечно же, имело смысл. Пребывали они вместе или порознь, они были связаны большим, чем просто кровными узами.

Однако... По мере того как годы их жизней быстро опускались по «телу» великана, их жизни становились всё более разобщёнными. Мендельн увидел своё обнаружение камня возле Серама и соблазнение его брата Лилит в образе Лилии. Картины пролетали всё быстрее и быстрее. Парта. Люцион. Смерть Ахилия. Тораджа. Серентия. И снова и снова, пока...

Траг'Оул снова задвигался, и жизни сынов Диомеда затерялись в море других существований.

Человек всхлипнул ещё раз и посмотрел на то, что сходило дракону за лицо.

Больше постигать тебе не следует, - сказал ему Траг'Оул. - Ибо за пределами этого начинается мир возможностей, где то, что ты видишь – это пути выборов, которые ещё не сделаны. Было бы опасно для тебя и для всего этого мира пытаться выбрать из них, прежде чем жизнь подтолкнёт тебя принять решение...

Он говорил о будущем. Дракон отражал не только прошлое и настоящее, но и то, что могло быть. Невероятная обширность бытия, что протянулось над ним, только теперь поразила Мендельна. Он чувствовал, что Траг'Оул открыл ему – и даже Ратме – только очень малую толику себя. Поворачиваясь к фигуре в капюшоне, Мендельн выпалил:

-Что?..

-Ты хочешь просить: «Что „он“ такое»?- Ратма указал на непрерывно двигающуюся фигуру.- Даже Траг'Оул точно не знает. Он существовал с самого начала созидания, хотя и не в том виде, в каком мы ощущаем его теперь.

Нет... Это пришло потом... - всякий раз, когда дракон говорил, чешуйки плавали и перемещались, постоянно отражая другие жизни, другие времена.- Это пришло с нахождением осколков... С выковывыванием Санктуария взбунтовавшимися ангелами и демонами...

Мендельн понятия не имел, о чём говорит исполин, за исключением того, что он помянул демонов. Он взглянул на Ратму, черты которого за последние несколько мгновений напомнили ему кое-кого... Слишком хорошо напомнили, на самом деле.

И затем это поразило Мендельна, как стрела в сердце. Он знал точно, кто это был.

-Ты и она!- выкрикнул брат Ульдиссиана, давая волю ярости. Он обвинительно указал пальцем на Ратму, который стоял неподвижный, как мертвец.- Ты и она! Я вижу это по тебе! Ты – её! Её крови!

Мендельн призвал слова силы, слова, которые, как он отлично знал, он получил от того самого, кого пытался сейчас ими атаковать.

Ратма поднял руку. В ней материализовался костяной кинжал, который Мендельн видел перед своим похищением. Когда последние слова слетели с губ Мендельна, кинжал ярко вспыхнул.

В такой близости от неестественного освещения, после того, как его глаза привыкли к темноте, Мендельн был мгновенно ослеплён. Он вскрикнул и попятился.

Он хорошо усвоил твои уроки, Ратма...

-Почти слишком хорошо. Я чуть не опоздал. Но его разум... Его дух... Ещё не в полном согласии с Балансом.

Открытие, что стоишь перед отпрыском Лилит, наверное, не очень-то воодушевляет. Ты должен учитывать эмоции, Ратма. Иногда мне кажется, что ты принял мои уроки слишком близко к сердцу, мой друг...

Мендельн не обращал внимания на их беседу, озабоченный только восстановлением зрения. Он продолжал пятиться, надеясь как-то убежать от демона перед ним.

-Я не демон... По крайней мере, не в полной смысле, Мендельн уль-Диомед,- объявил Ратма, снова, по-видимому, прочитав его мысли.

-Уйди из моей головы!

Фигура в плаще начала проступать перед братом Ульдиссиана.

-Мы уже прошли это, мой ученик. Ты доказал свою восприимчивость в тот день, когда тебе был показан камень возле деревни, камень, который был первым из твоих испытаний.

-Испытаний для чего? Чтобы посмотреть, могу ли я стать прислужником демона?

Звёзды наверху внезапно ускорили ход. Посмотрев наверх, Мендельн подумал, что лицо Траг'Оула почти... Осуждающее.

Ратма, ты порой слишком самовластный. Объясни больше. Расскажи ему о его родословной. Расскажи ему о Лилит...

-Я собирался,- в первый раз оттенок эмоции – раздражения? – промелькнул в голосе фигуры в плаще.- И ты знаешь, что я собирался.

Со временем... - новые перемещения звёзд, новые отображения различных жизней. Они никогда не повторялись. Всегда со временем.

Ратма вдруг вздохнул:

- Да, пожалуй, я слишком медлю, несмотря на то, что сказал, что нужно спешить, - и принялся спокойно объяснять брату Ульдиссиана. - Мендельн, сын Диомеда, который сам был сыном Терония, который был сыном Хедассиана... Я сообщаю тебе, что ты моей крови, мой потомок... И таким образом, в свою очередь, той, которую ты знаешь под именем Лилит.

И Инария тоже не забудь...

- Об Инарии он узнает довольно скоро, - Ратма внимательно наблюдал за Мендельном с кинжалом наготове.

Но Мендельн не только не возобновил нападение, но даже не выразил протеста. Навыков, которые он усвоил у Ратмы, было достаточно, чтобы отличить правду от лжи.

- Ты не лжёшь, - резко произнёс брат Ульдиссиана. - И ты позаботился о том, чтобы я это знал! - он покачал головой. - Ульдиссиан и я... Мы - её потомки?

- Не только вы, многие поколения до вас. И, как я и сказал, вы также и мои потомки, - отметил Ратма, наконец опуская костяной кинжал. - Число коих гораздо, гораздо меньше.

Мендельн попытался совместить это в единую картину.

- Поэтому она выбрала его, а ты - меня? Потому что в игры играть легче с теми, кто ближе всего к вашей отвратной крови?

На лице Ратмы снова отразилось раздражение, но прежде чем он успел заговорить, звёзды, немного покруглившись, снова сформировали Траг'Оула.

Спокойно, - прошептал дракон, как мог. - Если Ратму можно назвать демоном, то также можно назвать каждого человека. Частично от них произошли все вы... Но не стоит забывать также об ангелах... Их роль в вашем создании не менее значительна...

Демоны и ангелы... Утверждение, что он - что каждый - произошёл от таких существ, казалось нелепым. Однако снова благодаря способностям, которыми Ратма наградила его, Мендельн не мог не увидеть, что всё это была правда.

Всё это только подтверждало то, что открыла сама Лилит в ходе своих махинаций. Мендельн в тайне всегда отвергал её заявления, считая, что всё это ложь, направленная на то, чтобы как-то сломить защиту Ульдиссиана. «Но, похоже, лгал только я сам самому себе...»

- Отлично. Ты знаешь, что я должен поверить тебе. Что с того? Я буду твоей пешкой не скорее, чем мой брат будет её!

Ратма сердито вздохнул. Ему, сообразил Мендельн, эти скольжения звёзд говорили о многом.

- Мы не ищем марионеток. Это больше пристало моей матери... И моему отцу, как выясняется, тоже. Нет, Мендельн-уль-Диомед, мы ищем не что иное, как любого, кто может противостоять тому, что должно было свершиться ещё в самом начале...

Дракон наверху зашевелился. В некотором смысле Траг'Оул был для Мендельна куда более эмоциональным существом, чем мужчина, с которым он сюда переместился. Потому, когда исполин заговорил, Мендельн без труда ощутил безотлагательность, которую Траг'Оул хотел передать.

Ратма говорит о неудаче своего отца, - объяснил дракон. - Неудаче утаивания Санктуария от тех, кто за его пределами. Пылающий Ад уже знает... И, спасибо безумству Лилит, Высшее Небо тоже скоро обнаружит этот мир...

От Лилит Ульдиссиан, - а потому и Мендельн, - слышал название, данное их миру теми, кто создал его. Демонесса также упоминала что-то из ранней, очень бурной истории, но она никогда много не говорила, насколько он помнил, о том, что случится, если все те, от кого прятались беглецы, узнают про существование Санктуария. Раньше он думал, что теперь это уже неважно, но теперь выяснялось, что это очень, очень существенно. В самом деле, ужас пронизал брата Ульдиссиана насквозь, да так сильно, что он едва сумел выпалить:

- И что?

И вот, если даже планам Лилит помешать, а Инарий предложит мир... То есть если произойдёт невозможное... Очень вероятно, что Санктуарий и все, кто внутри него, – пусть существа не самые могущественные, хотя некогда их таковыми предполагали обе стороны, – всё равно будут уничтожены.

-Но почему?

По движениям Траг'Оула Мендельн понял, насколько сильно даже огромное существо было озабочено тем, что они сейчас обсуждали.

Так демоны и ангелы поступают всегда, когда сталкиваются с потенциальным преимуществом. Они борются за него, пока не уничтожат то, чего так желают... Как ни грустно, судьба, лучшая, чем стать пушечным мясом для одной из сторон...

-Вот почему нам нужен ты, Мендельн уль-Диомед,- добавил Ратма, кивая смертному.- Вот почему нам и вправду нужно, чтобы ты был с нами... По своей воле, естественно.

Мендельн сглотнул.

Хашир стал виден около полудня последнего из четырёх дней, которые Ульдиссиан назначил своим эдиремам. Они пересекли огромные джунгли со стремительностью, которой никто до них, без сомнения, не достигал. Так утверждали Томо, Сарон и многие другие тораджанцы... И у Ульдиссиана не было причин, чтобы не верить им.

С пункта его наблюдения далёкий Хашир казался Ульдиссиану не больше, чем пол Тораджи, но Ульдиссиан чувствовал, что свержение храма в нём потребует в сотню раз больших усилий. При этом он всё равно надеялся избежать ненужного кровопролития... Если на данном этапе такое вообще было возможно.

-Я хочу вступить в город мирно,- сказал он Серентии и остальным.- Я хочу, чтобы они, как и тораджанцы, видели, что мы не желаем зла тем, кто не желает зла нам. Это важно.

-Триединое знает, что мы ушли этим путём. У них было время воздействовать на население. Может случиться так, что люди настроены против нас,- заметила дочь торговца.- Нас могут встретить не так учтиво, как в Торадже.

Ромий и некоторые другие кивнули. Несмотря на это, Ульдиссиан стоял на своём:

-Мы – не Триединое и не Собор. Мы покажем Хаширу пустые руки... Но, если понадобится, возьмём в них оружие.

Ульдиссиан оставил большинство своих последователей в джунглях сразу за пределами видимости первых поселений возле города. Он отобрал группу из пятидесяти человек, которые должны были пойти с ним, среди них были Серентия и Томо. Ромия он оставил за главного, доверяя исправившемуся злодею больше всех остальных.

Как случалось каждый раз, когда Ульдиссиан выказывал такую веру в него, Ромий упал на колени и схватил руки мужчины. Прикладывая лоб к пальцам Ульдиссиана, со слезами на глазах партанец произнёс:

-Мастер Ульдиссиан, я вас не подведу. Никогда. Благодаря вам я спасся. Это величайший дар из всех, которыми вы меня наградили.

-Ты заслужил то, что имеешь,- Ульдиссиан повелел партанцу подняться.- Если мы не вернёмся к завтрашнему утру, ты знаешь, что нужно делать.

Ромий стиснул зубы, его ладони сжались в кулаки.

-Но вы вернётесь, мастер Ульдиссиан! Вы вернётесь...

Хотел бы Ульдиссиан чувствовать такую же уверенность. Чем ближе они подходили к Хаширу, тем сильнее ему хотелось оставить Серентию и всех остальных в джунглях и просто пройти в город в одиночку. Тогда, если бы действительно затевалась ловушка, по крайней мере, никто бы не угодил в неё вместе с ним.

Но Ульдиссиан знал, что Серентия никогда не позволила бы оставить её. Да и эдиремы, раз уж на то пошло, не позволили бы ему уйти без прикрытия. Они так же были одержимы его сохранностью, как он был одержим их, несмотря на то, что Ульдиссиан был гораздо сильнее их всех вместе взятых.

Всех, кроме Серентии, быть может. К тому времени, как они достигли окрестностей Хашира, она стала настоящим заместителем командира, и её слово почиталось почти так же, как его собственное. Её советы стали бесценны для него... Так же, как и она сама.

Вот почему за ночь до Хашира он дал волю своим и её чувствам.

Даже тень Ахилия не могла более удерживать его от неё. Их воссоединение длилось долго, подогреваемое сдерживаемой яростью как из-за того, что было утрачено, так и из-за того, что стало обретено. Находил он утешение и в дружеском общении с ней – единственном дружеском общении, которое осталось в жизни Ульдиссиана.

Она шла бок о бок с ним, когда он вёл малую группу к воротам города. Ульдиссиан умышленно составил группу наполовину из партанцев, наполовину из тораджанцев. Хашири, как, по словам Томо, звались местные, смотрели на членов отряда с более светлой кожей с чем-то, близким к благоговению, – вероятно, многие из них никогда не видели «ассенианцев» до этого.

Справедливо ли было то же самое для стражи, сказать сразу было нельзя, потому что они стояли с настороженными лицами и напряжёнными телами, даже когда новоприбывшие подошли. У ворот происходило оживлённое движение, Ульдиссиан заметил деревянные повозки, запряжённые быками, пеших паломников в робах, хорошо одетых торговцев, едущих верхом. Когда они пересекали ворота, часовые бросали на них короткие, но внимательные взгляды. Один из часовых, в султানে, вероятно, главный офицер, посмотрел на пришельцев, но ничего не сказал, пока они не оказались в шаге от Хашира.

-Есть ли у вас с собой товары для продажи на рынке? – спросил он, хотя и было очевидно, что у них не было ничего такого. Когда Ульдиссиан ответил за всех качанием головы, офицер оглядел отдельных людей.

-Стало быть, паломники. Где твой город, ассенианец?

-Я из деревни под названием Серам. Остальные здесь из малого города Парты и из города Тораджи.

Человек хмыкнул.

-Тораджанцев я могу распознать, ассенианец. Парта и Серам... Этих мест я не знаю, – в конце концов он пожал плечами. – Соблюдай все законы, и Хашир всегда будет рад тебе.

-Мы благодарим и чтим Хашир за его великодушие, – ответил Ульдиссиан, научившись, как надо отвечать, у Томо. Жители нижних земель, как Ульдиссиан и партанцы определяли их, всегда выражали благодарность по прибытии в большой город.

Знание, как надо правильно отвечать, обескуражило некоторых «окаменевших». Офицер махнул им в знак того, что они могут пройти.

Хашир по стилю был сходен с Тораджей, и Ульдиссиан узнал, что вообще-то он даже положил начало более крупному городу. Когда-то давно Хашир послал исследователей, которые построили Тораджу, названную так в честь героя эпоса нижних земель. Ульдиссиану показалось забавным, что Тораджа переросла своего родителя, несмотря на кажущееся удалённым расположение.

Улицы здесь были в три потока, но на них не было существ, так почитаемых в Торадже. Вместо них разнообразные цветастые птицы свили гнёзда в густой листве, некоторые виды показались экзотическими даже людям Томо.

-Говорят, что хашири забирают с собой всех красивых птиц, которых встречают во время путешествий, чтобы красивее окрасить небо своего дома, – объяснил восхищённый тораджанец. – Я думал, это пустая бахвала, ведь Хашир теперь затмевает огромная тень Тораджи... Но взгляните на *эти* чудеса! Вы выдели эту?

Ульдиссиан вынужден был признать, что птицы создают восхитительный, постоянно меняющийся узор, но совместный звук их голосов – не говоря уже об огромном количестве помёта, который они оставляли за собой, – не вызывал у него любовных чувств. Напротив, они заставляли его мечтать о мягких звуках одиночных певчих птичек, каких он наблюдал у себя дома.

Их группа продолжала ловить пристальные взгляды хашири, и, окружённая мужчинами, Серентия превосходила всех по количеству привлечённых глаз. Ульдиссиан чувствовал, что слабое чувство ревности находит на него. Он умудрился подавить побуждение, но держал глаз да глаз на случай, если бы кто-то захотел познакомиться слишком близко.

Хашири были одеты примерно так же, как тораджанцы, разве что многие из них носили серебряные пояса, а высшие сословия – кольца в носу из того же металла. Были в городе и другие путешественники, в том числе

желтокожие торговцы с востока Кеджана. Со своими узкими глазами и непроницаемыми выражениями, они были похожи на кошек. Партанцев в его группе они особенно восхитили, да и тораджанцы не сказать, чтобы не выказывали интереса.

Лесной лев был покровителем Хашира; его изваяния венчали многие колонны и ворота. Ремесленники придали льву свирепую ухмылку, от которой он слишком сильно напоминал Ульдиссиану демона, хотя каменные существа должны были ограждать от них.

Затем в поле зрения попало то, что вытеснило всё остальное, что было в Хашире, из головы Ульдиссиана.

Над округлыми зданиями впереди возвышались узнаваемые трёхсторонние башни Триединого.

Ульдиссиан хотел пойти сразу туда, но нападение на храм только настроило бы жителей против него, которые, судя по всему, до сих пор не были предупреждены о них. Последнее означало, что здесь всё ещё могло произойти так же, как в Торадже.

Рынок представлял собой овальную зону, расположенную на пути главной улицы города. Два фонтана на разных концах его приветливо журчали. Зону наполняли палатки и повозки; экзотические товары, которые там предлагались, даже на короткое время отвлекли часть внимания Ульдиссиана от храма.

Наконец, он нашёл то, что искал. В центре рынка возвышалась каменная платформа, используемая на собраниях, где даже сейчас мнимые пророки проповедовали всем желающим. У многих публикой служили несколько человек, да и то уже было не худо.

-Направо,- сказал он остальным.- Здесь будет наше место.- Даже некоторые из оборванцев-вещателей остановились, когда он подошёл, хотя Ульдиссиан был уверен, что это из-за его бледного вида, и только. Одному он вежливо кивнул, на что тот в ответ только фыркнул.

Эдиремы заняли позицию, которую Ульдиссиан назначил им заранее. Несколько человек, Серентия в том числе, встали с ним, тогда как остальные стали его первоначальной публикой. Последний трюк Ульдиссиан усвоил по Торадже, где некоторые проповедники выдавали своих пособников за «обращённых», чтобы жители лучше интересовались тем, что это там привлекло «толпу». Он не считал это мошенничеством; в конце концов, эдиремы были истинными верующими, которые присоединились к нему благодаря его предыдущим речам.

Один или двое местных подтянулись ближе ещё до того, как он успел прочистить горло, без сомнения, заинтересованные только его иноземным происхождением. Это вполне устраивало Ульдиссиана. Томо и его двоюродный брат вели себя точно так же в своём городе, да и многие другие.

-Меня зовут Ульдиссиан,- начал он голосом, усиленным при помощи способностей. Повсюду головы повернулись в его направлении. Ульдиссиан сохранял голос ровным и дружелюбным – как один человек рассказывает другому. Он знал, что, в его случае, прежде всего он сам, а не его искусство произношения речей привлекало людей.- Я прошу вас только немного послушать.

Ещё несколько хашири подтянулись к нему. Эдиремы, которые играли роль публики, немного сместились, давая местным лучше разглядеть Ульдиссиана. По мере того как всё новые люди прибывали, его последователи отходили назад. Они заговаривали со слушателями, только если им задавали вопросы. Ульдиссиан хотел, чтобы одно его присутствие было причиной, по которой кто-либо принимал решение развивать дар.

Он начал с того, какую простую жизнь он вёл и что он был не известнейшим человеком, чем любой из них. Ещё до того, как Ульдиссиан дошёл до части, где он обнаружил свои силы, – опуская детали про Лилит, – слушающих собралось гораздо больше, чем в его группе, причём всё новые люди постоянно прибывали в зону. Серентия взглянула на него, её улыбка прибавила ему уверенности. Хашир обещал стать второй Партой – местом, полным приятия, где не было страха и ненависти.

Не таким, как его утраченный Серам.

Толпа на рынке была в основном его. Ульдиссиан взирал на лица – многие из них явно были готовы познать дар, скрытый внутри них. Бегло осмотрев толпу, он не обнаружил ни враждебности, ни вероломства. Он ожидал увидеть по крайней мере одного служителя Триединого среди своих слушателей, но не мог найти ни одного. Быть может, подумал он, они зашились в своём храме и готовятся к битве.

Если так, то они довольно скоро дождутся её начала.

Практически всякая другая деятельность на рынке прекратилась. Остальные проповедники давно умолкли, как минимум один из них примкнул к публике Ульдиссиана, и его лицо выражало такой же восторг, как лица некоторых других.

Приблизившись к завершению своей речи, Ульдиссиан создал сияющий свет. Толпа ахнула. Он рассеял свет, но смысл был ясен. То, о чём он говорил, не было ни фантазией, ни жульничеством. Да, это была магия, но, как отмечал он сейчас, магия, доступная каждому, если только они узрят.

Городские стражники, которые патрулировали рынок, когда он только сюда прибыл, теперь стояли по краям. Они наблюдали за действием с напускным безразличием, но Ульдиссиан отметил среди них пару людей, ловящих каждое его слово. Остальные просто выполняли свои служебные обязанности, и Ульдиссиан не видел в них угрозы. Он продолжал следить, не появилось ли Триединое, но его всё не было.

Наконец он закончил, предлагая, как всегда, показать любому желающему, каков их потенциал. Как и ожидалось, произошло недолгое колебание, а потом первая храбрая душа – молодая девушка, лицо которой было наполовину прикрыто вуалью, – вышла вперёд. Ульдиссиан повторил те же шаги, которые предпринимал со своими обращёнными в Парте и Торадже, и был ничуть не удивлён, когда девушка испустила вздох восхищения и мгновенного понимания.

Её реакция побудила толпу податься вперёд. Эдиремы, стоящие вместе с Ульдиссианом, зашевелились, чтобы создать некоторый порядок. Даже после этого он наблюдал внезапное море протянутых рук – каждый слушатель хотел быть следующим.

«Они все представляют это по-разному, - подумал Ульдиссиан, выбирая одного. - Но они все увидят одно и то же, когда пробудятся. Никто тогда не смотрит на это так, как на способ заполучить преимущество по сравнению с остальными». Он думал об этом не единожды. Было ли так, потому что он был посланником? Если бы им был кто-нибудь, подобный Малику, то стали ли бы эдиремы силой, которая по доброй воле приняла зло храма?

Ульдиссиан не мог в это поверить. Приветствуя человека, стоящего перед ним, он не ощущал никакого зла. Ну конечно, дар никогда не может быть опорочен.

Но ведь Лилит, Малик и Люцион думали иначе...

Толпа продолжала расти. Ульдиссиану становилось трудно сосредоточиться на своих усилиях. Люди, по всей видимости, разносили его слова, потому что перед ним теперь было больше народу, чем его было всего на рынке в самом начале. Даже Парта не выказывала такого рвения. Там их проняло исцеление ребёнка. В Торадже понадобилось больше усилий. Но в Хашире создавалось такое впечатление, что население ждало его прихода.

Ульдиссиан прогнал прочь все тревожные мысли. Он быстро просмотрел толпу ещё раз, что, с таким количеством потенциальных обращённых, с которыми предстояло работать, он переставал делать.

Он нашёл их сразу же. Они были смешаны с толпой, а именно присутствовали среди пришедших позднее.

Они ждали, когда его концентрация достигнет предела.

Надзиратели мира.

Без своей формы, избличающей их, они ничем не выделялись среди толпы. Снова Ульдиссиан оказался слишком самоуверен. Он позволил Триединому действовать, и они не заставили себя ждать.

Но подпустить убийц ближе и дать им добиться успеха – это были разные вещи. Ульдиссиан без труда отличил троих передних. Тем не менее, оружия он у них не нашёл. Они что, надеялись задушить его? Зачем посылать против него безоружных людей, которых он без труда мог отбить?

Или не мог? Сделай он это, все бы решили, что он нападает на простых паломников. Он заметил ещё двоих за первыми. Пять человек, и цель их всё ещё была не ясна. Они изо всех сил пробирались к нему, хотя они и должны уже были предположить, что он наблюдает за ними. Чего Триединое надеялось достигнуть?

И вдруг он это понял.

Ульдиссиан отступил от жаждущих слушателей. Ещё поворачиваясь, он разумом искал Серентию.

Она была здесь, но не одна. Два человека, маленькая девочка и старик, держали её за руки. Наверное, Серентия хотела подвести их к нему. При этом выражение её лица, – на котором отражалось в первую очередь замешательство, – указывало на то, что она только что поняла, что что-то не так.

Он-то, с его обострёнными чувствами, прекрасно понимал, что всё *очень* не так. Он видел, чем они были, хотя они и походили на других и казались невероятно маленькими и слабыми по сравнению с их истинными, нечестивыми сущностями.

Морлу.

Ульдиссиан потянулся к Серентии, в тот же миг его силы начали подниматься в нём, чтобы ударить замаскированных существ.

Но в следующую секунду морлу исчезли... И вместе с ними Серентия.

Глава десятая

«Только не опять! Только не опять!»

Эти слова снова и снова проносились в голове Ульдиссиана. Сначала Ахилий, потом Мендельн, а теперь вот и Серентия. Один за другим самые близкие для него люди исчезали. Его боль ничуть не ослабило возникшее подозрение о том, что случилось с его братом. Ну конечно же, морлу, используя какое-то заклинание, материализовались рядом с Мендельном и похитили его точно так же, как они сделали это с Серентией.

Но было неважно, *что* произошло. Главное – попытаться как-то спасти Серентию. Храм хорошо спланировал; большинство даже не заметило её пропажи. Эдиремы были слишком заняты поддержанием порядка без помощи своих способностей... Такой приказ отдал им Ульдиссиан. Даже они не заметили бы ничего странного возле Серентии.

Но теперь, тихонько предупреждённые Ульдиссианом, они замерли в изумлении. Взоры обратились туда, где стояла черноволосая девушка.

И, к ошеломлению Ульдиссиана, Серентия и её похитители *появились вновь*.

Она стояла, словно какой-то таинственный дух, призванный на землю смертных. Вокруг неё снова горела аура. Её волосы развевались, словно она угодила в бурю. Мрачная улыбка отражалась на её лице.

Свечение вокруг неё распространилось на тела, держащие её за руку. Шипение издали и маленькая девочка, и престарелый мужчина, нечеловеческое шипение. В мгновение ока их кожа *сгорела*, и когда это произошло, их форма и размеры резко переменились... И перед собранием оказались два морлу.

-Вот истинное лицо служителей Триединого!- прокричала Серентия.- Вот зло, которое было укрыто от вас все эти годы!

Морлу-ребёнок рванул одну руку за спину, рефлексy звероподобного воина были молниеносными. Когда рука снова оказалась спереди, в ней имелся искривлённый клинок длиной с предплечье Ульдиссиана.

Но Серентия едва взглянула на жуткое существо, когда то напало. Клинок рассыпался в золу, когда достиг её груди, и пепел сдуло прямо в чёрные глазницы опешившего морлу.

Серентия отпустила восставшего из мёртвых воина... Который внезапно воспарил над толпой, словно листок, подхваченный сильным порывом ветра. Он поднимался всё выше и выше, пока наконец не рухнул на крышу отдалённого здания.

Пока это происходило, второй морлу оставался на удивление неподвижным. Ульдиссиан знал, что причиной этого опять была Серентия. Её аура продолжала окружать несчастного злодея, который ничего не мог поделать, пока она доставала его же оружие – и когда затем, одним верным ударом, *обезглавила* его.

Когда труп свалился, она посмотрела на Ульдиссиана.

-Триединое показало себя! Они не оставляют нам выбора! Мы немедленно должны выступить против них!

Он чувствовал, как её решимость смешивается с его решимостью. Прекрасно зная, что жрецы могли готовить для Серентии, Ульдиссиан за секунду вспылал гневом. При этом он всё же поклялся, что будет держать себя в руках. Ульдиссиан не желал повторения того, что только что произошло.

-Народ Хашира!- прокричал он.- Вот правда о храме! Это...

Его голова вдруг наполнилась шумом, в котором он быстро узнал зловещее *шептанье*. В то же время Ульдиссиан почувствовал давление на череп, словно что-то хотело раздавить его. Нежданно-негаданно на короткий миг возник образ сухопарого бородатого мужчины, который, несмотря на свой почтенный вид, излучал тьму, схожую с тьмой покойного, неоплаканного Малика, и без сомнения был очередным высшим жрецом Триединого.

Призвав свои силы, Ульдиссиан сумел снять давление. Ульдиссиан ощутил, как далеко в храме высший жрец оцепенел от страха.

Серентия вдруг оказалась рядом с ним. Она нежно приложила ладонь к его затылку.

– Ульдиссиан, любовь моя! Что они делают с тобой?

Он не мог говорить, ибо в следующий миг его пронизала свирепая боль, такая острая, что сердце едва не перестало биться. Он смутно осознал, что Серентия всё ещё зовёт его. Издалека доносились встревоженные возгласы остальных.

Возгласы... А потом *крики*. Несмотря на своё состояние, Ульдиссиан всё же сумел почувствовать близкое присутствие новых морлу. Он попытался подняться, но боль была слишком сильной. Ульдиссиан умудрился хотя бы взглянуть вверх на Серентию – только её лицо была искажено, лишено симметрии.

В ушах раздалось звучание новых окликов, новых криков. В какой-то момент небо стало *красным*. Ульдиссиан не мог придать этому смысла...

Потом Серентия закричала, и что-то тёмное закрыло его обзор. Она отступила от Ульдиссиана, который упал бы на мощёную улицу, если бы другая пара рук не подхватила его.

– Держу тебя, – пообещал голос ему на ухо.

Голос Мендельна.

Прежде чем он успел отреагировать, мир закружился. Крики и другие звуки притихли, словно Ульдиссиан слышал их теперь с конца огромного тоннеля.

Последним, что он услышал, было его имя, выкрикнутое Серентией, – а потом темнота поглотила его.

Темнота и звёзды.

Арихан не имел совсем никакого понятия о том, что пошло не так. Всё было расставлено по местам, и служители знали, что нужно делать.

«Возьмите девушку, – приказал Примас. – Возьмите её, и вы нацепите кандалы на мужчину». Арихан сразу понял мудрость этих слов. Одного взгляда в магический кристалл было достаточно, чтобы выяснить, как сильно глупец заботился о своей спутнице. Чтобы уберечь её, он отдал бы душу... А именно в ней и нуждалось Триединое.

Но все сведения указывали на то, что девушка гораздо слабее, чем она только что показала себя. В Хашире она продемонстрировала способности, которыми не обладал даже Ульдиссиан уль-Диомед. Арихан мог бы поклясться, что она в действительности даже сильнее человека, с которым воевала секта. Двоих морлу оказалось недостаточно, даже притом, что они были укрыты заклинанием, данным ему Примасом.

Через магический кристалл жрецы из хаширского храма истово спрашивали, что происходит. Они ещё не подозревали, что план обернулся для них сущим бедствием. Морлу были достаточным доказательством, что Триединое темнее, чем показывало себя, и, учитывая, сколь страстно были настроены люди, Арихан предвидел яростную атаку на храм, которая могла окончиться только кровавой баней.

Болезненный шум в его голове наконец заставил высшего жреца вернуться к кристаллу. Арихан резко и с силой выдохнул воздух, когда увидел, на что теперь настроены те, кто отвечал за Хашир. Какой-то дурак решил, что, раз *он* не реагирует на неудачный ход событий, то лучше им самим что-нибудь предпринять.

И вот эти кретины натравили остальных морлу на деревенщину и его последователей, не подумав о том, как хашири воспримут это дальнейшее разоблачение истинного рода занятий Триединого.

«Они получают по заслугам, имбецилы!». Оборвав всякую связь со жрецами, Арихан стал смотреть, какой урон нанесут их действия. Два десятка морлу материализовались прямо из воздуха на глазах у населения, сопровождаемые в два раза большим числом надзирателей мира. Однако, получив приказы от людей с отсутствием всякого здравого смысла, воины храма избирали своими целями не только Ульдиссиана уль-Диомеда и его непосредственных последователей, но и тех, кто оказался рядом с ними.

Высший жрец нахмурился, заметив внезапное отсутствие одного конкретного субъекта. Где *был* лидер-деревенщина? Где *был* Ульдиссиан?

Арихан без труда мог разглядеть, где была девушка. Она стояла в центре действия, наслаждающаяся побоищем и похожая на переродившегося ангела. Её по-прежнему окружала пламенеющая аура, которая как будто перемещалась на других последователей прямо у него на глазах. Они начали одерживать верх над морлу и

надзирателями мира.

Хашир утрачен! Утрачен! Нерасторопные болваны тому виной, не Арихан. Он до последнего следовал плану, безукоризненному плану хозяина.

Теперь... Главное, чтобы Примас видел в том же свете...

Не успел Арихан это подумать, как тут же сдержал мысль.

Слишком поздно.

«Мой Арихан... Я хотел бы увидеть тебя перед собой».

Высший жрец Диалона унял дрожь. Он служил Примасу верой и правдой все эти годы. Возможно, будет больно, но, конечно же, Примас не захочет потерять столь ценного прислужника.

Арихан поднялся с каменного пола залы медитаций, занятой им для выполнения задачи. Он рассеял магический кристалл и взмахом руки погасил масляные лампы на стенах, после чего сделал ему несвойственное – бросился из залы. Нынче было не самое хорошее время для того, чтобы заставлять своего хозяина ждать хоть сколь-нибудь долго. Нужно было дать ему понять, что высший жрец не боялся прийти к нему.

Те же бесстрастные стражники пустили его в личные покои. Арихан мужественно побрёл через затемнённую прихожую, не обращая внимания на лёгкие звуки вокруг, которых он никогда не замечал прежде. Чего нельзя было игнорировать, так это шелковистой материи, которая облекла его лицо как раз перед тем, как он достиг внутренней двери.

Высший жрец выплюнул то, что попало ему в рот, и вытер остальное. Прозрачная ткань напомнила ему паутину, но этого не могло быть. Примас всегда был очень брезглив, даже во время пыток. Чем бы ни было просвечивающее вещество, у него наверняка было своё назначение.

Как только Арихан смахнул остатки, дверь перед ним отворилась. Он немедленно прошёл в неё.

-Мой Арихан...- раздался голос Примаса.- Как хорошо, что ты пришёл...

С совершенно непроницаемым лицом высший жрец поклонился на голос:

-Я всегда к твоим услугам, о Святейший.

-О, да, но как хороши твои услуги?- тревожащий зелёный свет материализовался над тронem, наконец-то делая видимым Примаса. Хотя фигура на троне улыбалась, Арихан разглядел в улыбке некоторую натяжку.

-Я сделал всё, что ты просил,- осторожно ответил высший жрец.

-И где девушка? Готова ли она прямо сейчас встретиться со мной?

-Нет, мой повелитель. Мы упустили её из-за дураков в Хашире. Они недооценили её. Не моя вина в том, что план не удался, о Великий.

Взгляд Примаса стал невыносим. Улыбка стала своей противоположностью.

-Так значит, это моя вина?

-Конечно же, нет!- поспешил поправиться Арихан.- Такое просто невозможно! Жрецы в Хашире неумело подошли к выполнению твоего грандиозного плана! Они неправильно использовали морлу и стражников и навлекли на себя страшное разорение. Я боюсь, о святейший из повелителей, что храм там утрачен.

-Вот это-то расстраивает больше всего, мой Арихан,- Примас поднялся. Когда он это сделал, высший жрец заметил паука на его правом запястье. Паук был по крайней мере в два раза крупнее того, которого он наблюдал во время своего последнего визита и без сомнения не мог быть не замечен его хозяином.- Больше всего. Допущения были сделаны. Обещания были даны...

-Девушка... Она оказалась сильнее, чем ожидалось,- вставил жрец.- По меньшей мере столь же сильная, как мужчина. Об этом никто не знал.

К его великому облегчению, Примас просветлел:

-Д-а-а-а... Это может пригодиться. Он поймёт, если этого невозможно было предвидеть.

Арихан не знал, о ком именно шла речь, но от реакции Примаса у высшего жреца всё похолодело внутри. Сын Мефисто мог бояться только трёх существ... Своего отца и двух других Первичных Зол.

Чтобы усмирить их, даже Примасу понадобится козёл отпущения. Арихан вдруг задумался, может ли он бежать, прекрасно зная, что его шансы в этом отношении близки к нулю.

Ещё один паук появился, этот вылез из-под воротника Примаса, прямо как во время предыдущей аудиенции. Арихан запоздало заметил другие маленькие и очень оживлённые тельца, бегающие по всему трону... И даже по его собственным ногам. Что все эти *пауки* делали здесь, и почему его хозяин не обращал на них никакого внимания?

-Мой Арихан,- молвила фигура перед ним. Примас потянулся к высшему жрецу, которому ничего не оставалось, кроме как подойти ближе.

Правда, оказавшись на таком близком расстоянии, Арихан заметил, что у Примаса что-то не так с глазами. Ему доводилось видеть настоящие глаза Люциона... И это были не они. Вообще-то, на таком расстоянии можно было различить, что каждый из них в действительности состоял из *трёх или четырёх* отдельных... И все были алыми, как свежая кровь.

-О Святейший,- начал он, стараясь подыскать слова, которые обеспечат ему спасение.- Возможно, что девушка...

Но Примас покачал головой:

-Нет, мой Арихан. Нет. План – мой выдающийся план – должен был сработать! Он потребует назвать причину, и девушки может оказаться недостаточно...

-«Он», о Великий?- сболтнул человек, пытаясь выиграть время. Вряд ли многие заклинания, которые он знал, могли сработать здесь, но Арихан должен был попробовать *что-нибудь*. К несчастью, сосредоточиться было невозможно по ещё одной причине. Здесь было слишком много пауков, как ползающих по трону, по стенам, по Примасу – и по нему самому, как обнаружил Арихан, – так и свисающих с потолка. Некоторые из них были с ладонь высшего жреца или даже больше.

В конце концов Арихан припомнил, что означают все эти пауки. Он понял, что находилось перед ним под личиной его хозяина. Он никогда не видел демона, но в пору своей бытности младшим жрецом читал о нём и слышал слухи о том, что создание обитает глубоко в закоулках великого храма.

-Наш владыка Дьябло, мой славный Арихан...- ответил ложный Примас на его вопрос.- И он потребует не только назвать причину, но и предъявить того, кто потерпел неудачу!- пока он это говорил, красивое лицо его начало разрываться. В местах разрыва плоти показались нити – нити из шёлка.

Нити паутины.

А из-под них показывалось волосатое уродство, которое Арихан некогда был бы рад призвать, – демон, который служил истинному владыке ордена высшего жреца.

-Великий!- ахнул он.- Позволь мне пойти с тобой, чтобы говорить с чудесным Дьябло! Вместе мы можем...

Мантия разорвалась, и огромное, отдалённо напоминающее человека тело с восемью конечностями раздалось вширь. Отчаянное предложение Арихана оборвалось на полуслове, когда четыре когтистые руки схватили его и поместили его лицо в каких-нибудь дюймах от пары свирепых жвал. На безукоризненно чистые одежды высшего жреца закапала слюна.

-Да, мой Арихан, мы отправимся вместе, но твоя голова будет подана на блюде! Да, головы хватит... Потому что *остальная часть* понадобится говорящему с тобой, чтобы подкрепить силы перед разговором с великим и блистательным Дьябло!

Жвалы врезались в горло высшего жреца, разрывая всё на своём пути. У Арихана не было возможности издать ни звука. Его голова упала набок, едва удерживаемая остатками целых костей и сухожилий.

Астрога набрал полный рот и поместил тело так, чтобы удобнее было высасывать драгоценную жидкость. Чего человек не успел понять, так это того, что демон вообще-то оказал ему огромную услугу, убив его так быстро. Владыка Дьябло мог заставить его страдать дольше, пытая ничтожного смертного до тех пор, пока не убедился бы, что он не только всё вызнал, но и пропустил Арихана через всё, что развлекало повелителя ужаса.

Но в процессе высший жрец мог приплести к неудаче Астрогу. Даже несмотря на то, что он предотвратил такой сценарий развития событий, арахниду придётся быстро придумать что-то, чтобы спасти себя.

Пока он отхлёбывал, одна идея уже пришла ему на ум. Люцион до сих пор отсутствовал, Люцион, который должен был заметить, что происходило и принять участие. Да, как-нибудь снова всё можно будет свалить на Люциона... И ещё на женщину с Ульдисианом уль-Диомедом. Арихан был прав, говоря о том, что она показала больше, чем ожидал даже демон. Она станет другим ключевым пунктом защиты Астроги...

Наконец пресытившись, он бросил тело своим детишкам, чтобы те с ним закончили. Астрога уже мог чувствовать, что Дьябло ждёт от него вести об успехе.

Демон взглянул вниз на обезображенный труп высшего жреца, уже покрытый пауками. «Считай, что тебе повезло, мой Арихан... Считай, что тебе повезло... Говорящий это может ещё позавидовать твоей судьбе... Да, позавидовать и молиться о том, чтобы и с ним обошлись так же милосердно...»

Подумав это, Астрога открыл переход между мирами и погрузился в глубины Пылающего Ада...

Я ждал тебя... - раздался леденящий голос.

Эдиремы подняли взоры все как один, ощущая призыв. Он исходил не от мастера, но от того, кто был ближе всего к нему. И этого было достаточно. Ромий дал знак рукой, и они устремились к Хаширу. Даже самый маленький ребёнок был вместе с ними, ибо эдиремы никого не оставляли сзади. Слабейшим из них было безопаснее оставаться с остальными, даже если это означало вовлечение в битву...

И вот только одна фигура осталась стоять в джунглях, фигура человека, который всеми фибрами души желал присоединиться к потоку душ, текущему к городским воротам. Но Ахилий не мог этого сделать, не навлекая большее бедствие.

«Всё... Как они предсказывали... Она возьмёт командование в свои руки, если он исчезнет». Лучник не хотел верить в это, но ему следовало ожидать, что Ратма и дракон окажутся правы. Похоже, они всегда были правы.

Хотя, нет... Не всегда. Они ошибались по поводу него. Они думали, что он будет беспрекословно подчиняться им. Не потому, что они требовали такого подчинения, но потому, что они предполагали, что правота их решений делала невозможными всякие возражения.

Но даже будучи ходячим мертвецом, Ахилий оставался Ахилием. Он обдумывал и другие возможные планы действий, которые расходились с решениями, принятыми сыном Лилит и существом по имени Траг'Оул.

Ему необходимо было принимать в расчёт Серентию... И это было самым главным.

Ахилий перекинул лук через плечо, хорошенько его закрепил и начал бежать. Смерть не замедлила его, и, по сути, он мог теперь гораздо, гораздо быстрее передвигаться по земле. Он оставлял немного или совсем не оставлял следов и мог обойти практически любые препятствия.

Из Хашира слышались крики и лязг металла. Ратма даровал ему способности, необходимые для удовлетворения нужд человека в капюшоне, и потому Ахилий знал, что происходит внутри, даже лучше, чем эдиремы Ульдисиана. Он также знал очень хорошо, кто возглавляет борьбу. Это заставило охотника ускорить и без того впечатляющий темп.

Он бежал по предместьям Хашира, приостанавливаясь только когда нужно было обежать стороной дома жителей, проживающих за пределами городских стен. Ориентиром Ахилию служили три башни храма, которые он никогда не терял из виду. Как и в Торадже, Триединое выбрало место так, чтобы туда можно было попасть через разные ворота. По мнению Ахилия, этого было достаточно, чтобы пробудить подозрение у тех, кто интересовался сектой, ибо зачем благородной и всеми любимой секте заботиться о путях отступления?

Хотя, если честно, до своей гибели Ахилий и сам вряд ли уделил бы этому много внимания. У жизни были свои способы закрыть людям глаза. Только смерть, по-видимому, по-настоящему открывала их...

Ворота, к которым он стремился, наконец стали видны. Одна половина была уже открыта. Старшие жрецы явно к этому времени уже не верили в безоговорочную победу. Он подумал: неужели они действительно думали, что их хозяева встретят их с распростёртыми объятьями после этого фиаско? Хотя, быть может, истинные владыки Триединого так и поступят... Чтобы на месте живьём содрать с них шкуру.

Ахилий решил немного разгрузить демонов. Достав лук, он потянулся за стрелой... И уставился на испуганную женщину-хашири с корзиной в руках.

Когда женщина увидела его, она завопила. Ахилий мог представить себе её потрясение и почувствовал отращение к себе. Тем не менее, как бы он себя ни ненавидел, оставались дела поважнее.

-Беги... Домой...- пробурчал он.- Давай!

Дважды просить её не пришлось. Бросив корзину со всем содержимым на землю, женщина бросилась прочь.

Уже позабыв об инциденте, восставший из мёртвых лучник приложил стрелу к тетиве...

И тут же был сбит тяжёлым бронированным телом.

Кинжал, который вошёл глубоко ему в грудь, убил бы его, если бы он не был уже мёртв. Нападавший уже начал отстраняться, очевидно, уверенный в смертельности своего удара. Смутные контуры морлу встали у Ахилия перед глазами.

Лучник осклабился – он был уверен, что имеет сейчас безобразный вид для всякого живого человека. «Слишком мало... Слишком поздно».

С силой, столь же нечеловеческой, сколь сила морлу, Ахилий подбросил звероподобного воина высоко в воздух. Морлу столкнулся с деревом, и оно разломилось надвое.

Ахилий, прекрасно зная, что это не остановит его противника, уже был на ногах. Он приготовил лук, и, как только закованный в броню убийца поднялся, в него полетела стрела.

С безукоризненной точностью стрела угодила в чёрную глазницу. Когда морлу потянулся за стрелой, Ахилий уже стрелял во вторую глазницу.

Хрюкнув, существо в шлеме отбило прилетевший снаряд. Но Ахилий уже был готов к этому. Он и выстрелил-то только для того, чтобы отвлечь. Лук был брошен на землю, и охотник достал длинный нож. Он прыгнул на морлу, когда тот извлёк первую стрелу – последнее действие сопровождалось громким причмокиванием.

Нож, остро заточенный и находящийся в руках профессионала, отделил голову существа в броне от шеи.

Ахилий спихнул дёргающееся тело в сторону. Он не отпускал голову, даже когда одна рука морлу потянулась за его ногой.

Взвесив на руке голову, Ахилий забросил её далеко в джунгли. Задержавшись только для того, чтобы забрать лук, Ахилий пробежал мимо тела, которое тщетно пыталось подняться на ноги. Нечестивая магия, оживившая его, должна была продлиться ещё немного времени, слишком мало, чтобы морлу успел спасти себя, заполучив назад свою голову. У Ахилия промелькнула мысль, будет ли это справедливо и для него, если кто-нибудь обезглавит его. Быть может, если кутерьма завершится и другие больше не будут нуждаться в его сомнительной помощи, он проверит это сам. В конце концов, что ему ещё оставалось? Ни любви, ни жизни...

Охотник поморщился. Превратившись в оживший труп, он стал очень сентиментален. Важно только справиться со своей миссией и потом снова умереть. Всё остальное он оставит Ульдиссиану, Мендельну... И, если ещё есть надежда, Серентии.

Появление Морлу указало, что крик женщины предупредил кого-то из тех, кого он искал. Ахилий убрал нож за пояс и приготовил очередную стрелу.

В это время четыре настороженные фигуры прошли через ворота. Трое стражников и жрец, по его оценкам, среднего звена в иерархии. Стражники смотрели в разных направлениях, по всей видимости, проверяя, безопасна ли ближайшая зона.

Жрец, чья мантия выдавала служителя Балы, посмотрел в направлении Ахилия.

Охотник выпустил стрелу. С темнотой, которая закрывала её, она должна была попасть в фигуру в мантии. Но жрец поднял руку...

Стрела Ахилия взорвалась в полёте.

Но лучник уже ждал, что что-то может произойти. Не успел он выпустить первую, как тут же послал вслед за ней вторую стрелу. Расчёт Ахилия был таков, что, пусть у жреца и быстрая реакция, всё же не *настолько* быстрая. Вторая стрела зарылась глубоко в прикрытую мантией грудь, и отдачей жертву сбило с ног.

Стражники повернулись в его направлении. Один выкрикнул что-то, и ещё двое появились в воротах.

Ахилий в быстрой последовательности выпустил ещё три стрелы. Одна отскочила от нагрудника цели, вторая угодила стражнику в руку, третья пронзила горло жертвы.

Двое выживших отступили к новоприбывшей паре. По-видимому, они были уверены, что их атакует не один человек – этого он и добивался. Ахилий отошёл со своей позиции, сливаясь с темнотой, как это может делать только мертвец.

Других морлу не было видно, что, вероятно, означало, что остальные участвуют в суматохе. Это увеличивало шансы Ахилия на выполнение особого задания, которое он поручил сам себе. Всё, что нужно было сейчас, – это продолжать прижимать тех, кто пытается сбежать из Хашира.

Но в этот миг он ощутил присутствие чего-то в джунглях, чего-то, столь же неестественного, сколь и он сам.

Земля под ним вздыбилась, словно готовая начать извергаться. То, что он поначалу принял за выкорчеванные корни, поднялось над и вокруг него. Только после того, как одно из них стянуло его ногу, лучник увидел, что это такое было на самом деле.

Щупальца... Щупальца некоего огромного безобразного существа, прорывающиеся через мягкую почву.

Существа, которое было не от мира Санктуария.

Когда второе щупальце схватило руку, держащую лук, Ахилий проклял себя за то, что забыл об истинных покровителях Триединого. Жрец, которого он пристрелил, был служителем Баала, Владыки Разрушения. Со стороны лучника было глупо забывать, что человек может призвать другого служителя Первичного Зла, который отнюдь не будет человеком.

Впрочем, был ли этот обитатель Пылающего Ада призван мёртвым жрецом, имело мало значения. Важно было уйти от него – работа не из лёгких. Он уже завладел обеими ногами и рукой Ахилия, а тот по-прежнему не видел ничего, кроме щупальцев. О размерах врага можно было судить только по тому, что земля вокруг него продолжала ходить ходуном, будто, что бы под ней ни скрывалось, оно было *огромным*.

Доставание ножа в таких условиях у живого человека сопровождалось бы мучительным выкручиванием конечностей, но, на счастье, Ахилий был выше таких земных ощущений. И потому он сумел схватить нож, как раз когда очередное щупальце потянулось за его запястьем. Изворачиваясь, Ахилий полоснул кончик, с удовлетворением убеждаясь, что верное лезвие отлично режет.

Глухое, густое гроыхание послышалось из-под земли. Джунгли неистово затряслись. Если бы щупальца не держали его, Ахилий упал бы на спину.

-Что, больно... Сделал я тебе?- проскрежетал он победоносно.

В ответ на это другое, более тонкое щупальце обвилось подобно плети вокруг его горла. Отросток стал затягиваться.

К счастью, в отличие от большинства, Ахилий больше не дышал. Он даже не втягивал воздух, чтобы говорить. Сила, которая оживила его, также дала ему голос. Потому, хотя затянутая петля на шее и замедлила Ахилия ещё больше, она не вывела его из строя так, как вывела бы живое существо.

Немедленно воспользовавшись этим неверным представлением о нём демонического существа, он резанул ножом не только щупальце, что стягивало его горло, но и то, что обвило вторую руку. Оба удара оказались успешными. Чёрное вещество, похожее на дёготь, стало сочиться из разрезов. Оба отростка мгновенно ретировались.

Ахилий не стал тратить время на остальные. Одно из двух щупальцев получило неглубокий поперечный разрез, но, прежде чем он успел сделать что-нибудь ещё, оба скрылись под землёй.

Охотник позволил себе короткую улыбку после того, как восстановил равновесие. Ни одно чудовище никогда не смеялось последним, сойдясь с ним в схватке; так торжествовать, пусть и недолго, удалось только Люциону.

Но всё равно просто стоять было нельзя. Ахилий достал лук...

Снова раздался грохот, который лучник принял за рёв демона. Сотрясение, от которого повалились все ближайшие деревья, сбilo с ног и Ахилия, и он полетел кубарем. На этот раз он потерял не только лук, но и нож.

-Проклятье!- прохрипел он.- Проклятье!

И из земли вырвалась дюжина щупалец разной длины и толщины. Принадлежали они одному чудовищу или нескольким, не имело значения, только они вдруг схватили его за ноги, за руки, обвили тело и горло.

Он ничего не мог поделать. Против их совместной силы Ахилий был всё равно, что новорождённый. В этом месте оставался только один вопрос, который решал его судьбу. Либо тварь разорвёт его на части, – что может прикончить, а может и не прикончить восставшего из мёртвых охотника, хотя в любом случае сделает его бесполезным, – либо утянет его под землю, что было куда более пугающей перспективой. Ахилий уже был зарыт однажды; возможность повторного закапывания пугала его.

Щупальца сжались. Ахилий почувствовал, как напрягается его тело. Его пленитель решил расчленить его. Лучник даже не знал, стоит ли ему благодарить демона за этот выбор.

От сверкающего золотого света в джунглях внезапно сделалось светлее, чем днём. Ахилий почувствовал тепло, какого он не испытывал даже до смерти и которое, из-за того что оно действительно *согрело* его, сильно ошеломило лучника.

Но если Ахилия оно согревало, зверю оно наносило гораздо большее. Теперь громыхание достигло силы, от которой лопались барабанные перепонки. Щупальца затряслись, и Ахилий заметил жжёную плоть.

Демонические отростки поспешили вернуться под землю. Джунгли задрожали... И затихли.

Золотой свет исчез... Оставив Ахилия сбитым с толку и очень обеспокоенным. Он немного полежал на месте, чтобы проверить, не вернётся ли одно или другое. Когда ничто не вернулось, лучник поднялся.

Тем не менее, не успел Ахилий подняться, как испытал странное ощущение. Будь он живым, он бы принял его за головокружение.

Ноги отказали ему. Мир поплыл. Ахилий попытался дотянуться до лука...

А затем наступила крошечная тьма.

Глава одиннадцатая

Ульдиссиан слышал голоса уже несколько секунд и, хотя какая-то часть его пыталась ответить на них, тело не слушалось.

-Он до сих пор не открыл глаза,- Ульдиссиан смутно осознал, что это был голос Мендельна. Но это было невозможно; Мендельн был утерян для него. Ульдиссиан припомнил, что слышал Мендельна и до этого, но это тоже должно было быть плодом его воображения.

Имей терпение, юноша. Её удар был столь же лёгким, сколь и гнусным...

Даже не будучи в полном сознании Ульдиссиан обратил внимание на то, что второй голос звучал у него внутри: слова раздавались как в голове, так и в душе сына Диомеда. Должно быть, в это же время он застонал, потому что тот, кто по голосу был Мендельном, заговорил возбуждённо:

-Ты видел? Он пошевелился! Ульдиссиан! Услышь меня! Вернись ко мне! Во имя твоих отца и матери, ты не оставишь меня так!

Упоминание его родителей окончательно пробудило Ульдиссиана. Он вспомнил, что он чувствовал, когда пропал Мендельн; если это и в самом деле его брат, то он не может позволить страдать ему так же, если в его силах сделать что-нибудь.

А потом ещё была Серентия...

Этого оказалось более чем достаточно. С криком на устах Ульдиссиан освободился от последних пут бессознательности. Его тело немедленно обуяла ужасная боль. Он завертелся и, наверное, немало повредился бы в процессе, если бы пара рук не схватила его за плечи, чтобы остановить его. Снова он услышал Мендельна:

-Спокойно, Ульдиссиан! Спокойно. Это пройдёт... Во всяком случае, большая часть...

Внутри него много боли, которая продлится дольше. Демонесса сильно отравила его кровь...

-И я мог бы остановить её, если бы вы дали мне!- резко ответил брат Ульдиссиана.- Я мог бы предотвратить столь многое!

Не тогда. Ты был бы убит, а Ульдиссиан остался бы у неё в руках.

-Но ты же сказал, что она не ожидала предательства. Одно уже это...

Третий голос вмешался как раз тогда, когда Ульдиссиан заставил себя открыть глаза. Ушибленного человека встретили смутные очертания и темнота.

-Моя мать очень хорошо приспосабливается, Мендельн уль-Диомед. Ты сам видел, как быстро она превратила возможное крушение её плана в новый и, возможно, более жуткий путь к её конечным целям. Сейчас она близка к победе, как никогда... И Санктуарий гораздо ближе к катастрофе.

Боль немного притихла, и этого оказалось достаточно, чтобы Ульдиссиан смог, наконец, сосредоточиться. Первое, что он увидел, было как бальзам на душу, ибо это *был* его брат. Лицо Мендельна расплылось в несвойственной ему широченной улыбке, и Ульдиссиан знал, что отвечает тем же.

-Я думал, что потерял тебя навсегда,- сказал старший брат младшему.

-Как и я.

-Твой брат всё время был в безопасности,- вмешался третий собеседник. В чём-то его голос был очень похож на Мендельна интонацией и говором, но было в нём нечто такое, что выдавало огромный возраст и не совсем человеческую природу... Или вовсе не человеческую.

И когда он вслед за Мендельном посмотрел на Ульдиссиана, то тот увидел, что перед ним не простой смертный. Лицо его было прекрасно, черты невозможно идеальны. Но самое главное, глаза несли не просто отпечаток многих лет... В них читалась такая древность, что Ульдиссиан немедленно заподозрил худшее.

-Он не демон,- поспешил заверить Мендельн, узнав реакцию брата.

-Хотя Лилит и *приходится* мне матерью,- добавил незнакомец.

По-звериному зарывав, Ульдиссиан попытался схватить говорившего. Но тело его было слишком слабо. Он сделал только хуже себе: сильная боль снова пронизала его, заставив улечься на спину.

Только тогда он заметил звёзды. Их расположение так отличалось от того, к которому привык Ульдиссиан, что он тут же позабыл о чаде демонессы.

-Где... Где мы, Мендельн?- наконец спросил Ульдиссиан.- Я ничего здесь не узнаю.

Ответил ему сын Лилит:

-Ты где-то и нигде.

Такие ответы только подогревали ярость Ульдиссиана. Ему не нравилось находиться рядом с тем, кто называл Лилит той, кто породила его.

-А ты *кто* такой? Если не демон, тогда *что* ты такое?

-Меня зовут Ратма,- тут же последовал ответ неподвижно стоящей фигуры.- Хотя это и не имя, данное мне при рождении, но закреплённое за мной иным после того, как мой путь и пути моих родителей разошлись. Оно означает «хранитель Баланса», в чём так же моё предназначение и мой долг.

Ульдиссиан понятия не имел, о чём говорит Ратма, да его и не волновало это.

-Но Лилит *приходится* тебе матерью...

-А Инарий – мой отец. Да, я вижу, что и это имя наполняет тебя ужасом. Ничего не имею против этого, потому что я отказался от них обоих, как и они отказались от меня. Что же до того, что я такое, то я – нефалем... Один из самых первых, вообще-то...

Открытие должно было поразить Ульдиссиана сильнее, чем получилось на самом деле, но он быстро сообразил, что это потому, что другого возможного ответа быть не могло – было до жути очевидно, кого Ратма назовёт своими потомками.

-Ты... Ты такой же, как мы...

Ратма покачал головой.

-Нет, я не такой же, как вы или любой, кто следует за вами. Я не могу этого объяснить, но то, что вы называете «даром», претерпело преобразования. У меня есть некоторые способности, которых нет у вас, точно так же как и вы владеете кое-чем, чем не владею я. Думаю, это не должно сильно удивлять меня, ведь я из самого первого поколения в Санктуарии...

-Как давно всё это было,- подумал Ульдиссиан с благоговением.

Сын Лилит кивнул, словно прочитал мысли смертного, а затем прибавил:

-Нас мало осталось, потому что, когда от первоначальных беженцев остался только мой отец, он был непреклонен в наказании тех, кто использовал свои силы. Он настаивал на том, что его идеальный мир, его Санктуарий, должен оставаться таким, каким *он* желает видеть его...- Ратма покачал головой.- Но как существующему вечно моему отцу следовало бы знать, что ничто не стоит на месте.

Пока довольно,- раздался голос внутри и снаружи Ульдиссиана. Он заставил себя приподняться в поисках источника... И почему-то его глаза посмотрели на звёзды наверху. В первый раз за всё время Ульдиссиан даже увидел фигуру, составленную из небесных светил. Не завершённую, но достаточную, чтобы сложилось представление об огромном, наполовину утаённом чудовище. Рептилия... Нет... Нечто большее. Оно было длинное и гибкое, как огромная змея, но голова напомнила ему о другом существе прямо из мифов...

Дракона... Да, это было похоже на какого-то змееподобного дракона...

Звёзды задвигались... И Ульдиссиану показалось, что полускрытое чудище смотрит *в ответ* на него.

Хотя мы бы все не хотели останавливаться на этом, ты в недостаточно хорошей форме, чтобы выдержать большее напряжение...

Ульдиссиан сглотнул, не в силах поверить своим глазам, своей голове и своему сердцу.

Что... Что ты такое?

Он – Траг’Оул, брат,- тихо пояснил Мендельн.- Родился в пору созидания, а именно когда сюда пришли ангелы и демоны, которые создали Санктуарий. Он скорее, нежели кто-либо другой, может назвать себя стражем этого мира.

Упрощённое описание, хотя и наиболее точное...

Странное дело, но представление небесного создания не поглотило полностью внимания Ульдиссиана. Слыша дракона, затем своего брата и вспоминая, как говорил Ратма... Он чувствовал, будто слышит три продолжения *одного и того же* существа. Ульдиссиан переводил взгляд с одного на другого, и это чувство только усиливалось.

-Мендельн,- пробормотал он.- Мендельн, я хочу уйти отсюда *немедленно*. Вместе с тобой, я имею в виду.

-Но мы не можем, Ульдиссиан... По крайней мере пока. Столько нужно узнать, а ещё тебе нужно восстановить силы.

Ратма встал рядом с младшим сыном Диомеда.

-Он говорит правду. Сейчас это было бы неразумно.

Ульдиссиан сглотнул. Ратма и Мендельн больше походили на братьев, чем он и его брат. Тёмные одежды, бледные лица – и почти не моргающие *глаза* – только усиливали жуткое впечатление.

Заставляя себя подняться на ноги невзирая на мучения своего тела, Ульдиссиан взревел:

-Мендельн! Посмотри на себя! Посмотри на него! Послушай его и это... Это существо!... И самого себя! Они что-то делают с тобой!

Он почувствовал, как его сила пробегает по его телу, наполняя его эмоциями и мощью. Они ошиблись, его похитители. Он был в отличной форме, несмотря на их игры.

Возводя руки к своему брату, Мендельн ответил:

-Нет, Ульдиссиан! Ты не должен делать этого...

Было слишком поздно. Уверенный не только в том, что он и Мендельн пленены здесь ради достижения каких-то гнусных целей, но и в том, что его брат обращён в орудие служения нуждам дракона и Ратмы, Ульдиссиан призвал изнутри силу в чистом виде.

-Ты сказал, он слишком ослаблен, чтобы делать это!- выкрикнул Ратма, по-видимому, обращаясь к Траг’Оулу.

Он – *другой! Они все будут другими! Они такие же нефалемы, как ты – человек. Они более...*

Но мифическое существо не смогло продолжить. Потому что пустой мир дракона затрясся, словно гигантская рука пыталась опрокинуть его. Ульдиссиан знал, что причиной был он, но не волновался по этому поводу. Он должен был освободить себя и Мендельна из их чёрной тюрьмы...

Словно в ответ на мысли об окружающей темноте, природные силы, извергающиеся из Ульдиссиана, стали ослепляющим светом. Траг’Оул наверху заревел. Ратма произнёс что-то на неизвестном языке, и яркость мгновенно уменьшилась. Но Ульдиссиан, боясь, что, если его старания не помогут, то всё пропало, направил свою волю на то, чтобы восстановить свет.

Сама чернота вокруг него внезапно начала разрываться, словно ткань. Её место заняла безукоризненная белизна... А затем всё вылилось в полноценный горный пейзаж.

Мендельн звал Ульдиссиана, но между ними теперь как будто пролегли целые мили. Боясь снова потерять брата, Ульдиссиан попытался втянуть внутрь себя силы, которые он освободил, но они теперь словно боролись с ним. Новый ландшафт начал дрожать и трястись, и уже как будто был готов точно так же, как чернота, разорваться на части.

Но в конце концов Ульдиссиан умудрился унять свои силы. Приложенное усилие поставило его на колени. Сердце сильно стучало, и некоторое время он задыхался.

Затем, постепенно, он начал обращать внимание на более холодный и сухой воздух и почву, более твёрдую,

чем в джунглях. Привыкший к более тёплому климату вблизи Кеджана, он задрожал от этих перемен. Только позднее Ульдиссиан наконец обрёл достаточно контроля над своими способностями, чтобы приспособиться к новой среде.

А она действительно была новой. Поначалу он подумал, что вернулся в окрестности своей деревни, но нигде возле Серама не было таких высоких гор. Вообще-то, он никогда раньше не был в подобном месте.

Небо было затянуто тучами, но Ульдиссиан всё равно видел достаточно далеко, чтобы подивиться пейзажу. Нет, он явно не был возле Серама, Кеджана или любого другого места, о котором он слышал. Быть может, Мендельн мог бы...

Мендельн! Как он мог позабыть о своём брате? Вертясь кругом, Ульдиссиан выискивал хоть какой-нибудь признак.

Но он был один на незнакомой земле.

-Мендельн!- заорал Ульдиссиан.- Мендельн!- не получив ответа, сын Диомеда сменил тактику.- Ратма! Где ты, что б тебя? Тебе нужен я – тебе и этому существу – так вот он я! Меня в обмен на брата! Что скажешь?

Эхо разнесло его голос по горам. Он не сразу это понял, но одна конкретная вершина привлекла его внимание. Она была выше, больше, чем остальные, почти как король среди королей. Чем дольше он смотрел на гору, тем сильнее его тянуло к ней.

С красочным проклятьем, отпущенным в адрес Ратмы и Траг'Оула, Ульдиссиан повернулся спиной к горе. Ничего хорошего от неё можно было не ждать, раз она почему-то звала его. Он зашагал по покатой земле, радуясь тому, что не оделся, как тораджанцы. Их одежды были тонкими и воздушными, совсем не подходящими для этих мест. Хотя он и мог поддерживать тепло, ношение простых рубахи, штанов и сапогов помогало сохранять душевный покой.

Ульдиссиан достиг вершины холма, на котором он обнаружил себя, и как при помощи глаз, так и своих сил стал искать ближайшее поселение. Тем не менее, если в здешнем регионе и имелись таковые, они были скрыты от него. Он видел или чувствовал только деревья, холмы и горы вновь и вновь.

Ульдиссиан напрягся.

Да, вот где это было. Не на какой-нибудь горе, но на той самой горе, от которой он отходил.

-Снова игры!- он возрился на хмурое небо, ища дракона.- Я же сказал тебе! Прекрати это немедленно! Приди за мной, если я нужен тебе!

Опять его голос отдался эхом, но ответа всё не было. Наконец Ульдиссиан решил привлечь их внимание.

Собрав волю в кулак, он как можно сильнее хлопнул в ладоши.

Звук, раздавшийся в результате, был подобен грому; вообще-то, он был таким громким, что от него затряслись земля и деревья. Он повторялся снова и снова, словно какой-то несметный, но невидимый ураган проносился по местности.

Он подождал, на этот раз уверенный в успехе... Но прошло несколько вздохов, а Ульдиссиан стоял по-прежнему один.

-Будь ты проклят, Ратма!- заорал Ульдиссиан. Но ярость его уже истощилась. Эхо замерло после каких-нибудь трёх или четырёх повторений.

Побеждённый, он встал на колени рядом с куском скалы и положил лицо на ладони. Каждый раз, когда Ульдиссиан начинал верить, что может смело смотреть в лицо своим противникам, оказывалось, что он ошибался.

Ни с того ни с сего земля снова затряслась, и на какой-то миг Ульдиссиан подумал, что его усилия вызвали какое-то столкновение или сотрясение. Он вскочил на ноги, не зная наверняка, что он будет делать, и увидел, что трясётся только то место, где он находится.

Если точнее, то центр тряски находился как раз под валуном.

Он начал отступать назад – только лишь затем, чтобы обнаружить, что земля поднимается так же и *под* ним. Валун перед ним вдруг вырос. Он стал почти в два раза выше Ульдиссиана и почти таким же широким. Одна его часть выступала над остальным, отдалённо напоминая голову.

А потом у «головы» открылись глаза, два ярко-карих глаза, почти человеческих. Они взглянули влево, затем вправо, затем вниз на Ульдиссиана, который стоял, словно громом поражённый.

Это перемещение грязи и травы образовало насыпь. Валун сделал шаг по направлению к нему, при этом огромные куски камня и всего остального стали отваливаться. Ещё один шаг... Новое опадение грязи и камня.

Теперь у существа имелись две толстые, крепкие ноги. Оно остановилось, а потом начало отряхиваться, как промокший пёс. Ещё больше грязи и камня полетело в стороны, некоторые куски в направлении Ульдиссиана, который опомнился как раз вовремя, чтобы отразить наиболее опасные.

Сначала образовалась одна, а затем и вторая рука. Великан из земли посмотрел на тупой конец первого отростка. На нём внезапно выскочили каменные пальцы, полная ладонь сформировалась затем менее чем за вдох. Затем то же самое произошло и со второй рукой.

Ульдиссиан опёрся на стену грязи позади него, но никак иначе не действовал. Если демон и собирался атаковать его, то соображала эта штука небыстро. Она больше походила на пробуждающегося от сна, чем на что-то, представляющее угрозу.

Великан размял пальцы и оглядел своё тело, словно видя его в первый раз. Глаза двигались, и Ульдиссиан мог поклясться, что в них читается безграничная грусть.

Оно *заговорило*. Через щель, вдруг образовавшуюся в нижней части головы, существо заговорило:

-Кто-о-о ты-ы-ы... - начало оно медленно, каждый слог звучал так, словно существо прочищало горло после столетий молчания. - Кто-о-о ты... - повторило оно увереннее, - который называет имя... Который называет имя, которого я не слышал... Так долго, очень долго?

Когда голос прочистился, Ульдиссиан сделал то же наблюдение, что и по поводу глаз. Голос, пусть по-прежнему замогильный, был почти человеческим.

-Кто ты,- сказала создание в третий раз,- который называет... Имя *Ратмы*?

-Меня зовут Ульдиссиан уль-Диомед, и если ты служишь Ратме, то берегись: я не люблю твоего господина!

Великан оглядел Ульдиссиана, который теперь принял боевую позицию. Но что-то удерживало Ульдиссиана нанести удар первым.

Скрежещущий, громыхающий звук вдруг раздался от странного существа. Постепенно он вылился в нечто, напоминающее... Смех.

-Я так рад... Был проснуться... Только для того, чтобы услышать это... - существо покачало головой, запуская в полёт новые куски камня. - *Ратма!* Уж у этого... Чувства юмора нет! Он бы... Обиделся... И на *меня*! Нет, маленький Ульдиссиан уль-Диомед! Ха! Такое... Длинное имя для моего... Пересохшего горла! Я не служу... Суровому... Я был... Я... *Бул-Катос*...

Он объявил это так, словно Ульдиссиан должен был знать имя и благоговеть перед ним. Но когда бывший фермер никак не отреагировал, у Бул-Катоса юмора поубавилось.

-Имя... Имя ничего не говорит тебе... Неужели... Неужели прошло так много времени... - он внимательно изучил своё тело из земли и камня. - Да... Здесь мало от меня и... Гораздо больше от мира! О чём я мечтал... Что я решил, то случилось... Со мной... Верно служить... Даже забытым... Смертными людьми...

Стена за Ульдиссианом рухнула. Ульдиссиан ожидал какой-нибудь уловки, но вместо неё великан уселся на участок земли, который поднялся, чтобы сформировать для него сиденье. Бул-Катос глядел на пустую область между собой и Ульдиссианом.

-Годы... Должно быть, счёт идёт уже на тысячи... Если не больше,- он взглянул на незваного гостя. - Скажи мне, маленький Ульдиссиан уль-Диомед... Известны ли тебе имена *Василия*... И *Эсу*?

-Эти имена говорят мне так же мало, как и *Бул-Катос*,- признался Ульдиссиан. - Но всех их я предпочту скорее, чем этого жуткого *Ратму*!

Сначала показалось, что последнего Бул-Катос не услышал, потому что он снова посмотрел на землю и пробормотал сам себе:

-Василия нет... Где ты... Мой брат?- великан усмехнулся лёгкой, сардонической усмешкой. - Но и *Эсу* нет! Как бы это рассердило... Её... - весёлость исчезла так же быстро, как и появилась. - Даже если она... Всё ещё гневается...

Ульдиссиана мало заботили бормотания существа. Важно было только, что этот Бул-Катос, – кто бы он ни был, – знал Ратму. Быть может, это как-нибудь могло помочь Ульдиссиану выручить Мендельна.

Он ухватился за одно замечание, отпущенное собеседником.

-Бул-Катос, ты говоришь о потерянном брате. Я тоже потерял своего. Его зовут Мендельн, и он стал жертвой Ратмы! Если бы ты мог как-нибудь помочь мне...

Бул-Катос поднял глаза.

-У Ратмы... Нет жертв. Он же не... Эсу... Никак не Эсу... Если она всё ещё жива...

В конце концов Ульдиссиан махнул рукой. Бул-Катос, очевидно, давным-давно утратил связи с остальными... И, быть может, даже с самим собой. Если странное создание не представляло угрозы, то для Ульдиссиана настало время двигаться дальше.

И он снова перевёл взгляд на возвышающуюся гору. Теперь Ульдиссиан думал, не стоит ли пойти к ней.

Но, словно угадав его намерения, внезапно оживившаяся страшная фигура вскочила на ноги:

-Твой путь... Пролегает *где угодно*... Малыш... Но не там...

Это только прибавило Ульдиссиану решимости добраться до горы.

-А почему не там?

-Потому что... Это запрещено... Тебе.

Услышав это, Ульдиссиан ещё больше разгорячился. Дерзко подняв голову, он ответил:

-Хорошая причина пойти туда.

Бул-Катос *возрос* в размерах, и зловещая тень пролегла по его лицу из земли и камня. Даже в глазах – почти человеческих глазах – теперь отражалась угроза:

-Нет. Ты *не пойдёшь*.

Великан двинулся на Ульдиссиана, снова камень и грязь полетели в стороны. Теперь, хотя он по-прежнему выглядел, как существо прямо из земли, Бул-Катос отдалённо напоминал бородатого воина. Его кожа была бурой от почвы, а волосы зелёными от травы. В его движениях больше не было ничего нерешительного...

Как и в его намерениях насчёт Ульдиссиана.

Бул-Катос поднял кулак, и в нём образовалась огромная каменная дубина. Он обрушил её прямо туда, где стоял смертный.

Но дубина отскочила от невидимого барьера, быстро созданного мишенью. Ульдиссиан уже вспотел от усилия; удар великана чуть не пробил защиту.

-А ты не так прост, – проурчал Бул-Катос. – Я бы назвал тебя нефалемом, молодчик, если бы не знал, что мы с Ратмой, пожалуй, последние.

-Последние из своей эпохи, возможно, – возразил сын Диомеда. – Но с тех пор много воды утекло, как ты сам заметил.

-Но сколько бы веков ни прошло, свой долг я помню хорошо! И потому гора Арреат останется закрытой для тебя и всякого другого, кто захочет осквернить её чертоги!

Он ударил землю дубиной с такой силой, что земля затряслась, да так, что Ульдиссиан повалился. Земляное существо всё больше и больше походило на древнего воина. Одетый в килт и сандалии, с золотистой повязкой вокруг головы, Бул-Катос напоминал какое-то божество варваров... Божество варваров, которое излучало силу в чистом виде, с какой Ульдиссиан никогда не сталкивался, даже когда бился с Люционом.

-Мы поклялись, что путь к горе будет навсегда закрыт для таких, как Эсу, – продолжал разъярённый Бул-Катос, – кто использовал бы то, что находится внутри, чтобы ещё больше разорить ослабленный мир! И пусть другие стали больше землёй, чем я когда-либо желал быть, во имя памяти о них и нашей клятвы я продолжу выполнять мой священный долг!

Он снова ударил землю, и Ульдиссиан, который почти поднялся на ноги, снова упал. Падение Ульдиссиана превратил в перекат – мудрый манёвр, потому как сразу после этого дубина разбила камни, на которых он перед этим лежал.

-Я не владею природными стихиями, как владела Эсу, глупыш, но у Бул-Катоса и своей силы хватает!

-Силы болтать уж точно хватает!- бросил Ульдиссиан. Со своей неловкой позиции он всё ещё умудрялся сохранять фокус на противнике. Великан был мишенью, по которой было трудно промахнуться...

Раздался звук, похожий на удар грома. Зона между противниками взорвалась, словно самый воздух сдетонировал. Бойцы были отброшены далеко друг от друга.

Ульдиссиан ударился о дерево, кости трянуло так сильно, что он подумал, будто все они переломаны. Несмотря на это он ухитрился тут же сделать выпад вперёд, принять согнутое положение и схватить комок грязи. Он подбросил комок высоко в воздух и сосредоточился.

Грязь распалась, становясь кружащейся, ослепляющей силой, которая атаковала великана как раз, когда он восстановил собственное равновесие. Тем не менее, Бул-Катос не отпрянул, но вдохнул... И чихнул. Вихрь распался, пыль спрессовалась в плотный шар, который приземлился на коричневую ладонь воина.

С ревушим смехом Бул-Катос поднял ладонь, и грязь вытянулась в двух направлениях, в мгновение ока став копьём с наконечником, который сверкал, как алмаз. Великан метнул копьё в Ульдиссиана.

Бывший фермер снова поднял щит, но на этот раз он оказался недостаточно силён. Копьё замедлилось, но не остановилось. Ульдиссиан поднажал, но снаряд угодил ему в левое плечо. Он закричал, когда наконечник проник в него...

Бул-Катос вдруг оказался прямо перед ним, великан схватил копьё обеими руками. Очевидно, он намеревался погрузить копьё глубже, потому что Ульдиссиану удалось сделать рану довольно неглубокой.

-Ты был предупреждён! Если бы только ты не отказался уйти прочь, молодчик! Я поклялся делать то, что должен теперь сделать!

Ульдиссиан схватил верхний край копья.

Молния прошла по его длине, устремляясь туда, где противник держал оружие. Бул-Катос заревел, когда мощная энергия захлестнула его.

Стиснув зубы, Ульдиссиан вытащил копьё из раны. Отступая, он прикоснулся к кровавому отверстию, которое тут же затянулось.

Двое приостановились. Как Ульдиссиан, так и Бул-Катос пытались отдышаться, их взоры встретились.

-Отличная битва,- окликнул великан почти радостно.- Она вселяет в меня новую жизнь, напоминает мне о великопных испытаниях, с которыми я когда-то сталкивался ежедневно...

-Может, ты и находишь в этом прелесть, но я нет!- резко ответил Ульдиссиан.- Друг умер, брат потерян, женщина, которую я люблю, и все, кто верит в меня, возможно, уже мертвы, пока я трачу время на *это*!- он внезапно распрямился.- Продолжай свою игру, если тебе так хочется, Бул-Катос, но я завязываю! Очень хорошо! Оставь себе вонючую тайну этой горы, которую ты оберегаешь!

-Я не могу верить, что ты не вернёшься, молодчик, и хотя это отчасти моя вина, что ты знаешь об Арреате и том, что она что-то содержит, я не могу позволить тебе жить!

Великан ударил один кулак о другой, но прежде чем он успел сделать то, что задумал, между противниками материализовалась фигура.

-Но ты позволишь ему жить, старый бык. Не только жить, но и отправиться со мной в глубины горы Арреат.

Бул-Катос выпалил имя ещё прежде, чем это успел сделать Ульдиссиан.

-Ратма!- затем, что подтвердили последующие слова, великан сердито нахмурился.- Внутрь горы? Я что, сошёл с ума от одиночества, и ты только видишься мне? Ты бы никогда не предложил такого!

-Я реален, как ты, Бул-Катос,- в доказательство этого Ратма ткнул пальцем в перчатке в грудь более высокой фигуры.- А может, даже и больше,- добавил он, рассматривая землю и траву на перчатке. Ратма покачал головой.- Я думал, ты переживёшь даже меня...

-Я могу, если ты настаиваешь на этом! Почему этому вдруг понадобилось посетить гору?

-Потому что моя мать вернулась.

Большого Ратме говорить было не нужно. Лицо Бул-Катоса совершенно переменилось. Он сплюнул, но не вода, а грязь приземлилась на покоробленную землю. Ульдиссиан сообразил, что Ратма был прав, говоря о гиганте; Бул-Катос теперь был гораздо больше похож на них, но то, что сын Диомеда увидел вначале, было правдой. Бул-Катос существовал скорее как дух; его настоящее тело давным-давно было заменено землёй, в которой он полёт.

Это говорило о том, каким старым был великан, и как долго он, должно быть, стоял часовым на пороге загадочной вершины.

-Лилит...- произнёс Бул-Катос имя таким тоном, каким говорят те, кто только что проглотил яд.- Вина за убийство моих родителей всё ещё лежит на ней! Они бы никогда не позволили Инарию перебить нас, как, по её словам, он сделал бы, Ратма! Я уверен в этом...

-А я – нет... Но это не так и не иначе. Моя мать спасла нас только для того, чтобы мы служили ей, и эта судьба не лучше смерти, уж поверь мне. Что же до моего отца... Во имя своего ханжества он способен на вещи не менее ужасные...

От этих слов огромный воин замер совершенно.

-Да, я знаю это слишком хорошо...

-Тогда ты должен понимать, почему я сейчас отведу Ульдиссиана взглянуть на тайну горы Арреат.

Бул-Катос кивнул.

-Да... И никто больше не остановит тебя. Если они всё ещё стоят, конечно. Я дам знать всем, кто может слышать меня, что путь для тебя и твоего должен быть открыт...

Ратма повернулся к Ульдиссиану, его плащ закружился вокруг него.

-Ну что ж, сын Диомеда, ты хотел посмотреть, что лежит в горе. Пойдём, и я покажу тебя.

Но у Ульдиссиана были куда более насущные заботы.

-Где мой брат? Где Мендельн?

-С Траг'Оулом. Должен быть на данный момент. События несутся вперёд даже стремительнее, чем я представлял, и он тоже должен быть подготовлен к битве.

Несмотря на безразличный тон Ратмы, Ульдиссиан почувствовал, что весь он напрягся.

-В чём дело?

-Дело в том,- сказала древнее создание, вздохнув,- в чём было и раньше. В моей матери. Лилит. Я недооценил её. Она снова подстроилась...

-Что? Что она сделала?

Ратма перевёл взгляд на гору Арреат.

-Разумеется, заполучила власть над твоими эдиремами.

И прежде, чем Ульдиссиан успел ответить... Они оба исчезли с глаз Бул-Катоса.

Глава двенадцатая

Мендельн волновался за своего брата. Он понятия не имел, куда исчез Ульдиссиан, и создание, называемое Траг'Оулом, ничуть не помогало в этом.

Он там, где должен быть, точно так же, как и ты там, где должен быть, - отвечал дракон каждый раз на его вопрос.

Где был Мендельн, волновало его чуть ли не столь же, сколь и местонахождение его брата. Теперь он находился не в пустой темноте, которая, по-видимому, была владениями Траг'Оула, но в пустоши, в месте, где много, много лет назад прошла кровавая битва.

Ландшафт и небо были совершенно серыми, и ни малейшее дуновение ветерка не касалось его щеки. Пыль покрывала то, что Мендельн принял за какие-то древние строения, здания, расположенные на расстоянии друг от друга. Правда, в чём-то они были похожи одно на другое. Некоторые стояли почти целые, от иных остался только каркас. Помимо зданий имелись также признаки того, что место было щедро на высокие деревья, а также и другие растения. Теперь, правда, от былой пышности остались лишь окаменевшие следы. Каждое растение, малое или большое, погибло в то же время, когда строения обратились в руины.

Как и обитатели. Мендельн ощущал мёртвых. Они умерли давным-давно. Ещё до того, как возник легендарный Кеджан, и всё же они так и не упокоились до конца.

Он ожидал, что Траг'Оул что-нибудь скажет, но небесное создание было немо как могила. В конце концов раздражённый Мендельн побрёл к ближайшим развалинам, а дойдя, начал смахивать пыль с наклонённого кверху угла одного из строений.

Он совсем не удивился, когда стали проступать архаичные слова на языке, который Ратма вбил ему в голову. Тем не менее, Мендельн ничего из этого не понял, даже когда произнёс слова вслух. Он понимал «буквы», но из них не выходило ничего понятного.

Выпрямившись, он пробормотал:

-Ну и что мы здесь в таком случае имеем? Что?

Наследие предыдущего похода демонессы... - незамедлительно последовал ответ.

Мендельн задрожал, но не только от того, что сказал дракон. С тех пор как Ульдиссиан это упомянул, даже он распознал сходство между голосами своим и левиафана... Не говоря уже о Ратме. Как давно и насколько глубоко они проникли в его разум?

Этот вопрос чуть не заставил его заупрямиться и отказаться совершать здесь любые шаги, но угроза Лилит и его забота об Ульдиссиане перевесили сомнение. По правде сказать, до сих пор Мендельн не испытал ничего настоящего зловещего, находясь в руках тех, кто заявлял, что хотят быть его наставниками. Вообще-то, если бы он припомнил свои собственные мысли, то понял бы, что они действовали только в соответствии с желаниями, которые витали в нём самом на протяжении последних нескольких лет.

И если обучение у них могло помочь спасти его брата и мир... То Мендельн обязан был делать то, что необходимо.

Он сделал шаг к следующим руинам, весь путь занял не больше времени, чем нужно для удара сердца. Мендельн знал, что это неправильно, что расстояние должно было отнять гораздо больше времени. Тем не менее, он был благодарен за то, что ему не приходилось тратить часы для того только, чтобы пересечь обозреваемую местность.

Второе строение сохранилось гораздо лучше, чем первое. Быстро смахнув пыль, Мендельн нашёл под ней новые непонятные слова. На этот раз, тем не менее, брат Ульдиссиана не стал так быстро сдаваться. Он повторял каждую руну с тщательностью, пытаясь озвучить её с различными голосовыми вариациями. Быть может, ошибка заключалась в произношении, думалось ему. Быть может...

Внезапно слово перед ним возымело смысл. Это было имя или, во всяком случае, существительное. *Пирагос*.

Вполне довольный своим успехом, Мендельн произнёс слово вслух. «Пирагос!».

Земля вокруг разрушенного здания сразу затряслась. Мендельн отступил назад, уже сожалея о содеянном.

Снизу вырвалось безобразное тело без мышц, с крыльями, обтянутыми кожей, вероятно, некогда дававшими возможность летать. Голова была бычьей формы, даже с двумя свирепыми рогами, сходящимися посередине. Демон вскочил, сухая грязь и то, что на вид казалось ещё более сухими лоскутами кожи, отпало от него. Мендельну немедленно пришлось на ум демоническое существо, с которым он и Ульдиссиан сражались в джунглях.

Но кое-что отличало нынешнюю ситуацию от предыдущей. Во-первых и прежде всего, скелетообразное тело, поднявшееся из могилы, было короче, чем существо из джунглей, и в целом его тело было куда более компактным, несмотря на огромные крылья. Глядя на него, Мендельн совершенно уверился, что имеет дело – имел бы, если бы она была жива, – с представителем *женского* пола.

Менее уверенно, чем за миг до этого, он всё же повторил имя. «Пирагос?».

В ответ земля *справа* от него затряслась. Вообще-то, весь ландшафт внезапно задрожал. Он проклинал себя, отскакивая назад. Первый раз был от неведения; повторять было совершенно глупо.

Из опустошённой земли восстало полчище чудовищных трупов, ни один из них не был целиком человеческим, все состояли почти из одних костей... Или чего-то аналогичного. Вообще-то, многие на его взгляд были просто пустыми одеждами или туманными видениями. Они были всех форм, всех размеров, его глаз примечал мужчин, женщин и... Просто *других*.

Но было в них что-то неправильное. Мендельн раньше сталкивался с призраками, и они были не такими. Он протянул руку к ближайшему, крылатому существу с рогами, которое, судя по малым размерам и определённым признакам, Мендельн принял за женщину. Рука прошла сквозь неё, в чём было мало удивительного, но ощущения былой жизни не было.

Они – воспоминания ангелов и демонов,- раздался голос Траг'Оула. *- Их смерти были настолько ужасными, что они навсегда погребены под этим местом...*

Не настоящие духи. Мендельн задумался, если ли у какой-нибудь из групп то, что он назвал бы душой, но подозревал, что нет. Быть может, это была одна из причин, почему и те, и другие домогались и тревожили людей...

Затем... Он ощутил, что подходит кто-то ещё. Туманные фигуры надвигались тесной толпой, и эти туманные фигуры, пусть и *посредством* ужасных видений, были Мендельну знакомы. Эти были настоящие духи, настоящие души.

Но... Чьи?

«Покажите мне себя!»- потребовал он. - Покажите себя!».

Они повиновались. Полчище мужчин и женщин, многие из которых даже после смерти оставались поразительно совершенными, затмили образы демонов и ангелов. Мендельн понял, кто они были такие; потому что их совершенство было сродни совершенству Ратмы.

Дети создателей Санктуария. Первые нефалемы и следующие сразу за ними поколения.

Призраки нефалемов стояли неподвижно, словно ожидая от *него* следующего хода. Мендельну не приходило на ум, к чему это могло быть, да и Траг'Оул молчал. Видимо, Мендельн должен был самостоятельно проделывать свой путь.

Но *что* за путь мог быть, когда перед ним стояли бессчётные ряды мёртвых?

Он посмотрел на ближайшего из них – женщину такой тёмной красоты, что у него сердце забилося быстрее. Её серебряные глаза смотрели на него не моргая.

С надеждой, что он не совершает непоправимую ошибку, Мендельн протянул руку.

Нефалемка немедленно наклонила свою голову так, что макушка её теперь нависала прямо над его пальцами.

Действуя по наитию, Мендельн как гребнем провёл пальцами по густым чёрным волосам. Тут же он почувствовал, как его пронизывает сила, и голос – явно женский голос – сказал ему: «Я была Хельгротой...»

Он отнял пальцы. Нефалемка подняла голову, серебряные очи снова уставились на него.

Удивительно, ведь он только услышал имя – её имя, – но Мендельн обнаружил, что он знает о ней гораздо, гораздо больше. Он мог представить, какой она была раньше, от рождения до смерти. Когда-то она была почти так же сильна, как Ратма, и присматривала за существами, которые вели ночной образ жизни. Она была доброй,

но в то же время яро защищала тех, о ком заботилась.

Он стоял, не зная, что делать дальше. Мёртвая ждала вместе с ним, всегда терпеливая, даже если он проявлял нетерпение.

-Ну и что мне с тобой делать?- спросил Мендельн. - Пойдёшь в поход против Лилит вместе со мной? Пойдёшь? Хоть один из вас согласен на это?

Женщина подняла на него левую руку. Это действие напугало Мендельна, и он попятился. Но призрак не атаковал. Вместо этого в руке его материализовался вытянутый, узкий предмет. *Кость*.

Нефалемка предложила кость ему.

Не имея понятия, что он должен делать с жутким подарком, но в полной уверенности, что ошибкой будет отказаться, Мендельн осторожно принял кусок кости.

-Спасибо?- сболтнул он.

Но как только последнее слово сорвалось с его губ... То, что когда-то было нефалемкой по имени Хельгрота, исчезло, как умирающий клубок дыма, подхваченный внезапным порывом ветра. Мендельн посмотрел вокруг и увидел, что остальное призрачное полчище исчезает тем же способом.

Не успели они исчезнуть, как то же самое стало происходить с развалинами, с видениями ангелов и демонов – со всей пустошью.

И Мендельн миг спустя последовал за ними, внезапно возвратившись в тёмную пустоту, которая начинала казаться ему чересчур знакомой.

Произнеси слово опять. Произнеси его, сын Диомеда...

-Пирагос?- Мендельн сразу почувствовал холодность в своих ладонях, почти освежающую холодность. И посмотрел вниз и увидел, что в них мерцает кость. Он едва сдержался, чтобы не уронить частицу.

Это первое слово призыва, и это предмет, который сильнее свяжет тебя с силами, задействованными в этом деянии.

Кость нефалемки задвигалась, поменяла форму. Она стала чуть короче и гораздо тоньше. Один конец заточился и разгладился. Края заострились.

Сияние ослабло, но не исчезло полностью. Мендельн уставился на то, что держал в руках.

Кинжал... Костяной кинжал, точно такой, какой он видел у Ратмы.

Они приняли тебя, кто слышит их, – дети ангелов и демонов, убитые так гнусно, – согласились с тем, что ты не дашь Санктуарию стать яростью Плающего Ада или же деспотическим порядком Высшего Неба. Они, первыми рождённые в Санктуарии и потому ещё больше принадлежащие ему, чем доступно пониманию Инария или Лилит, навсегда провели связь между жизнью и посмертием...

-«Посмертье»?- повторил Мендельн, но сияющие звёзды не стали вдаваться в дальнейшее толкование терминов, и Мендельн наконец понял, что сам должен определить их так хорошо, как только может.

Возьми кинжал в одну руку,- скомандовал затем Траг'Оул. Когда брат Ульдисиана повиновался, небесный исполин прибавил. *- Направь его на свою ладонь.*

Мендельну не нравилось, куда это шло, но всё же он подчинился.

-Великий Траг'Оул...

Проколи свою ладонь, сын Диомеда...

-Но....

Это должно быть сделано...

Не зря же он так далеко зашёл, подумал Мендельн. Кроме того, дракон всего-то просил лёгкий укол, и не более того. Какой вред он мог причинить?

Действительно, какой вред...

Скорчив скорбную мину, Мендельн сделал, как было сказано. Он отдернул острière сразу, как только оно коснулось кожи, так стремительно, по сути, что поначалу он даже не понял, проткнул ли кожу.

Но на коже проступила красная точка, такая ничтожная, что Мендельн ждал, что Траг'Оул прикажет ему попробовать ещё раз. Кинжал всё ещё нависал в одном-двух дюймах от ладони...

Затем, к его потрясению, от ладони к острию потянулась тонкая струйка крови. Такое расхождение с законами природы можно было объяснить только магией. Тонкая струйка покрыла остrière... Затем пошла выше, покрывая всё больше и больше наконечник клинка, медленно, но верно направляясь к рукояти.

Мендельн мог только гадать, сколько крови она забрала до сих пор и начал отнимать руку.

Оставь её...

Мендельну хотелось нарушить приказ, но он не сделал этого. Нет, Траг'Оул не накладывал на него никакого заклинания, просто он ещё верил, что дракон не причинит ему никакого зла.

«Но когда я начал верить ему?». Прежде чем он смог ответить на этот вопрос, первые капли коснулись рукояти.

Уже плывущая кровь продолжила свой переход, но новая больше не вытекала из ладони Мендельна. Вообще-то, когда он стал искать свою маленькую ранку, то ничего не смог найти.

Смотри...

Его взор возвратился к кинжалу, лезвие которого теперь было окрашено алым. Однако краснота стала постепенно сходить, пока не исчезла окончательно.

Кинжал привязан к тебе, и ты привязан к кинжалу. Через него ты привязан к ним, а через них – к Балансу.

Что такое Баланс? – обратился Мендельн к звёздам. – Ты говоришь о нём, я думаю о нём, но я до сих пор не знаю, что он на самом деле означает!

Звёзды задвигались, на короткое время утратив всякое сходство с драконом. Когда они вернулись на свои места, Траг'Оул ответил:

Баланс – это равное распределение Света и Тьмы. Его сущность имеет первоочередное значение для Санктуария, но она пролегает далеко за его пределы, распространяясь на всё сущее. Мир, в котором правит Тьма, сожжёт сам себя. Мир, где командует Свет, со временем придёт к застою. Если что-нибудь из них захватит власть над Санктуарием, так, что другое не сможет её вернуть, тогда настанет конец всего сущего...

Сказанное исполином не было лишено смысла – по крайней мере, так показалось Мендельну. И всё же...

-Но разве мы никогда не должны тянуться к добру либо к злу?

Свет и Тьма – это необязательно добро и зло, сын Диомеда. Да, добро должно затмить зло, но если знание о зле стереть совершенно, даже добро может обратиться против себя...

-Я в любом случае никогда не оказался бы на одной стороне с любым демоном! – такая идея представлялась невероятной.

Замечание, судя по голосу, чуть не развеселило Траг'Оула:

«Никогда» – это слово, редко согласующееся с фактом. А принял бы ты когда-нибудь путь ангела... Такого, как Инарий... Который желал бы, чтобы человечество всегда лежало перед ним ниц?

Дракон поймал его. Судя по всему, что он слышал, представление Инария о том, что правильно, подразумевало беспрекословное ему подчинение.

Мендельн покачал головой:

-Я не могу поверить, что мы должны страдать от этих двух сил, не имея надежды...

Разве я сказал, что надежды нет? Высшее Небо и Пылающий Ад создают свои собственные представления о своей абсолютной мощи, – после паузы дракон прибавил. – Однажды они обнаружат, что они далеки от истинных хозяев всего сущего...

Брат Ульдисиана, как за соломинку, ухватился за эти слова.

-Ты говоришь, что есть что-то ещё, что-то величайшее?- он припомнил кое-что, о чём раздумывал раньше. Духи перворождённых; они не ушли, но куда подевались остальные? Куда уходят души моего народа?

В место, которое заслужили по праву... За пределы досягаемости Высшего Неба, Пылающего Ада и всей этой трагической вселенной, которую они выплавили...

Что это значит? Откуда ты знаешь то, о чём говоришь?

Мы знаем, потому что знаем...

Мендельн обратил внимание на это «мы» и почему-то почувствовал, что имеется в виду не Ратма. Неужели были и другие, подобные Траг'Оулу? Было ли это возможно?

Но небесный дракон больше ничего не сказал по этому вопросу, и Мендельн знал, что, продолжи он расспрашивать, Траг'Оул больше ничего не сказал бы. И всё же, кое-что из сказанного драконом раньше вселило в него надежду.

-Так значит, у Санктуария есть настоящая возможность стать бо́льшим, чем то, что они хотят из него получить...- Мендельн сжал кинжал, который так хорошо лёг в его руку. Кинжал был не оружием, – хотя и легко мог использоваться в этих целях, – но одним из ключей к освобождению предназначения человечества от нескончаемой войны между ангелами и демонами.

Правда, это справедливо, только если ему и Ульдиссиану удастся как-то помочь помешать осуществлению замыслов Лилит и таинственного Инария.

Ангел беспокоил его больше.

-Этот Инарий... Отец Ратмы... Что он сейчас делает?

Впервые за всё время от Траг'Оула исходила неуверенность:

Лилит – создание многих замыслов и, хотя за ней трудно уследить, её почерк весьма примечателен. Инарий, с другой стороны, играет более тонко. Может стать так, что мы уже обречены на поражение в борьбе с ним, потому что он, быть может, уже сделал ход, который погубит одновременно её и нас. Ратма может лучше судить о нём, но даже он не уверен, насколько точны его суждения...

Что было окольным путём доведения до Мендельна, что ангел представляет такую же загадку для его наставников, как и для человека.

-Но мы же знаем, что он действует как Пророк, чьё лицо остаётся скрытым от всех! Конечно, опираясь на это, мы можем просчитать его действия...

Инарий остаётся полностью скрытым даже окружённый множеством глаз. То, чем видится Пророк, необязательно то, чем он является, даже в большей степени, чем Примас, который не один, но которых как минимум трое...

И вот он поднял ещё один вопрос, который донимал Мендельна даже до того, как Ратма похитил его.

-Демон Люцион был Примасом, и этого демона больше нет. Это Лилит носит его маску, сомнений быть не может.

Но стала бы Лилит создавать такую сумятицу в Хашире?

Она не стала бы, и Мендельн это знал. Он задумался о том, что было нелогично даже для демонессы.

-Другие командиры?- наконец спросил брат Ульдиссиана. Другой демон? Это могло бы сработать нам на руку! Если даже не напрямую эта третья сторона воспрепятствует её планам...

Не воспрепятствует... По сути... Она даже способствует их осуществлению.

Ничего хорошего это не предвещало. После того как они с Ульдиссианом исчезли, одна только Серентия могла присматривать за демонессой. Правда, во многом дочь Сайруса была более способной, чем Мендельн.

-Серентия поведёт эдиремов. Они доверяют ей. Они проследуют за ней сквозь огонь и воду...

Звёзды снова задвигались и утихомирились. Мендельн уже знал, что так дракон выражает недовольство.

Да... Они будут выполнять приказы твоей подруги в отсутствие твоего брата... И тем самым всё больше и больше будут погрязать в сетях Лилит...

Что ты не договариваешь мне? – недовольно заворчал Мендельн. Что ты знаешь?

Последовало необычное колебание... А потом Траг'Оул ответил:

Эдиремы Ульдиссиана считают, что следуют за твоей подругой, но, делая так, на самом деле они слушаются демонессу.

Слушают... Нет!

Да... Серентию из Серама они видят перед собой, но на самом деле уже несколько дней это Лилит, если считать по времени Санктуария...

-Серентия...- Мендельн упал на одно колено, так поражен он был этой новостью. Его разум устремился в прошлое, в Парту, к Малику, который носил кожу другого человека. – Нет... Серентия... Нет... Этого не может быть...

Кожу другого человека... Лилит носила кожу Серентии...

Может, Хашир и был меньше Тораджи, но отпечаток, который эдиремы оставили на нём, – особенно внутри храма, – оказался куда больше, чем на первом городе. Храм остался стоять, но утопал в крови. Особыми жертвами стали высшие жрецы: их тела теперь висели на разрушенных колоннах, стоящих по фронту здания. Сила эдиремов позволила погрузить стрелы футовой длины в твёрдый мрамор... После того как они проникли сквозь мягкую плоть.

Руки каждого жреца висели прямо над головой. Металлические арбалетные стрелы пронзили ладони, которые перед этим были сведены вместе, с тыльной стороны. Стрелы также проходили сквозь горла и туловища.

Предложение такого наглядного представления поступило от женщины, которая теперь возглавляла эдиремов. Жрецы похитили Ульдиссиана, горячо заявляла Серентия, и потому их будут вешать до тех пор, пока кто-нибудь из оставшихся не подаст голос и не скажет, где он находится.

Но все жрецы отошли в мир иной, причём каждый клялся, что он не знает, что произошло с предводителем группы. Серентия ухватила за это как за предлог, чтобы в дальнейшем прочесать местность на предмет сторонников секты, в первую очередь среди руководителей города.

Спустя три дня после того как Ульдиссиан и его последователи вошли в город, Хашир во многом был чуть более чем напоминание о себе.

Пока всё это происходило, население пряталось, опасаясь одновременно храма и новоприбывших. Это не помешало на четвёртый день Серентии – её длинные волосы размётывало ветром – выйти на середину рынка и объявить голосом, который эхом отдавался по всему городу, что она теперь принесла мир и надежду в Хашир. Естественно, часть местных восприняла это заявление с осторожностью, но эдиремам удалось многих вывести из их домов, чтобы они смогли увидеть, что она говорит правду.

Привлечённой публике Серентия предложила то же, что и Ульдиссиан, но не сразу. Хашири наблюдали воочию силу иноземцев, и потому многие из них хотели попробовать. Однако Серентия даже этим не показывала путь, хотя она из всех эдиремов была наиболее способна сделать это.

Вместо этого в том самом храме, который они завоевали, в то самое время, когда местные птицы пировали на телах жрецов, славного Ромия вызвали на аудиенцию с первым служителем мастера. Он понятия не имел, что хочет от него Серентия, знал только, что, если Ульдиссиана больше нет – слухи об этом стремительно разносились в их рядах, – то она остаётся их единственной надеждой не только на продолжение, но и просто на выживание.

В качестве своего временного штаба Серентия использовала жильё местного высшего жреца. Ромий, который всегда был беден, даже в пору своей бытности разбойником, мог, когда вошёл, только дивиться шелковым коврам на стенах и оправленным в золото гобеленам. Доля сожаления, которое он испытывал по поводу жестокости действий эдиремов в Хашире, исчезла, когда он подумал об огромных, добытых нечестным путём богатствах Триединого.

Ещё немного, и он замер на месте. Серентия растянулась на наклонном диване, её взгляд был прикован к пергаменту у неё в руках. Её длинные, густые волосы ниспадали на плечи и даже закрывали часть её лица. Она была усладой для глаз даже в своих потрёпанных боями одеждах, особенно для Ромия, который был без ума от

Серентии чуть ли не с первого раза, когда увидел её на площади в Парте.

Наконец, он сумел прочистить горло, и она немедленно оторвалась от чтения.

-Ромий!- улыбка, которой осветилась её лицо, распалила огонь в его сердце. Попроси его Серентия в одиночку сразиться с группой свирепых существ под названием морлу, он бы не задумываясь бросился в бой.- Я боялась, что ты не придёшь!

-Как я мог не прийти, госпожа? В любое время, для чего угодно, тебе нужно только позвать, и верный Ромий поспешит услужить...

Она села.

-Как поэтично! Но подойди же! Почему ты всё время стоишь в дверях?- Серентия похлопала по дивану.- Составь мне компанию!

Низко поклонившись, он поспешно подошёл. Возле самого дивана бывший вор заколебался, но Серентия снова улыбнулась и похлопала по сиденью.

Он сел сам, оставляя приличное пространство между ними. Ромий посмотрел на свою госпожу, и его взгляд немедленно попал в плен её сияющих глаз. Как это он раньше считал их голубыми, смутно подумалось ему. Не мог же он так ошибиться...

-Ромий... После меня ты был ближе всех к Ульдисиану.

Ему потребовалась пара мгновений, чтобы сообразить, что сказано это было в прошедшем времени.

-Мы найдём его, госпожа, найдём! Не беспокойся на этот счёт!

Она покачала головой.

-Нет, дорогой, преданный Ромий... Хотя и я сказала так людям, я не думаю, что мы найдём его. Боюсь, что, как и его брат, Ульдисиан потерян для нас навсегда!

Это не укладывалось в голове. Мастер одолевал ужасных демонов и полчища воинов! Ничто не могло взять его так легко... И всё же...

-Кое-кто говорит... Госпожа... Кое-кто говорит, что видел его брата рядом с ним прямо перед тем, как он исчез... Быть может...

-Маскировка, вроде той, что была на двух монстрах, которые напали на меня,- Серентия задрожала, и Ромию захотелось утешить её в своих руках.- Нет, демон забрал Ульдисиана, в этом я уверена,- он всё больше утопал во взгляде её зелёных глаз.- Один чуть не забрал даже меня. Перед Хаширом.

Он был в ужасе.

-Госпожа! Когда?

-В джунглях. Когда Ульдисиан приказал нам переходить через реку. Помнишь?

-Да... - Ромий стиснул зубы. В некотором смысле то, что её чуть не похитили, беспокоило даже больше, чем то, что Ульдисиана теперь не было. Он осознал, что не может себе представить эдиремов без неё.

-Ульдисиан... И даже Мендельн...защитили меня тогда. С тех пор, как они исчезли, я прикладываю все усилия, чтобы защитить всех остальных, но... Я должна кое-что сказать тебе, только тебе одному, дорогой Ромий.

-Что? Что?- сам не заметив этого, он придвинулся к ней ближе, так что они чуть не касались друг друга.

-Я боюсь. Боюсь. Я могу защитить остальных, но кто теперь защитит меня?

Ответ сорвался с его губ прежде чем он понял, как это будет звучать:

-Я! Я всегда буду рядом, чтобы защитить тебя, госпожа!

Ещё до того как его лицо слишком покраснелось от стыда, Серентия вдруг приложила ладонь к его щеке. Она улыбалась.

-Ты будешь? Нет, ты правда будешь рядом, Ромий?

Чувства начали прорываться наружу.

-Я душу и жизнь отдам за тебя, госпожа! Я готов противостоять всем силам Триединого! Я никогда не позволю, чтобы что-нибудь случилось с тобой!

Он ждал, что она вышвырнет его за такие слова, ведь всем было известно, как много мастер значил для неё.

Однако...

-Ромий...- прошептала Серентия, её губы были так близко от него, что он готов был пожертвовать своей жизнью только для того, чтобы один раз поцеловать их.- Ромий... Ты не представляешь, как много это значит для меня...

Она ещё раз погладила его щеку, а потом, словно с неохотой, отстранилась. Бывший разбойник не смог удержаться от резкого выдоха.

-Если ты говоришь искренне... А я очень надеюсь, что это так... То у меня появилась новая идея...

Ещё не совсем отойдя от последнего, Ромий смог только мыкнуть, выказывая любопытство.

-Тебе известно, как Ульдиссиан показывал дар остальным. Но со мной он занимался упорнее... Я думаю, именно поэтому мои способности развились быстрее, чем у остальных.

-Очень даже может быть,- ответил он, довольный тем, что разговор перетёк в безопасное русло.

-Я думаю... Нет... Я знаю... Как он сделал это. У нас были минуты, когда мы уединялись и он мог сосредотачиваться только на мне одной. Ты ведь заметил, что мы с ним порой пропадали целыми часами?

Ромий припомнил несколько таких случаев и в первый раз позавидовал мастеру, тому, что он в это время мог находиться рядом с женщиной, сидящей теперь перед ним.

-Да... Госпожа...

-Хорошо!- её глаза, казалось, засияли ярче, чем позволял свет факелов в комнате.- Ты окажешь мне честь, позволишь мне проделать с тобой то же, что Ульдиссиан проделывал со мной? Это означает целые часы, проведённые со мной, и приношу извинения за это, но теперь, когда он и Мендельн ушли, кто-то должен выступить вперёд... И я считаю, что ты сможешь лучше защищать меня, пока я защищаю тебя...

Он не мог поспорить с этим.

-Я весь твой, госпожа. Всей душой твой. Учи меня, если считаешь меня пригодным...

-Я считаю тебя *весьма* пригодным,- ответила Серентия, что в устах любой другой женщины прозвучало бы притворно. Но не в устах госпожи. Только не в её.

Беря себя в руки, разбойник, наконец, оторвал от неё взгляд. Она хотела, чтобы он был её боевым товарищем и не более того. Всё, что она предложила ему, было преисполнено смысла; Ромий уже за одно это должен был быть польщён. Если мастер и вправду никогда уже не вернётся, как она, очевидно, считала, самым меньшим, что мог сделать его преданный последователь, было проследить, что его наследие продолжает жить.

Упокоив себя этим, Ромий наклонил голову:

-Когда мы начнём, госпожа?

Её улыбка стала шире:

-Почему не сейчас?

-Сейчас?- он усиленно соображал.- Нужно предупредить Сарона и кое-кого ещё, госпожа, чтобы они могли обойтись без меня...

-Они уже могут. Тебе не нужно ничего им говорить... Даже до завтрашнего утра...

Её ладони потянулись к его ладоням и, когда коснулись их, буря чувств нахлынула на Ромия. Пытаясь оправиться, он посмотрел на двери и только теперь заметил, что они плотно закрыты.

-Я хочу, чтобы мы оставались одни...так легче сосредоточиться,- объяснила Серентия.- Ты ведь понимаешь необходимость уединения, не так ли?

-Да... Да, госпожа.

Она хихикнула, из-за чего он вновь вспыхнул.

-И ещё одно, дорогой Ромий... - их пальцы переплелись. - Тебе больше никогда не нужно звать меня «госпожой»...

Глава тринадцатая

Ульдиссиану казалось, что дышит что-то огромное.

Пещера, в которой стояли они с Ратмой, так сильно простиралась ввысь, что сталактиты, образовавшиеся наверху, достигали нескольких ростов человека. Сталагмиты тоже выросли немалые и возвышались над поверхностью подобно сидящим на корточках великанам.

Ульдиссиану казалось, что он стоит в пасти голодного чудища. «Дыхание» только усиливало это выбивающее из колеи ощущение.

Сталактиты и сталагмиты служили также источником освещения в огромной зале, потому что из глубины каждого из них исходило призрачное алое свечение, об источнике которого оставалось только догадываться. Хотя он был и благодарен им за освещение, они тоже вносили свою лепту в ощущение тревоги, подавляющее Ульдиссиана.

-Только досюда я рискнул вести нас нефизическими средствами,- заметил Ратма со своей обычной отстранённостью.- Думаю, ты можешь ощутить, почему.

Но теперь, когда удалось преодолеть ошеломление от места, где материализовались он и его незванный спутник, Ульдиссиана больше занимало то, что Ратма объявил ему как раз до прибытия.

Лилит захватила контроль над эдиремами...

Снова охваченный яростью, он схватил Ратму за воротник плаща.

-Что ты подразумевал под тем, что сказал до этого?- рявкнул Ульдиссиан, тряся сына демонессы.- Как это случилось? Как она это сделала?

-Ты говоришь о моей матери и об её присвоении твоих последователей,- без нужды ответил тот.- Она хитра и поддерживает прочную защиту, но я постепенно пришёл к заключению, что она, должно быть, вселилась в женщину по имени Серентия в миг, когда та была вне поля твоего зрения. Добившись этого, было совсем нетрудно...

В голове у Ульдиссиана застучало, он резко выпустил сына Лилит и стал думать над тем, когда демонесса могла захватить дочь торговца. Один случай тут же пришёл на ум. Серентия пошла за водой и короткое время он не использовал свои способности, чтобы отслеживать её. Прикрытая густой листвой, она нагнулась и... И спустя миг резко вздохнула.

А он, дурак, принял её ответ за чистую монету. Он забыл, на что способна Лилит...

-Серентия...- прошептал он.- Этого не может быть... Она не может быть мертва.

-Она не мертва.

Замешательство, надежда и недоверие боролись друг с другом внутри Ульдиссиана.

-Что ты имеешь в виду? Повторилась история с мастером Этоном и его сыном! Эта грязная ведьма носит кожу Серентии, как треклятое платье! Она убила её, а затем содрала с неё кожу!

Ратма покачал головой.

-Нет... Для игры, которую избрала моя мать, она не может прикрыть себя так. Такая техника, хотя и имеет демоническую природу, даёт доступ только к ограниченному набору возможностей. Их достаточно, чтобы некоторое время держать в дураках нескольких жрецов или домашнюю прислугу, но не хватит на длительное время и расширенные нужды. Для этого Лилит понадобилось использовать более осторожный, тонкий приём. Ей пришлось буквально слиться с этой женщиной. Моя мать выступает как вселившийся дух, который руководит теперь каждым движением тела, и всё же твоя Серентия всё ещё внутри, только в очень, очень глубоком сне.

Сердце Ульдиссиана, за миг до этого словно остановившееся, забило с новой силой.

-Так с ней всё в порядке? Если мы сможем изгнать Лилит, Серентия снова станет собой?

-Я не могу обещать этого, сын Диомеда. Должно быть, она спит очень крепко, ведь Лилит также понадобился доступ к её воспоминаниям, чтобы дольше поддерживать ложь. Даже если моя мать будет изгнана, я не могу с полной искренностью обещать, что твоя подруга придёт в норму.

-Не нужно было забирать меня из Хашира! Тогда я должен был немедленно пойти к ней! Отправь меня из этого места или покажи, как мне самому это сделать!

Но Ратма был непреклонен:

-Останься ты в положении, из которого мы забрали тебя, ты бы по-прежнему просто выполнял указания Лилит. Она постоянно изменяет свои планы в зависимости от ситуации, и оттого трудно предугадать её следующий ход. Заняв тело девушки и видя глупую атаку, устроенную тем, кто перенял её роль Примаса, она, по всей видимости, решила, что тебе нельзя доверять бразды правления. Вообще-то, это моя мать виновна в том, что ты так ослаб под конец. Приняв образ столь дорогого для тебя человека, она проникла сквозь твою защиту. Она профильтровала твоё тело и душу, захватила власть над твоими мыслями и действиями. Если бы мы не забрали тебя, Хашир стал бы местом, где Лилит переняла главенство, в том числе и над тобой, Ульдисиан.

-А так она переняла его над Серентией и остальными,- бросил Ульдисиан.- Похоже, от вашей помощи мне больше вреда, чем проку...

Ратма встретил это замечание лёгким кивком головы и добавил:

-Я допустил слишком много ошибок. Я согласен. Но один ты бы быстро пал её жертвой. Всё ещё есть возможность исправить это, ты только послушай.

-Серентия...

-Будет потеряна навсегда, если ты попытаешься отделить её от Лилит при теперешних обстоятельствах. Как бы ни было это неприятно и мне, но моей матери придётся на короткое время дать волю. Но только на короткое время.

Такую мерзкую мысль Ульдисиан никак не хотел воспринимать. Он не представлял, что станется с Серентией и остальными под гибельным руководством демонессы. Однако он вынужден был признать, что противостояние Лилит должно было стать задачей не из лёгких; как можно было сделать это, не нанеся ранений или даже не убив Серентию?

-Что мы можем сделать?- наконец спросил он у бледной фигуры.- Скажи мне хотя бы это!

Ратма указал вперёд, где в самом конце виднелся проход.

-Мы можем пойти туда, куда нам следует.

Это был ответ, которого Ульдисиан, к несчастью, ожидал. И всё же, насколько это возможно, он решил впредь добиваться того, чтобы всё шло по его плану. С этой мыслью в голове он быстро зашагал поперёд своего спутника.

Ратма, более высокий и с более длинными ногами, быстро нагнал его. Затем сын Лилит решил поддерживать шаг, видимо, стараясь сделать так, чтобы Ульдисиан чувствовал себя не слишком ведомым.

Они прошли запутанный ряд проходов, который кто-то усердно выдолбил в скале много лет назад. В проходах не было освещения, но Ратма вытащил свой кинжал, произнёс слово на странном языке, который использовал прежде, и клинок вдруг засиял. Уже поэтому Ульдисиан наконец ступил шаг назад за своего спутника.

Продельвая путь, Ульдисиан не мог отвязаться от ощущения, что кто-то или что-то наблюдает за ними. Он не стал беспокоить этим Ратму, боясь ответа, который тот может дать. У Ульдисиана и без того было довольно забот.

После примерно дюжины извилистых проходов Ратма, наконец, оглянулся на него:

-Мы почти на месте. Я попрошу тебя внимательно следить за собой...

Облачённый в чёрное спутник не пояснил, что он имеет в виду. Ульдисиан решил просто продолжать быть начеку. Что ещё он мог сделать? Когда он вначале услышал дыхание, оно не было таким громким, что давило на уши. Что бы они ни искали, вероятно, оно так же было источником зловещего звука.

Затем, через несколько шагов после предупреждения Ратмы, Ульдисиана захлестнула сильная волна тепла. Однако тепло прокатывалось через него *изнутри*, а не снаружи. Он почувствовал, что пульс его учащается, и

все заботы – о Серентии, Мендельне, эдиремах и всём остальном – возросли, по меньшей мере, в тысячу раз. Он начал запинаться, и только это позволило ему сдержать стон.

Ратма продолжал идти впереди, словно не обращая внимания на его состояние. Это только ещё больше расстроило Ульдисиана. Как глупец мог не замечать, что они тратят время, что они набрали на непреодолимое препятствие? Как мог он...

Предупреждение Ратмы донеслось до него. Трясаясь от усилия, Ульдисиан попытался прогнать усиливающиеся страхи, волнения... И внезапно тепло внутри рассеялось.

-Тебе лучше?- спросил человек в плаще, даже не оглядываясь.

-Мог бы предупредить и понятнее!

Всё ещё глядя вперёд на дорогу, Ратма покачал головой:

-Нет, к сожалению, не мог.

Ульдисиан, может, с этим и поспорил бы, но в дальнем конце коридора показалось слабое красное свечение. В то же время раздался звук разбиваемого стекла, который пронёсся эхом по проходу. Ульдисиан поравнялся с Ратмой, который замедлил шаг.

-Стой рядом со мной, когда мы войдём в залу. Наш путь не совсем чист.

-Даже для тебя?

-Это место – дело рук моего отца.

Эти слова подтвердил очередной громкий грохот. Сохраняя осторожность, Ульдисиан делал, как ему велено. Его пульс снова участился, и хотя он знал, что виной тому лежащее впереди, он не мог успокоиться.

-Что это?- в конце концов был вынужден спросить Ульдисиан.

-Создание и уничтожение нас. Бремя, уготованное Инарием человечеству. Ты увидишь...

По мере того как они подходили ближе, алое свечение – и медленное, но непрекращающееся дыхание – становились даже более отчётливыми. Что бы ни лежало внутри залы, оно сияло так же ярко, как солнце. Ратма пробормотал что-то, и его кинжал потускнел. Тем не менее, сын Лилит не убрал оружия.

-Будь начеку...- предупредил Ратма, когда они добрались до конца прохода.- Ступай медленно.

Вместе они вошли в новую пещеру. Тем не менее, свет сразу стал таким ярким, что, даже когда Ульдисиан прикрыл глаза, он не мог видеть ничего дальше собственных ног.

А затем...

-Нас атакуют!

Предупреждение Ратмы пришлось как раз ко времени. Высокий визг чуть не оглушил Ульдисиана. Действуя инстинктивно, он сразу же создал барьер над собой.

Раздался тяжёлый стук, за ним рассерженный вопль. Ульдисиан услышал хлопанье крыльев. Вслед за ним быстро последовали скрежетание и новый визг. На него напали сразу несколько нечестивых тварей.

Ульдисиан развернулся, так что оказался лицом к тоннелю. Это позволило ему хотя бы видеть. Уголкем глаза он мельком заметил кожистое крыло.

Голос Ратмы донёсся откуда-то. Ульдисиан не понял его, и потому предположил, что древний его спутник читает какое-то заклинание. Это напомнило ему, что и он тоже по идее должен обладать удивительными способностями. Бурча сквозь зубы проклятие, Ульдисиан прислушался в ожидании следующей атаки.

Звук крыльев с левой стороны только и нужен был ему. Он выбросил руку в этом направлении.

То, что на него летело, издало новый вопль. Призван ли он был порвать его барабанные перепонки или сделать что-то ещё, но Ульдисиан теперь использовал крик против самой твари. Он отразил вопль, и тот ударил в обратном направлении с силой, возросшей в несколько раз.

Со стороны противника раздался новый крик, за которым последовал звук удара тела о, предположил

Ульдисиан, камень. Крик продолжился, но теперь в нём слышалась боль. Крик сопровождался стуками, словно крылатое чудовище билось в конвульсиях.

Голос Ратмы каким-то чудом прорвался через множество воплей:

-Ульдисиан! Отходи на мой голос!

Ульдисиан подчинился. Спустя несколько тревожных секунд, он наскочил на то, что, он надеялся, было бледным телом его спутника.

Костяной кинжал мелькнул перед охваченными болью глазами Ульдисиана. Прежде, чем он успел отреагировать, Ратма прочитал что-то.

Кинжал вспыхнул, ослепляя Ульдисиана. Тот уж было подумал, что Ратма привёл его сюда по просьбе Лилит, чтобы она смогла в последний раз поглумиться над ним, прежде чем убить.

Однако спустя момент слепоты зрение вернулось к Ульдисиану, причём оно стало *нормальным*... Такого даже он со своими способностями не мог сделать. Теперь он мог видеть достаточно хорошо, чтобы отвернуться от туннеля.

И то, что он увидел, заставило его замереть на месте.

По сравнению с пещерой, в которой он находился, предыдущая была крохотной. Она уходила глубоко вниз и возносились кверху. Они с Ратмой стояли на какой-то широкой древней платформе, выточенной из камня. Она была длиной в несколько ярдов и на конце расходилась в разные стороны. Ульдисиан сообразил, что, заведи его существа чуть дальше вправо, он был бы обречён.

Низкая стена огораживала платформу, и по углам располагались маленькие сооружения, напоминающие ступенчатые пирамиды. Наверху каждой горел маленький и, в этой зале, незначительный свет.

Цвет собственно залы напомнил Ульдисиану цвет сердца, окропленного свежей кровью. Правда, этот аспект изучал он недолго, потому что вскоре внимание его оказалось прикованным к тому, что было средоточием этого места.

Оно напоминало кристаллические образования наподобие тех, которые, будучи мальчиком, он находил в маленьких пещерах у себя дома, но ни одно из них не достигало сотни футов в высоту – возможно, даже более двух сотен футов, потому что основание располагалось слишком низко, чтобы можно было увидеть, – состоя из нескольких монолитов, выступающих в дюжине разных направлений. В отличие от образований, которые ему вспоминались, эта громадина обладала резкостью во внешнем виде, обусловленной угловатостью и пугающим алым цветом.

Каждая грань огромного образования состояла из тысяч маленьких граней. Изнутри исходило не только свечение, которое так жгло глаза Ульдисиана; ещё глубже наблюдались разноцветные вспышки. В целом свет, исходящий от кристалла, не только расширял всю длину и ширину пещеры – и без того достаточно огромную, чтобы вместить Серам и прилегающие земли в пределах, по меньшей мере, двадцати его размеров, – но как будто просачивался через самые каменные стены.

С каждым всполохом света образование пульсировало, и Ульдисиан наконец определил источник «дыхания».

Донёсся очередной режущий ухо звук крушения. Ульдисиан посмотрел наверх и только теперь заметил, что меньшие куски кристалла – «меньшие» только в два или три раза от его длины или ширины – парили по всей пещере в как будто бы случайных направлениях. Резкий звук произвели два куска, столкнувшись друг с другом. Расколовшиеся фрагменты разлетелись и начали менять форму.

Всё это Ульдисиан усвоил в какую-нибудь пару-тройку скудных секунд. После этого более насущное и весьма безобразное зрелище отвлекло Ульдисиана от поразительного кристалла. Четыре крылатые бестии с головами, напоминающими лишённые кожного покрова головы псов, ринулись вниз на него с разных сторон. У тварей были свирепые зубы и длинные и широкие уши. Рыла их были тучными, с широкими ноздрями. Чего у голов не было, так это глаз. Даже углублений не было там, где должны были быть глаза. Словно то, что создало их, намеренно не дало им глаз.

Быть может, это было недалеко от правды. Какой прок был от глаз в этом месте, где только магия Ратмы давала Ульдисиану увидеть *хоть что-то*? Куда полезней оказывались широкие уши и ноздри, которые позволяли учуять любую прибывшую жертву.

У каждого из чудовищ размах крыльев достигал по крайней мере шести футов, и, как у летучих мышей, которых

они напоминали формой, крылья так же служили им руками. Однако, в отличие от летучих мышей, когти этих отродий были длиннее ладони Ульдисиана и такими острыми, что даже одиночный порез был залогом сквозной и опасной раны.

Ульдисиан сложил ладонь лодочкой. Над ладонью образовалась синяя энергия. Он кинул её в ближайшую злобную тварь.

Синяя энергия поглотила свою цель... И с хлопком исчезла. Крылатая бестия потрясла головой, ошеломлённая, но в остальном целая. Она явно не спешила обращаться в золу, как ожидал Ульдисиан.

Сбитый с толку этой неудачей, он едва успел вовремя прийти в себя, чтобы воссоздать щит. Даже он был не таким сильным, как обычно, и когда на него стали нападать трое, а затем четверо, Ульдисиан начал покрываться потом.

Ответ, как и следовало ожидать, пришёл от Ратмы. Издалека сын Лилит – его огромный плащ, похоже, обеспечивал ту же защиту, что и барьер Ульдисиана, – прокричал: «Твои силы снижены здесь! Это воздействие кристалла! Ты должен сосредотачиваться сильнее при любой попытке!».

Проклиная спутника за то, что тот не сказал ему об этом прежде, чем они вошли, Ульдисиан сильнее сконцентрировался на барьере. К этому времени семь причудливых чудовищ парили над ним, и каждое желало разорвать его плоть. Разглядев их поближе, он убедился, что у них не было настоящих тел. У них были высушенные останки туловищ и ноги, которые можно было назвать рудиментарными. По сути, существа состояли из крыльев и головы. Ульдисиан задался вопросом, вообще едят ли они... Но потом решил, что на такой вопрос лучше не знать ответа.

Рты щёлкали перед его лицом, иногда приближаясь гораздо сильнее, чем он хотел. Стараясь успокоиться, несмотря на неистовые атаки его противников, Ульдисиан гадал, как ему лучше защитить себя.

То, что он считал смертоносной атакой, с треском провалилось. Ульдисиан должен был тщательно выбирать, ведь попытка ударить означала, что его щит ослабнет. Даже со своими восстанавливающими силами он сомневался, что сможет долго продержаться после того, как хотя бы одна тварь умудрится прорваться.

В конце концов, ему в голову пришла только одна стратегия – вариация на тему того, что он делал ранее. Выпрямившись во весь рост, Ульдисиан набрал побольше воздуха... И свистнул.

Для его собственных ушей – он наделся, что и для Ратмы тоже, – свист прозвучал одним длинным громким тоном. Уверенный в том, что его попытка снова будет ослаблена огромным кристаллом, сын Диомеда сконцентрировал на свисте столько воли, сколько осмелился, – возможно, даже больше. Когда он закончил, то почувствовал, что крылья задевают его плечи...

Но в следующий миг, когда он почувствовал, будто коготь касается его руки, *каждый* крылатый монстр вокруг Ульдисиана испустил душераздирающий крик. Они отпрянули от него, а потом закружились, словно совершенно обезумевшие. Двое сразу же столкнулись, но вместо того, чтобы тут же расцепиться, стали рвать друг друга, как рвали человека. Другое чудовище налетело на каменную стену пещеры, затем ещё и ещё раз, и так до тех пор, пока наконец не свалилось на землю.

Трое других просто *упали* на землю, где стали вопить и трясти головами, словно пытались скинуть что-то.

- Не поверил бы, если бы не видел своими глазами, – крикнул Ратма ему на ухо. Фигура в капюшоне стояла рядом с Ульдисианом. – Уж где-где, а в этом месте тебе такое должно быть не по силам.

- Я просто последовал твоему совету. Просто сконцентрировался сильнее. Это сработало.

- А не должно было... Тем более не в такой мере. Посмотри вокруг, Ульдисиан уль-Диомед. Посмотри вокруг и убедись в истине этих слов.

Ульдисиан сделал, как ему было сказано... И глаза его округлились при виде результатов его отчаянной попытки.

Более трёх десятков существ летали или лежали, охваченные хаосом. Двое столкнулись с парящими фрагментами. Некоторые сражались друг с другом, в то время как иные дико извивались на земле. По меньшей мере двое искушали себя так свирепо, что смерть их была неизбежной.

Затем двое, участвовавшие в воздушном сражении, упали. Миг спустя некоторые из тех, что были на полу, затихли. Пока Ульдисиан смотрел вокруг, жители пещеры один за другим просто падали на землю... И *умирали*.

- Я не... Я не понимаю...

Ратма пожал плечами, как будто это должно было быть совершенно очевидно для всех. На его подбородке имелся порез, и одежда была порвана над тем местом, где по предположению Ульдиссиана должно было быть его сердце. Твари были более близки к убийству древнего создания, чем сына Диомеда.

-Ты, конечно же, заметил их сходство с летучими мышами. Ты представил, что если ты громко свистнешь и используешь свои силы, чтобы усилить свист, то по крайней мере ранишь или оглушишь нескольких... Ведь так?

-Да... Но... Я подумал, что, может быть, удастся избавиться от тех, что передо мной, но...

-И это должно было стать для тебя удачей, даже с моим предупреждением,- Ратма покачал головой.- Ульдиссиан уль-Диомед, ты не тот, кем должен быть.- Он посмотрел поверх его плеча.- И причина этого *должна* крыться в тебе...

Сын Лилит обращался не к кому иному, как к огромному зловещему кристаллу. Даже когда вокруг них сновали подобные летучим мышам твари, Ульдиссиан не мог не взирать на него с восхищением. Никогда бы он не подумал, что существует нечто подобное.

-Что это такое?- спросил он наконец.- Почему оно здесь?

Ратма указал на парящего гиганта:

-Это причина, почему нефалемы и все сродные им принизились за эти столетия, мой друг. Это причина, почему тебя и твоих последователей *не* должно существовать! Ты стоишь перед проклятием всех потомков тех ангелов и демонов, которые выковали Санктуарий. Ты стоишь перед *Камнем Мира*...

От одного только названия Ульдиссиан непроизвольно задрожал, словно какая-то часть его должна была уже знать об этом невероятном артефакте... Знать о нём и справедливо бояться его существования.

Даже с помощью заклинания Ратмы на Камень Мира было трудно прямо смотреть. Ульдиссиан обнаружил, что лучше всего наблюдать его, глядя слегка в сторону. Даже тогда он искрился, словно отражая сотню красных солнц.

-Инарий счёл нефалемов болезнью, надругательством над тем, чем он был. По его мнению, нас никогда не должно было быть. Он согласился обсудить нашу судьбу вместо того, чтобы немедленно убить, только из-за протестов остальных. Чувствую, он бы ещё поступил в соответствии со своим первоначальным намерением, если бы моя мать не убила остальных беженцев. Это действие изменило всё. Уничтожь Инарий нас после этого, он остался бы совершенно один, чего не мог снести даже он. Однако идея нефалемов вызывала у него отвращение, и поэтому он взял Камень Мира,- который был создан во многом как способ скрыть Санктуарий от глаз Высшего Неба и Пылающего Ада,- и видоизменил его резонанс.

Ульдиссиан изо всех сил старался уследить за повествованием Ратмы, но последнее вообще не понял.

-Что это значит? Что он сделал?

-Вот что: в дополнение к сокрытию этого мира Камень Мира начал также постепенный и незаметный процесс ослабления. Каждое последующее поколение нефалемов становилось гораздо менее могущественным, чем предыдущее, пока, очень скоро, следующие родившиеся не стали лишены всяких способностей. Вскоре только несколько нефалемов из первого поколения – я и Бул-Катос, самые очевидные,- остались в живых. Дар – или проклятье – наших предков был позабыт. Инарий начал изменять Санктуарий по своему усмотрению... И подчинять его своей железной воле.

Ульдиссиан чувствовал излучение Камня Мира и не сомневался, что он способен совершенно гасить его силы. Так почему же он не делал этого сейчас?

-Это работа Лилит,- тихо объявил Ратма.

-Ты что, читаешь мысли?

Сын демонессы покачал головой:

-Я читаю... *Ощущения*. Это почти как чтение мыслей, только более точное, ведь мысли легко наполнить ложью.

Снова сбитый с толку, Ульдиссиан вернулся к обсуждаемому предмету:

-Что она сделала?

Очевидно, моя мать снова изменила резонанс Камня Мира, так что его эффект теперь минимален и ограничен примерно горой Арреат, да и то, может, не всей. Даже стоя перед ним, ты сумел превозмочь его. Теперь, когда Камень Мира больше не препятствие, естественный процесс наращивания нефалемских сил может расцвести. Ты – результат этого... Первый, во всяком случае.

Чем больше находился рядом с ним, тем сильнее Ульдисиан ощущал излучение Камня Мира. Он представил, каково было бы, если бы оно было в тысячу раз мощнее... Нет, в тысячу тысяч раз. То, что сказал Ратма, стало яснее. С такими мощными силами, заполонившими Санктуарий, подобные ему ни за что не появились бы. Только вмешательство Лилит изменило это.

Внезапно он проклял артефакт, ненавидя его как за то, что он сдержал потенциал всех людей, так и за то, что не сумел до конца выполнить это назначение, что привело к нынешнему отчаянному положению его последователей.

Затем что-то снизошло на него.

-Ратма... А его можно снова изменить?

-Вопрос, которым я задавался, и истинная причина нашего появления здесь, сын Диомеда, – облачённая в чёрное фигура указала на Камень Мира. – Ты бы как поступил? Вернул бы то, что когда-то было твоим? Сделал бы себя как-то ещё более могущественным? Скажи мне, Ульдисиан уль-Диомед...

Ульдисиан с великой радостью перечеркнул бы всё, что случилось с ним, чтобы как-нибудь вернуться в день до того, как Лилит вмешалась в его жизнь и начались его испытания. Однако он сомневался, что даже Камень Мира позволит это сделать. Максимум, он отнимет дар у него и у других. К несчастью, это не уничтожит угрозы Триединого, теперь, конечно же, твёрдо настроенного разобраться с теми, кто отвергает его волю и существование. Более того, он сомневался также, что ангел Инарий оставит всё, как есть.

Оставался только один вариант...

-Можно ли действительно изменить Камень Мира так, чтобы мы стали более могущественными?

-Напрямую – нет, но его можно изменить так, чтобы дар внутри вас рос быстрее. По существу, это приведёт к тому же, чего ты желаешь.

Ульдисиану больше ничего и не нужно было.

-Скажи мне, что делать.

-Вот Камень Мира. Чтобы достигнуть того, чего ты желаешь, ты должен думать это. Кристалл либо примет твою волю, либо отвергнет её.

-Так просто?

Ратма поморщился.

-Нет... Отнюдь не просто.

Уставший от туманных и зачастую противоположных утверждений напарника, Ульдисиан полностью сосредоточился на огромном кристалле. Пульсация Камня Мира завораживала почти гипнотически.

«Ты должен думать это...» - сказал Ратма. Ульдисиан попытался очистить мысли, а затем сосредоточился на своём желании.

«Нам нужно стать сильнее,» - сказал он Камню Мира. - Нам нужно, чтобы наша сила росла быстрее...»

Камень Мира не выказал никаких внешних изменений, но Ульдисиан почувствовал, что что-то внутри движется в ответ на его прощупывание. Он повторил своё желание, подчёркивая нужду в скорой и более мощной силе.

Но лёгкое смещение... Резонанса?... Дальше не пошло. Стараясь изо всех сил, Ульдисиан не мог добиться большего. Хотя он каждую частичку своей воли направил на Камень Мира, в конце концов именно он попятился, задыхающийся и побеждённый.

Ладонь Ратмы в перчатке взяла его руку. Истекающий потом и взбешённый Ульдисиан взглянул на своего спутника.

Лицо сына Лилит выражало крайнее ошеломление.

Ульдиссиан, в свою очередь, тоже стал смотреть на него во все глаза. Никогда Ратма перед ним не показывал так свои неприкрытые эмоции.

-В чём дело?- сумел он наконец выдать из себя.- Есть опасность?

-Камень Мира...- прошептала бледная фигура почти благоговейно. Его взгляд метался между Ульдиссианом и сияющим артефактом.- Я хотел посмотреть... Но я никак не *ожидал*... Это была теория... Не более того... Не более...

Ульдиссиан снова ничего не понял, тем более что, оглянувшись на кристалл, он убедился, что ничего не изменилось.

-О чём ты говоришь? Я облажался.

-Смотри не глазами... Смотри разумом и душой.

Хмурая брови, Ульдиссиан снова взглянул на Камень мира, на этот раз прибегая к использованию других чувств. Он по-прежнему не обнаруживал изменений; Камень Мира реверберировал, как и прежде, ничуть не...

Нет... Имелся намёк на изменение, такой замысловатый, что неудивительно было, что он пропустил его раньше. Но такое изменение вряд ли могло вызвать сколь-нибудь существенный эффект... Разве не так?

-Так я добился чего-то. Немногого. Это означает что-нибудь?

Ратма издал неразборчивый звук, затем пробормотал:

-Осмотри структуру артефакта, Ульдиссиан. Осмотри её в самой глубине. Ты можешь это сделать...

Ульдиссиан сосредоточился сильнее... И обнаружил, что он заглянул глубоко в Камень Мира. Он увидел отчётливый кристаллический узор, из которого состояло удивительно образование, и восхитился мельчайшими деталями. Крошечные пятисторонние сегменты повторялись бесконечно и формировали саму базовую структуру камня. Ульдиссиан не мог не любоваться их совершенством. То, что артефакт был создан, а не являлся творением природы, ошеломляло так сильно, что Ульдиссиан на короткое время забыл, сколько бед он ему принёс.

Но всё это не имело никакого отношения к предмету его поисков. Он чуть не сдался, когда одна маленькая область возле сердцевины привлекла его внимание. Что-то в ней было не так. Ульдиссиан сразу понял, что это был источник изменения в резонансе Камня Мира. Он погрузил свой разум глубже, чтобы разглядеть больше деталей...

И увидел, что, тогда как остальная часть Камня Мира была составлена из пятистороннего узора, эта часть имела *шесть* граней.

То, что некогда было совершенным, стало с изъянами... Каким невозможным это ни казалось.

Он тут же ретировался.

-Работа Лилит...

-Нет, сын Диомеда... Твоя работа,- Ратма вперился в него взглядом.- Моя мать изменила резонанс при помощи заклинания, которое сказалось на выходе, но не на структуре. Я ожидал, что ты либо сделаешь то же самое, либо, вероятней, потерпишь неудачу. Попытка была отчаянной, но я считал, что попробовать стоит. Я подумал, не зря же тебя забросило так близко к Камню Мира...

-Я попал сюда случайно.

-Ты, видимо, ещё не понял, что случайно ничего не происходит,- ответил закутанный спутник.- Я не знал, чего ожидать, но уж точно не *этого*. Ульдиссиан уль-Диомед, ты изменил самую *сущность* Камня Мира, что по идее должно было быть невозможно,- Ратма нахмурился.- Укрепит это или разрушит наши надежды, боюсь, узнать сразу мы не можем, а можем только ждать... И молиться...

Глава четырнадцатая

Ахилий пошевелился. Нет, он не проснулся, потому что пробуждение подразумевает, что ему предшествует сон, а в его состоянии это было невозможно.

Однако некоторое время он находился без сознания. Отнимая лицо от грязной почвы джунглей, лучник гадал, что случилось с ним. Ахилий припоминал, как щупальца демонического слуги Триединого начали раздавливать его, но за этим следовала сплошная чернота.

Подумав о чудовище, он вскочил на ноги. Ахилий порадовался, что, вопреки всем страшным байкам, какие он слышал в детстве, он, по крайней мере, был очень *подвижным* мертвецом. Наверное, он должен был поблагодарить за это дракона, но в некоторой степени существование, близкое к жизни, но всё же не являющееся ей, оставляло скорбную холодность внутри. Быть почти живым и жить – не одно и то же.

А затем к нему вернулось воспоминание о том, что он вообще делал в этих джунглях. Ахилий развернулся, чтобы увидеть Хашир.

Но ближний к нему край города лежал в руинах.

Он смотрел, не моргая, – ещё одна черта поведения живых, в которой он больше не нуждался, – и пытался определить, как много времени прошло с момента разрушения. Ворота, стены вокруг них... Они словно были разбиты гигантскими кулаками. Внутри города две из трёх башен были разрушены, одну из них вообще не было видно отсюда. Единственная оставшаяся башня – принадлежащая Диалону, если Ахилий не ошибался, – опасно накренилась. Снизу подымался лёгкий дымок.

«Разрушение случилось день, может быть, два назад, – оценил Ахилий. – Надеюсь, не больше».

Однако даже это было слишком много. Она уже была не здесь. При первой же возможности она приказала бы последователям Ульдиссиана выступать... Но куда? Он больше не понимал её плана, да это сейчас было и неважно. Только одно было важно для охотника, на чём бы другом ни настаивали Траг'Оул с Ратмой.

Серентия – *его* Серентия – была одержима проклятой демонессой.

При мысли о том, что сделала Лилит, Ахилий ухватился за лук. Он представил вероломную возлюбленную Ульдиссиана перед собой. Стрела в сердце. Стрела, наделённая магией змееподобного дракона...

Но это означало быть убитым так же и Серентию.

Несмотря на то, на чём, как он знал, настояли бы они, Ахилий чувствовал, что *должен был* иметься другой выход. Серентия не была мертва, демоническая магия была впущена в её тело так искусно, что Лилит могла расхаживать в нём. Нет, женщина, которую он любил, всё ещё была здесь, пусть и в глубоком сне. Как-то нужно было её разбудить, чтобы она смогла воевать с Лилит изнутри, пока другие сражаются с демонессой снаружи.

Как-то...

«Первым делом нужно её отследить, тупица!». Он не имел понятия, как далеко продвинулись вперёд последователи Ульдиссиана и направлялись ли они туда же, куда задумывали изначально. Ахилию ничего не оставалось, кроме как изо всех сил стараться делать своё дело. Следовать за целью.

Был день, что означало, что повсюду живые. Несмотря на огромные разрушения, которые понесла эта окраина Хашира, простым жителям всё равно должно было понадобиться пробавляться чем-то, будь то охота, фермерство или рыбалка. Ахилий был рад и тому, что никто не набрёл на его тело, а не то снова пришлось бы выкапываться из могилы или, того хуже, отчаянно пытаться погасить огонь погребального костра. Единственной встречи с местными было достаточно, чтобы Ахилий начал опасаться всякого повторения. Он был слишком заметно мёртв даже на ногах. В равной степени раздражающим был тот факт, что, спасибо его падению, на нём было больше грязи, чем когда-либо приставало к его телу. Быстрая попытка смахнуть часть её оказалась такой же тщетной, как удаление первоначального слоя. Видимо, земля вообще считала, что Ахилий принадлежит ей, и не уставала пытаться снова погребсти его под собой.

Он не мог позволить ей добиться этого, пока он не сделает всё возможное для своей любимой.

Подобно тени охотник скользил по джунглям вокруг Хашира. Дважды он натёкался на каких-то жителей, но

они по сравнению с ним туго соображали, и Ахилий вовремя избегал обнаружения. Наконец он умудрился достигнуть местности за разрушенными воротами, где он надеялся найти нить к тем, кого он разыскивал.

Это оказалось проще, чем он думал. Эдиремы снова возросли числом, да так сильно, что след, который они оставили, был подобен следу стада огромных животных со змеиными рылами, которых жители низинных земель используют для работ и поездок, почти как лошадей. И слепой бы понял, куда они пошли.

Удивило его то, что они не пошли, как должны были, по пути к главному храму. Вместо этого они загнули ещё дальше на юг, к местности, о которой он не знал ничего.

Что замышляла Лилит?

Ахилий поспешил вперёд. Что именно, было не главное. Он нагонит их независимо от того, куда они идут.

Осталось надеяться, что к тому времени у него созреет какой-нибудь план...

Они возвращаются...

Эти два слова обрадовали Мендельна больше, чем он мог себе представить. Он оторвал взгляд от задания, которое дракон выдал ему, – научиться лучше фокусировать свою волю при помощи необычайного кинжала. Получалось на удивление хорошо. Он был восхищён своей врождённой способностью управлять предметом, особенно с учётом, как недолго он находился у него в руках.

Но теперь всякий интерес к клинку испарился, Мендельн встал и посмотрел вокруг.

-Где? Где?

И вдруг Ульдисиан и Ратма появились перед ним. Похоже было, его брат испытывает такое же облегчение, как и он. Сыны Диомеда обнимались, пока Ратма стоял и смотрел с каменным лицом, и ощущение крайнего удивления пришло от небесного змея. Множество образов из жизни то и дело показывалось и скрывалось из виду, пока существо волнообразно двигалось.

Не стоит так пренебрегать семейной любовью, мой славный Ратма, - отметил Траг'Оул так, чтобы все могли ощутить его.

-Мой опыт в этой области был не то чтобы очень удачным, и тебе это известно.

Мендельн и Ульдисиан разомкнули объятия. Первым, что сорвалось с губ Ульдисиана, было:

-Серентия... Лилит овладела ей... Это случилось ещё до Хашира...

-Да, я уже понял это, хотя и думал поначалу, что она убита, как был убит мастер Этон, - Мендельн с укором посмотрел на звёзды, которым он был обязан своим временным потрясением. - Мы должны изгнать демонессу...

-Это будет не так-то просто, - встрял в разговор Ратма. - Я по опыту знаю, как крепко моя мать может вцепиться в то, что ей полезно... Да и ты можешь это припомнить, Ульдисиан уль-Диомед.

Ульдисиан оскалил зубы, глядя на высокую фигуру:

-Да меня не волнует! Я должен спасти её... И других тоже! По крайней мере, их нужно предупредить!

Ратма посмотрел на дракона:

-Траг?

Её влияние уже усиливается. Ульдисиан ослаб в глазах эдиремов.

-И чья же это вина? - рявкнул брат Мендельна. Он потряс кулаком на звёзды. - Кто меня остановит? Кто не даст мне пойти к ней?

Вернись ты немедленно, в теперешних условиях она легко покорит тебя...

-Он говорит правду, - прибавил Ратма. - Она уже заразила тебя своей тьмой. Возврат к Лилит в это время только поможет ей завершить заклинание.

Мендельн понимал, что они говорят, но чувствовал необходимость встать на сторону брата.

-Почему мы тогда не можем сделать больше?

-Ты и сам должен это понимать,- ответил резко сын Лилит.- О существовании Траг'Оула не должны узнать ни мои дорогие родители, ни Пылающий Ад или Высшее Небо. Во благо всего Санктуария – и ради его выживания – он должен всегда оставаться сокрыт от их взора, чтобы он мог помогать поддерживать Баланс,- Ратма вздохнул и добавил.- Что касается меня, то моя судьба лежит в другом месте, как я всё время знал. Больше я сказать не могу.

Такой ответ вряд ли мог удовлетворить Мендельна, не говоря уже об Ульдиссиане, но оба они уже знали, что больше ничего не узнают от Ратмы.

На самом деле, Ульдиссиану уже явно не терпелось что-то сделать... Хотя *что-нибудь*. Мендельну уже доводилось видеть брата таким несколько раз, и он боялся, что произойдёт, если они и дальше будут медлить.

-Надежда есть,- начал он говорить Ульдиссиану.- Есть ещё один, кто даже сейчас...

Но он не стал продолжать. У Ульдиссиана сорвалось:

-Не удивительно, что Инарий и демоны смогли так долго играть с нашим миром! Вы ничего не делаете кроме как мешаете тем, кто не представляет опасности для вас, и не обращаете внимание на самых опасных!

Мендельн осторожно положил руку на плечо брата.

-Ульдиссиан...- но старший брат не обратил на это внимания.

-Скажи мне, Ратма! Мы хоть *чего-нибудь* добились с Камнем Мира? Что-нибудь изменилось?

-Скорее всего, но насколько, можно узнать лишь путём тщательного наблюдения...

-Я наблюдал достаточно! Я...

ПОСТОЙ!

Хотя выкрик Траг'Оула раздался только у них внутри, он показался громовым раскатом. Даже Ратма схватился за голову от громкости.

Ангел активен.

Эти слова привлекли внимание остальных. Ульдиссиан взглянул на Мендельна, который зна́ком указал, что смотреть следует на Ратму.

Он был бледнее обычного, если такое вообще было возможно. Но не страх чувствовал Мендельн в нём. Скорее, это было что-то похожее на *смирение*.

-Значит, решено,- сказал Ратма.

Выбор за тобой. Я всегда говорил это.

-Нет... Выбор за моим отцом... Никак не за мной...- Ратма посмотрел на двоих смертных.- Но, быть может... Быть может, я перестарался с анализом... Быть может...- его и без того сощуренные глаза ещё больше сощурились, остановившись на Мендельне.

Брат Мендельна *исчез*.

-Что ты сделал?- спросил Мендельн. Он не мог нигде почувствовать Ульдиссиана.

-Я послал его туда, где ему нужно быть.

Преданность зашевелилась внутри младшего брата.

-Тогда я должен пойти с...

-Нет... Ты мне нужен для встречи,- смирение Ратмы стало осязаемее.- Полагаю, ты быстро обучал его, Траг?

Так быстро, как только можно было. Ты не обязан делать это...

—Эх, ещё как обязан. Пошли, Мендельн.

Сильно подозревая, что выбора у него всё равно нет, Мендельн всё же хотел узнать, на что его зовут.

—И куда ты возьмёшь меня тогда, когда я должен быть рядом с братом? Куда же?

Ратма широко расправил плащ, на его лице отразилась сама смерть.

—Я возьму тебя в место, от которого предпочёл бы оказаться как можно дальше. Я хочу... Нет... Я должен, как мне ни жаль, взять тебя с собой... Чтобы предстать перед моим любимым отцом...

Ульдиссиан стоял в джунглях.

Поначалу вид ему понравился. Наконец-то Ратма сдался и послал его, куда нужно.

Потом Ульдиссиан снова заметил, что рядом нет Мендельна.

Он погрозил кулаком густой листве наверху.

—И снова будь ты проклят, Ратма! Ты не лучше, чем те, кого ты называешь своими родителями!

Но ни сын Лилит, ни огромное чудовище не ответили ему. Ульдиссиан сконцентрировался на Мендельне, пытаясь притянуть к себе брата, а потом, когда не вышло, попробовал вернуться в пустоту, которая была домом Траг'Оула.

Но всё равно ничего не произошло.

Прежде чем он придумал, что бы ещё попробовать, Ульдиссиан ощутил нечто, что совершенно отвлекло его внимание от брата.

Серентия – Лилит – обе они – были поблизости.

Зная, что на данный момент ничего не может сделать для Мендельна, Ульдиссиан тут же сосредоточился на новом положении. Ратма зашвырнул его в самую гущу событий. Почему сын Лилит сам не был здесь, чтобы разделаться со своей матерью? Что могло быть важнее этого?

Но это могло и не касаться Ульдиссиана. Для него сейчас главным было позаботиться о том, чтобы демонесса не ощутила его присутствия. Прикладывая все силы, чтобы закрыть себя от её взора – и надеясь, что он знает, что делает, – Ульдиссиан осторожно двинулся вперёд. Если он в одиночку должен был противостоять своей бывшей возлюбленной, то так тому и быть. Он не позволит ей продолжать творить зло...

Была ночь, что поначалу смутило его. Похоже, время в мире дракона текло странно; он думал, будет гораздо более раннее время суток. И всё же покров темноты, без сомнения, был на руку Ульдиссиану, который хотел оставаться вне поля зрения своих последователей до тех пор, пока не выяснит, какое влияние на них уже заполучила Лилит.

Хотя большим искушением было сойтись с ней на глазах у всех, Ульдиссиан сомневался, что такой манёвр обернётся для него благом. В случае с Лилит лучше было сначала сделать её безвредной... Как-то. Только после этого сможет он позаботиться об остальном.

Когда он приблизился к лагерю, стало ясно, что ряды эдиремов сильно пополнились после Хашира, и это отнюдь не порадовало Ульдиссиана, как некогда. Большая часть новоприбывших могла оказаться делом рук Лилит, хотя он и гадал, как ей это удалось. То, что демонесса выбрала в качестве дурачка его, заставило его предположить, что она нуждалась в нём, чтобы было легче пробуждать дар в людях, но большое число новых эдиремов, которое ощущал Ульдиссиан, наводило на мысль, что она солгала... Похоже.

Ульдиссиан кружил, исподтишка стараясь обнаружить Лилит и в то же время не дать ей увидеть его. Он не был уверен, что сможет продолжительное время оставаться незамеченным.

Джунгли опускались, давая ему выгодную позицию для осмотра главной части лагеря. Со слабым интересом он озирали мешанину из палаток, одеял и навесов. Почему-то он сомневался, что Лилит стала бы спать под одним из них. И всё же он знал, что она должна быть близко...

Строение прямо посреди лагеря эдиремов заставило Ульдисиана замереть. Перед ним стояло большое каменное здание, освещённое факелами. Поначалу он принял его за какую-то старую охотничью хижину, но при дальнейшем осмотре он заметил не только остроконечную дверную раму и странно наклонённую крышу. Рифлёные колонны, орнамент в виде завитков на двери – всё намекало на одно. Пусть меньший и более древний, чем все, что он видел раньше, перед ним стоял какого-то рода храм.

Уже когда он понял это, его взгляд, – который он подкрепил, так что можно было видеть в темноте, – наткнулся на то, отчего кровь застыла в жилах.

Это был барельеф лица Серентии над входом.

Она была изображена как великолепная и всезнающая богиня, а не смертная женщина. Даже хотя казалось, что лицо всегда было элементом здания, было ясно, что оно появилось здесь недавно.

Он сразу понял, что это значило. Через Серентию Лилит создавала культ самой себя. Вообще-то, хотя Ульдисиан и не мог быть уверен со своей позиции, чем дольше он изучал лицо Серентии, тем больше ему казалось, что к её чертам подмешаны другие черты.

А потом он узнал, кому они принадлежали. *Лилит*. Уже стало очевидно, что она намеревалась сделаться их госпожой и телом, и духом. В какой-то момент она сможет выйти из тела Серентии, возможно даже, снова представ в качестве «Лилии».

Сдерживая kloчущую внутри него ярость, Ульдисиан задумался о древнем храме. Вряд ли Лилит пришла сюда случайно; так она не работала. Строение было предумышленным местом назначения.

От осознания этого мороз побежал по коже Ульдисиана. Что-то должно было здесь произойти, что-то, соответствующее чаяниям демонессы...

Большинство эдиремов начали устраиваться на ночь, без сомнений, изнурённые тяжёлым переходом. Часовых было больше, чем обычно, гораздо больше, чем было оправданно. Ульдисиана больше беспокоила их манера поведения: они как будто держались холоднее и тревожили даже своих сонных товарищей. В страже имелись и партанцы, и жители низин, некоторых он узнал. Большая часть стражников были мужского пола, но среди них имелось также несколько женщин, с такими же тёмными выражениями на лицах.

Ульдисиан без труда ощутил тень на их душах, пятно, которое выдавало работу Лилит.

Вдруг один из часовых взглянул в его направлении. Сдерживая ругательство, Ульдисиан укрепил свой щит и отступил дальше в джунгли. Нахмурившись, стражник сделал шаг по направлению к месту, где он скрывался.

«Ты ничего не видишь, – подумал Ульдисиан, глядя на человека. – Просто джунгли. Тебе всё показалось...»

Он никогда прежде не пробовал влиять на другого таким образом и надеялся, что тем самым не выдаст себя. Часовой ещё немного постоял... А затем хмыкнул и вернулся на свой пост.

Проскальзывая дальше, Ульдисиан ругал себя за беспечность. Он чуть себя не выдал... Стражнику. Будь это Лилит, Ульдисиан точно был бы обнаружен.

Находилась ли Лилит внутри храма? Не в силах как следует ощутить её, Ульдисиан мог только предполагать. Соблюдая величайшую осторожность, он попытался лучше прощупать строение.

Попытался и быстро потерпел неудачу. Храм окружала какая-то завеса, которая делала происходящее внутри необнаружимым ни для кого снаружи, даже для него. Это только усилило беспокойство Ульдисиана. Что это Лилит так хотела спрятать, даже притом, что сама окружила место теми, кто потенциально мог ощутить это?

Он боялся, что у него есть кое-какая идея... И это подвело его к решению. Конечно же, Лилит не могла действовать, пока большинство её «последователей» не уснёт. Если Ульдисиан сможет добраться до здания необнаруженным...

Слева от него произошло какое-то внезапное движение. Он едва успел закрыть себя, чтобы проходящая фигура не смогла узнать его. У Ульдисиана спёрло дыхание, когда он узнал плешивого человека, направляющегося к краю лагеря.

Ромий.

Ульдисиан не мог упустить этот момент. Сосредоточившись, сын Диомеда дотянулся до партанца.

Ромий сдержал вздох удивления. Двигаясь как ни в чём не бывало, он развернулся к джунглям и скрылся с поля

зрения лагеря.

Вздых спустя двое мужчин встретились лицом к лицу. Ромий не мог сдержать испуга.

-Мастер Ульдиссиан? Мы думали, ты погиб! Где ты был?- он поколебался, а затем добавил.- Ты ведь не призрак, правда?

-Это я. Какая удача, Ромий! Ты-то мне и нужен.

Бывший разбойник моргнул и ответил:

-Я к твоим услугам, мастер Ульдиссиан, ну конечно же!

Кивнув в знак благодарности, Ульдиссиан отвёл своего товарища подальше от лагеря.

-Прежде всего, я должен кое-что узнать, Ромий... Как эдиремы справились в Хашире?

-Это было кроваво! У храма были магия и сила куда как большие, чем мы представляли себе! Да, мастер Ульдиссиан, некоторых мы потеряли, Томо, например.

Томо. Ульдиссиан скорбел обо всех убитых, но Томо ему довелось знать лучше, чем многих.

-Как Сарон перенёс это?

-Он поклялся отомстить за смерть кузена, убив сотню служителей Триединого при следующей стычке...

Кровь продолжала литься. Ульдиссиан винил себя, но винил он также и созданий вроде Лилит, Инария и Ратмы за то, что те так мало думали о жизнях смертных.

Они заплатят. Они за всё заплатят... И первой будет Лилит.

Это подвело его к иному вопросу, который он быстро задал:

-Эта древняя постройка. Как так получилось, что вы все здесь, а не на пути в главный храм?

Лицо Ромия осветилось:

-Это всё Серентия. У неё было видение, в котором она увидела это место! Такая новая и восхитительная сила! У вас никогда такой не было, так ведь, мастер Ульдиссиан?

-Нет,- Ульдиссиан сомневался, что хоть у *кого-нибудь* из эдиремов была такая способность, да и вообще могла быть.- Нет... И я боюсь, что нет её и у Серентии.

-Это как это так?

-Ромий, она не... Тебе не кажется, что Серентия стала *другой*?

-Другой?- плешивый мужчина пожал плечами.- Когда ты исчез, она взяла ход битвы в свои руки и спасла многих из нас, кто мог присоединиться к Томо! Она вернула нам дух, мастер Ульдиссиан, когда мы уже думали, что тебя больше нет!

Лилит отлично справилась со своей работой, судя по блаженному выражению и восхищённым интонациям Ромия. Ульдиссиан вернулся как раз вовремя.

Он взял мужчину за плечи. Ромий далеко ушёл от пользующегося дурной славой человека, который смотрел на него через площадь Парты.

-Слушай. Всё не так, как кажется. Ты думаешь, что это Серентия вела вас всё время с тех пор, как я исчез.

-Да, конечно...

Страстно качая головой, Ульдиссиан продолжил:

-Вас обвели вокруг пальца, Ромий! В этом теле есть Серентия, правда, но слышишь ты и видишь демона, сестру нечестивого Люциона! Ты знаешь, о ком я говорю!

Лицо эдиrema помрачнело.

-Ты говоришь о Лилит, о которой мы все слышали, да. Может ли такое быть, что она завладела Серентией! Этого не может быть!

-Она вселилась в Серентию. Серентия там, но глубоко спит. К тому, что ты видишь, что ты испытываешь, я тебя уверяю, Ромий, Серентия не имеет никакого отношения...

-Никакого... Да...- Ромий задумчиво поглядел вниз.

Ульдисиан не мог терять драгоценное время, пока он всё это переваривает.

-Ромий... Ромий, Серентия внутри этого здания?

-Да. Должна быть.

-Знаешь ли ты, что она планирует там?

Эдирем покачал головой.

-Нет, но я и ещё несколько человек должны прийти к ней около полуночи. Сер... Она говорит, что нам нужно обсудить что-то важное.

-Я видел часовых. Есть у них с ней особый контакт?- когда Ромий кивнул, Ульдисиан пояснил.- Мы должны быть с ними настороже. Возможно, они под действием заклинания.

-Значит, должны действовать только мы вдвоём, мастер Ульдисиан? Вы можете мне доверять!- тон Ромия умолял, чтобы Ульдисиан поверил в него.

Ульдисиан не только верил в него, но Ромию, к несчастью, уготовано было сыграть ключевую роль. Он по-прежнему мог приблизиться к Лилит, не вызвав подозрений. Ульдисиану было нужно, чтобы бывший разбойник отвлек Серентию так, чтобы он смог напасть на неё, когда её защита ослаблена.

Он объяснил это Ромию, спросил, желает ли он по-прежнему помочь и что он знает о здании.

-Она сказала, что это старая часовня или жилище монаха,- ответил Ромий.- Серент... она сказала нам, что это был знак, что нам нужно идти сюда. Сказала, что это ознаменует начало переворота во всех нас...

Снова по Ульдисиану пробежали мурашки.

-Она не будет возражать, если ты придёшь раньше назначенного срока?

-Я могу отыскать предлог, мастер Ульдисиан,- партанец задрожал.- Бедная Серентия...

-Если ты не дашь демонессе заметить, я проберусь внутрь. Ты тогда уходи.

-Но как же ты?

Для того, что задумал Ульдисиан, ему нужно было, чтобы никто не находился поблизости. Изгнание Лилит из Серентии могло повлечь разрушение всех окрестностей.

-Просто уйди как можно дальше. Понятно?

Ромий неохотно кивнул. Они ещё минуту-другую обсуждали детали, после чего, слегка кивнув, Ромий направился обратно в лагерь. Ульдисиан сохранял их план как можно более простым, прекрасно зная, что малейшее осложнение может в несколько раз ухудшить дело.

Ромий не сразу пошёл в храм. Как и было условлено, он первым делом нашёл повод, чтобы поговорить с ближайшими часовыми и отправить их в другое место. Ульдисиан не хотел быть вынужденным наносить им ранения только потому, что Лилит сбила их с толку.

К тому времени как Ромий разрешил вопрос со стражниками, ночь уже порядком вступила в свои права и над большинством уголков лагеря нависла тишина. Многие огни погасли. Несколько сияющих огоньков парили над зоной – признак растущих способностей эдиремов. К счастью, в большинстве своём огни были тусклыми, чтобы не мешать их создателям спать.

Наконец Ромий направился к древнему строению. Двое эдиремов, стоящих на страже, помедлили только пару секунд, прежде чем впустить его. Как один из старших последователей Ульдисиана, Ромий, должно быть, теперь был первым заместителем. Это делало его вовлечение в план Ульдисиана неоценимым.

Толстая деревянная дверь со скрипом затворилась за плешивым мужчиной. Ульдиссиан еле слышно считал, давая Ромию время, чтобы тот разговорил ложную Серентию. По словам партанца, до грядущего ночного собрания она намередовалась быть одна.

Наконец Ульдиссиан решил, что прошло достаточно времени. Дальше он уже рисковал жизнью Ромия. Остались только два стражника, оба обозревали область перед собой с недоверием, усиленным за счёт наложения Лилит на них своего отпечатка.

Не желая без необходимости никому причинять вреда, Ульдиссиан сосредоточился на двух мужчинах и направился к ним. Стражники продолжили смотреть вперёд. Теперь они ничего не видели и не слышали. Даже когда он прошёл мимо них, они не шелохнулись.

Другого входа в здание не было – единственными другими отверстиями были маленькие прорези для проветривания высоко наверху – но Ромий объяснил, что была входная комната перед той, которую Лилит избрала своими покоями. Ульдиссиану нужно было только добраться до неё. После этого не будет нужды в скрытности... Только в стремительности. И него будет один шанс, и только один.

На его пути дверь открылась ровно настолько, чтобы пропустить его. Ульдиссиан подавил всякий скрип, а не то демонесса была бы предупреждена даже этим.

Комната, в которую он вошёл, была совершенно пустой – видимо, внутреннее убранство или артефакты давным-давно были растащены ворами или строители забрали их с собой. Ульдиссиана не заботило, для каких целей использовалось строение, его волновали только голоса в другой комнате.

Голоса Ромия... И Серентии.

-...и да, Ромий, скоро мы будем на пути к главному храму Триединого. Клянусь смертью Ульдиссиана, что я завершу его дело. Сначала Триединое, а затем, определённо, Собор Света... Который может оказаться худшим противником, чем тот, с которым мы сейчас сражаемся.

-Я снова извиняюсь,- ответил ей партанец.- Но я тоже хочу закончить унаследованное от Ульдиссиана дело. Благодарю за то, что уверила меня.

-Не за что. Что-нибудь ещё?

Ульдиссиан больше не смел подвергать жизнь Ромия опасности. Помня также о том, что не должен причинять вреда телу Серентии, сын Диомеда направил всю свою волю на повторение того, что сделал со стражниками снаружи. Он сосредоточился на женском голосе...

Тишина окутала здание, тишина, наконец прерванная вздохом изумления Ромия.

-Мастер Ульдиссиан! Она не двигается! Она стоит, словно статуя!

Ульдиссиан вошёл. Первой он заметил Серентию, такую же красивую, какой он её помнил, в позе богини, с рукой, протянутой к Ромию. Притягательная улыбка, которой никогда не бывало на лице дочери торговца, служила достаточным доказательством, что внутри женщины пребывала Лилит.

Затем страшное зрелище позади неё отвлекло его внимание.

Алтарь.

Алтарь, окроплённый кровью столетней давности.

Он мог посчитать это просто жутким совпадением, но на серой каменной плите лежали длинный кинжал и кубок. Хуже того, окроплённая поверхность была исписана рунами, свежими рунами.

Этой ночью алтарь должен был снова окропиться кровью в первый раз за многие поколения.

Несмотря на опасность, что Лилит преодолеет его силы, Ульдиссиан не мог не посмотреть вверх. Над алтарём лицо духа или демона, который был высечен здесь из камня, было искусно заменено путающим совмещением женских лиц, в котором уже больше угадывалась Лилит.

-Мастер Ульдиссиан?

Печальный голос Ромия наконец вернул его к реальности. Партанец отступил назад, пока Ульдиссиан лицезрел застывшую фигуру.

Приблизившись, Ульдиссиан смог разглядеть тонкие намёки на то, что девушки, с которой он вырос, на самом деле здесь не было. Не только улыбка, но и глаза таили жёсткое коварство, которое трудно было не узнать.

-Всё кончено, Лилит...- выдохнул он. Ульдиссиан приложил ладони к вискам девушки. Он не знал наверняка, что нужно делать, но он чувствовал, что, если бы он как-то смог достичь Серентии, она помогла бы ему изгнать демонессу.- Всё кончено...

Что-то тяжёлое ударило его по затылку.

Мир закружился. Сквозь пелену тумана он разглядел, что Ромий наклонился к нему с фанатичным выражением на лице и камнем в руках, который он, по-видимому, взял где-то в комнате. Кровь на кромке камня принадлежала Ульдиссиану.

-Ты не причинишь вреда моей Лилит!- бросил Ромий, его лицо злобно искривилось.- И не мечтай!

И, падая, Ульдиссиан услышал голос Серентии... И чересчур знакомый смех Лилит.

-Хорошая работа, любовь моя... В точности так, как мы планировали.

Глава пятнадцатая

Очнувшись, Ульдисиан обнаружил, что его руки и ноги привязаны к камню алтаря. Это само по себе уже немало лишало присутствия духа, но когда он попытался использовать свои силы, чтобы освободиться... Ничего не произошло.

Затем он снова услышал знакомый смех.

-Мой дорогой, дорогой Ульдисианчик,- проворковала Серентия. Только, напомнил себе сын Диомеда, это была не Серентия, а Лилит.- Такой наивный. Такой доверчивый.

Перед ним предстало лицо, но не то, которое он ожидал. Ромий взирал сверху вниз на бывшего друга.

-Тебе не следовало возвращаться, мастер Ульдисиан. Никогда.

-Ромий! Ты свихнулся? Это демон здесь, Лилит, не Серентия!

Партанец покачал головой.

-Нет... Ты ошибаешься. Здесь обе они. Моя Серентия и моя Лилит. У меня есть обе...

Шаги предвосхитили появление демонессы. Смахнув прядь длинных, тёмных волос Серентии, она нежно облокотилась на плечо Ромия.

-И у меня есть *ты*, дорогой Ромий! Гораздо более преданный любовник, чем ты, Ульдисиан, который не сумел разглядеть всего, что предлагалось! Я могла бы стать любой, кого ты желаешь, включая ту, что сейчас перед тобой... Но ты отверг мою любовь и моё предложение...

-Ты хотела лишь марионетку, которая вела бы твою магическую армию, чтобы ты смогла отнять Санктуарий у Инария!- Ульдисиан посмотрел на Ромия.- Когда она найдёт кого-нибудь ещё более полезного, ты окажешься на задворках! Подумай, Ромий! Это не ты! Не ты!

-Ты ничего не знаешь о том, как я жил, пока ты не пришёл в Парту, мастер Ульдисиан! Я ни перед кем не держал отчёта! Все боялись меня! Ты отнял это у меня и сделал меня своей овцой! Но она напомнила мне, кем я являюсь на самом деле,- он придвинулся ближе, глаза были широко распахнуты и метали огонь. Выражение лица было маниакальным,- и за это я обожаю её ещё больше!

С партанцем разговаривать было бесполезно. Лилит совершенно околпачила его, заглянув в уголки души, в которых ещё таилась тьма, которая некогда целиком опутывала Ромия... И снова выпустила её на волю.

Ульдисиан попробовал освободить левую руку, но путы держали крепко. Ромий ухмыльнулся. Лилит сложила губы в притворном сочувствии узнику.

Чтобы выиграть время и придумать, как бежать, Ульдисиан спросил:

-Так что же, она использовала тебя, чтобы обратить новых эдиремов? Только этого она и хочет! Она не может делать это так быстро сама. Такова природа дара; он присущ человеку, а она не человек, Ромий!

Его слова пролетели мимо ушей.

-Она выбрала меня. Она выбрала меня из всех их, потому что она увидела, какой я сильный и что меня можно освободить от иллюзий, которые ты наложил на нас. С Хашира я показываю другим, старым и молодым, каждый день, и много таких дней впереди.- Он осклабился.- Они обращаются ко мне, как к богу...

Лилит придвинулась ближе, сначала поцеловала Ромия в щёку, а затем лизнула её. Он ответил на действие, как кот, потеряв своё лицо об её. От этой сцены Ульдисиану сделалась дурно: он переживал не только за Серентию, но и за партанца тоже. Это не был Ромий, которого он знал.

-А после сегодняшней ночи,- прошептала демонесса Ульдисиану, продолжая соблазнение,- они все увидят правду, дорогой Ромий! Разве не так?

-Ты собираешься использовать *его*?- радостно ответил бывший разбойник.

Она усмехнулась его вопросу.

-Это было бы просто чудесно, но нет. Его кровь не подойдёт. Вообще-то, от неё может получиться противоположный эффект, примешивание его испорченности. Нет... Мне нужен кто-то, чья жизненная энергия усилит то, чего я желаю, дорогой, милый Ромий... И, по правде говоря, только один человек приходит мне на ум.

Изумление вдруг отразилось на лице партанца. Его глаза даже ещё больше расширились, вплоть до того, что он стал походить на лягушку.

Задрожав, он рухнул вперёд прямо на ошеломлённого Ульдиссиана. Стало видно его спину.

Длинная алая струйка сочилась из страшной раны в его спине.

Лилит держала кинжал, который Ульдиссиан заметил ещё до предательства. Кровь Ромия стекала с лезвия на рукоять. Лилит не обратила внимания, когда красные капли достигли её руки. Вместо этого она свободной рукой погладила плешивую голову партанца.

-Он был обаяшкой... Уверена, Серентии это тоже нравилось. Жаль, что он так идеально подошёл для этой роли.

-Лилит, ты безумна!

Она посуровела.

-Нет... Мои деяния оправданы, дорогой Ульдиссиан! Оправданы! Я спасла детей, и за это доброе дело я была изгнана в пустоту! Инарий думал, я *никогда* не найду пути обратно... Но я нашла, я нашла!- она снова принялась ласкать мёртвого Ромия.- Он был так серьёзно настроен доказать свою ценность для меня и её. Он пришёл прямо ко мне и рассказал, как ты позвал его в джунгли и как он притворился, что он всё ещё твой друг!- Лилит улыбнулась.- Должна признаться, твой расчёт времени напугал меня, любовь моя. Я чувствую здесь другую руку. Ты что, говорил с моим любимым Инарием? А?

Хотя Ульдиссиан не единожды думал, что Ратма не лучше, чем его родители, что-то заставило его удержаться от того, чтобы сказать демонессе правду.

-У нас с ним был короткий разговор. Он скучает по тебе и умоляет простить его. А ещё он хочет тебя убить.

Лицо над ним исказилось до неузнаваемости, потеряв всякие следы здравого рассудка, и тот факт, что принадлежало оно Серентии, делал зрелище ещё более кошмарным.

Затем, столь же быстро, как и появилось, безумие снова сменилось маской соблазнения.

-Ну и шуточки у тебя, дорогой Ульдиссианушка! Нет, ни за что не поверю, чтобы Инарий когда-нибудь нуждался в тебе! Он себя считает без изъяна, и потому не нуждается ни в ком, чтобы расставлять вещи так, как он их видит!- Лилит ухмыльнулась.- И потому он будет сидеть в забвении на своём троне, даже когда стены его собора будут валиться вокруг него!

Ульдиссиан сомневался, что самодовольство ангела достигало таких высот, но Лилит явно разделяла его манию величия. Она не могла и представить себе, что её план сорвётся, особенно силами какого-то простого смертного.

Правда, похоже было, что в последнем случае она была права. Ульдиссиан мог почувствовать, как силы внутри него пытаются прорваться на свободу, но что-то удерживает их. Он не мог ощутить на себе никакого заклинания, но работа демонессы могла быть совсем неуловимой.

-Всё ещё борешься,- заметила она.- Как восхищает меня твоя решительность... Или это ты просто хочешь ещё раз поддержать меня в своих объятьях?- Лилит придвинулась на достаточное расстояние, чтобы поцеловать его, и, хотя некогда Ульдиссиан хотел чувствовать эти губы на своих, сейчас он воспротивился. Не из-за себя – из-за Серентии, чьё тело было сейчас игрушкой Лилит.

Губы двинулись к его уху, в которое Лилит прошептала:

-Ещё немного, любовь моя, и ты *будешь* снова держать меня в руках. Когда я наложу заклятье, используя кровь бедного Ромия, подойдёт и твой черёд! Наконец-то ты увидишь вещи, как я того желаю...

Ему хотелось плюнуть ей в лицо.

-Так почему же ты сразу этого не сделала?

Хриплый смешок.

-Потому что болван, который думает, что творит добро, – лучшее прикрытие для моего плана! Но мы давно минули этот этап, и ты собрал так много сторонников! Когда возникла возможность, как могла я устоять? Теперь ты набрал новообращённых, которые точно знают, что от них требуется – верность *мне*!

Ульдиссиан попытался схватить её, но его попытки оказались тщетными. Лилит снова засмеялась, и отошла дальше, чтобы лучше насладиться его усилиями. Она натолкнулась на тело Ромия, всё ещё полураспластавшееся над её узником.

Со слабым рычанием партанец внезапно попытался подняться. Он схватил Лилит за руку, в которой она держала кинжал. Кровь брызнула на Ульдиссиана.

Всякая надежда на то, что неожиданное действие партанца спасёт их обоих, быстро угасла, когда демонесса развернулась и схватила Ромия за горло. Надо отдать ему должное, бывший разбойник, уже без всякого фанатизма в глазах, вызванного её контролем, попытался сжечь её при помощи своих сил. Его ладони ярко засияли, и из мест, где они схватили Лилит, пошёл дым.

Но она только рассмеялась, и, сдавив руку, *разломила* его дыхательное горло.

И без того получивший серьёзное ранение Ромий немедленно умер. На этот раз Лилит дала его неподвижному телу упасть на каменный пол.

Теперь с обеими ладонями, измазанными кровью партанца, она повернулась к Ульдиссиану. От её отвратительной улыбки даже на лицо Серентии было слишком противно смотреть, и он отвёл взор.

-Как он боролся за жизнь! Да, кровь бедного Ромия сослужит неоценимую службу, любовь моя, – влажные пальцы заставили вновь посмотреть на неё. – Ты так не думаешь?

Когда Ульдиссиан ничего не ответил и лишь продолжил смотреть, она похлопала его по щеке, оставляя на ней ещё больше крови партанца, и снова засмеялась.

В это время Ульдиссиан ощутил присутствие в комнате кого-то ещё. У него, правда, не было надежды, что это кто-то пришёл к нему на помощь, и точно: новоприбывшим оказался один из ранее замороженных стражников.

Эдирем посмотрел на Ульдиссиана, как на паразита, обнаруженного в еде.

-Остальные на месте, госпожа Серентия, – похоже, его совсем не удивило тело Ромия.

-Они могут войти. Затем ты и твой друг будете держать дверь запертой, пока я не закончу.

Стражник кивнул и исчез в дверях.

Лилит стояла над партанцем и говорила Ульдиссиану:

-Ты не представляешь, дорогой любовничек, сколь многие так легко стали верны моим желаниям! Ты выказал такое благородство, принимая всех, кто пришёл перенять твой дар, но даже хотя ты зарыл их прошлое, ты не стёр его. Обратить их было даже легче, чем Ромия. Всё ещё держа в руке кинжал, она сделала насмешливый реверанс.

-Спасибо за то, что так хорошо всё устроил для меня!

Всё ещё пытаясь выиграть время, Ульдиссиан посмотрел вокруг. Несмотря на то, что все знаки в комнате указывали на Лилит, он подозревал, что некогда стены были покрыты знаками, посвящёнными в равной степени мерзкому созданию.

-Что это за место? Ты искала его.

-Это? Это место – связующее звено, любовь моя, сыгравшее важную роль в создании Санктуария много столетий назад! Здесь была установлена одна из первых точек реальности – можно сказать, выкована, – которая позволила этому миру собраться воедино! В нём – сила невиданная, вклад каждого ангела и каждого демона, который строил это убежище, включая *его*. Так сильны силы, присущие этому месту, что, как видишь, даже ваш брат ощутил их и построил это, – указывая на себя, она просто добавила. – И через это место – более трёх столетий назад – я нашла обратный путь в Санктуарий!

Мысль о том, что Лилит пребывала никем не замеченной в этом мире так долго, испугала его. Это с новой силой пробудило в нём страх, что демонессе удастся всё, что она задумала. Если даже ангел, который изгнал её, не ощутил её за всё это время...

Но прежде чем он выяснил больше, обращённые эдиремы Лилит начали заходить внутрь. Очень многие лица – как мужчин, так и женщин – были хорошо знакомы Ульдиссиану, и это причинило ему новую боль. Среди собравшихся он увидел партанцев и тораджанцев; он подозревал, что было здесь и несколько хашири. Всего, по меньшей мере, собралась пара дюжин.

-Встаньте по краю комнаты,- скомандовала Лилит.

Когда она отвлеклась, Ульдиссиан воспользовался этим, чтобы в последний раз попытаться освободиться. У него было мало надежды на успех, но он не мог просто принять то, что казалось неизбежным...

Затем, к своему удивлению, он ощутил, что держащие его магические силы ослабли в нескольких местах. Стараясь не выдать своей радости по этому поводу, он сосредоточился на этих точках... А потом заметил, что это были места, куда попала кровь Ромия.

Ульдиссиан осторожно попытался воспользоваться ими. Он работал над заклинанием, сдерживающим его, чувствуя, что оно постепенно ослабевает тут и там.

Но попытка отняла слишком много времени. Лилит уже разместила большую часть своих пешек для церемонии, которую задумала, и теперь демонесса снова заняла место над мёртвым партанцем.

С её губ слетели звуки, которые не смогло бы произнести ни одно смертное создание. Очевидно, это были слова силы, ибо он ощутил, что комната тут же стала наполняться невидимыми, но мощными силами, восстающими из подземных глубин.

Кое-что ещё поднялось... Кровь из ран Ромия. Она хлынула в воздух, наконец достигнув кинжала. На этот раз Лилит хотела гораздо большего, чем просто покрыть лезвие; Ульдиссиан подозревал, что она осушит тело полностью ещё до завершения своей задачи.

Когда она это сделала, её эдиремы подняли руки ладонями вверх. Энергия каждого из них заискрилась над ладонями. Эдиремы двигались так слаженно, что он подумал, уж не контролирует ли Лилит теперь их полностью.

Он почувствовал, что её заклинание, наложенное на него, ещё больше ослабло, но всё ещё не настолько, чтобы он смог сражаться с ней, тем более когда она была в компании своих последователей. Время работало против него. Лилит почти закончила своё грязное дело.

Наконец она подняла вверх предательский кинжал, чтобы все видели. Хотя он был весь в крови, алой жидкости должно было быть гораздо больше. Ульдиссиан даже думать не хотел, куда девалась остальная.

Сдерживающее заклинание продолжало ослабляться. Ему нужна была ещё какая-нибудь минута-другая...

Но Лилит, похоже, не собиралась её ему предоставлять. Она направилась туда, где он лежал, не обращая внимания на капли крови, оставляемые за собой.

-Теперь да начнётся оно, любовь моя,- прошептала она, заходя вбок, чтобы взять кубок. - Да начнётся возмездие...

Её рот искривился, и из него вновь раздались эти нечеловеческие звуки...

Один из эдиремов вскрикнул и попятился.

Ульдиссиан поначалу подумал, что это дело рук Лилит, что она изначально задумывала использовать своих марионеток так же, как до этого Ромия, но потом он увидел, что стало причиной гибели мужчины.

Стрела, пронзившая горло. Стрела, облепленная грязью.

Не успела первая жертва затихнуть, как следом за ней рухнула вторая, древко пронзило грудь точно в том месте, где находилось сердце.

Ряды сторонников Лилит распались: кто-то искал укрытия, кто-то пытался определить источник как будто бы магических снарядов. Ульдиссиан первым обнаружил, откуда они летели, – из узких щелей наверху. Куда более трудным вопросом было, как лучник ухитрился пройти мимо стражников снаружи и остаться необнаруженным Лилит.

Но об этом можно будет подумать после... Если удастся. Кратковременная передышка дала ему время, необходимое для снятия заклинания, из-за которого он оставался связанным и беспомощным.

Один из ближайших к нему эдиремов увидел, что он встаёт. Темнокожая фигура стала указывать на Ульдиссиана, но тот, не нуждаясь в фокусировке, послал незадачливого противника в полёт и впечатал его в стену. Затем

Ульдиссиан посмотрел на двух других, которые тоже только что заметили его освобождение. Внезапно они столкнулись друг с другом, да с такой силой, что тут же оба попадали без сознания.

Ещё один сторонник Лилит закричал. Стрела, которая убила его, торчала у него из спины, что означало, что прилетела она с другой стороны. Подтверждало ли это, что лучников несколько, у Ульдиссиана не было времени думать, потому что Лилит со страшно искривлённым лицом продолжила распевать заклинание. Ульдиссиан мог только догадываться, что она всё ещё надеется осуществить свой план и подчинить остальных эдиремов.

Он ни за что не мог этого допустить. Комната затряслась от силы, исходящей от него во всех направлениях. Эдиремы стали падать, некоторые из них налетали друг на друга или на стены. Ульдиссиана не заботило, выживут они или умрут, ибо они, вероятно, навсегда были очернены Лилит. Важно было спасти остальных.

Лилит тоже отбросило назад его суровым наступлением. Но, прыгнув с алтаря, он увидел, что она поднимается. Кровь Серентии вытекала из раны в области рта, лоб покрыл тёмный синяк.

К несчастью, демонесса была далека от капитуляции. Она подняла кинжал так, словно хотела метнуть его, но вместо этого произнесла ещё одно неразборчивое слово. Ульдиссиан ругнулся, боясь, что Лилит добьётся успеха...

Однако, к его ошеломлению, закричали её последователи, после чего все они затихли. Ульдиссиан ощущал, что Лилит быстро забирает что-то от них в себя.

-Мой глупый, глупый любовничек...- прокряхтела демонесса, вставая.- Всегда немного недальновидный. Всегда чуть-чуть недоработавший. Я всё равно добьюсь своего, секундой раньше, секундой позже. Ты не можешь помешать мне забрать твою остальную драгоценную паству после того, что я взяла у этих дураков! Бо льшая жертва, чем я планировала, но их потеря – пустяк по сравнению с тем, что я получаю!

Он ничего не сказал, отвечая силой, которая должна была прибить её к земле. Тем не менее, хотя Лилит и затряслась, она осталась стоять.

Они оба знали, почему. Как бы он ни желал, Ульдиссиан не мог заставить себя убить Серентию, а это был единственный верный способ изгнать тварь из тела. Это колебание означало, что, несмотря на изменившиеся обстоятельства, Лилит в конечном итоге всё равно победит.

И Санктуарий точно будет обречён.

-Бедненький, миленький дорогушечка,- проворковала она.- Всегда в миг победы хватаешься за поражение! Я всё ещё обещаю тебе минуты наслаждения с этим телом, когда я снова сделаю тебя своим...

Что-то ударило лезвие кинжала с такой силой, что выбило оружие из захвата отвлекшейся демонессы. Кровь забрызгала область вокруг Лилит, когда кинжал и то, что выбило его, стукнулись о заднюю стену.

И когда оба предмета замерли, Ульдиссиан увидел, что рядом с кинжалом лежит ещё одна стрела... И снова покрытая грязью.

-Серентия...- раздался голос со стороны входа, голос, несмотря на свою шершавость, столь знакомый Ульдиссиану, что у него волосы поднялись на затылке.- Серентия...- позвал он снова, уже ближе.- Вернись... К нам... Ко мне...

Несмотря на то, что у Лилит всё ещё были развязаны руки, Ульдиссиан вынужден был обернуться к новоприбывшему: нужно было выяснить, спит ли он... Или это кошмар наяву.

Это был Ахилий... Ахилий, только очень мёртвый.

Слишком белесые глаза охотника только на миг задержались на Ульдиссиане, словно только для того, чтобы уяснить, что тот увидел правду. Затем Ахилий с луком, готовым к новому выстрелу, продолжил идти вперёд. За собой он оставлял след немного влажной грязи, такой же, какая покрывала бо льшую часть его тела.

-Серентия...- повторил мертвец. То немного, что осталось от его пробитого горла, ворочалось и двигалось так, словно по-настоящему втягивало воздух, необходимый для речи.- Ты можешь... Услышать меня... Ты... Знаешь меня...

Лилит оставалась странно молчаливой, но теперь она резко бросила:

-Здесь только Лилит, дорогой, дряхлый Ахилий! Я! Любовь может быть дурацки сильной, не так ли? - она развела руки.- Хочешь, чтобы я согрела тебя вместо неё, лучник?

-Прибереги... Свои... Жалкие... Обольщения, -ответил Ахилий, поднимая лук. - Если я... Не могу... Освободить её одним путём... Я освобожу её... Другим... Она бы... Хотела этого...

-И когда она тоже умрёт, у тебя будет шанс снова заполучить её! Как ужасно и восхитительно одновременно! она вытянулась так, чтобы он мог без труда попасть ей грудь. - Ну что, стреляй!

Но Ахилий не клюнул на её уловку.

-Когда я... Буду готов, ведьма... Сначала... Я ещё хочу... Чтобы она... Вернулась к нам...

Видя, что всё внимание Лилит обращено на ходячий труп, Ульдиссиан подготовил собственную атаку. Но Ахилий покачал головой.

-Нет... Не твоё это... Дело...

Было что-то в хриплом голосе, что заставило Ульдиссиана послушаться. Он наблюдал, как лучник опускает лук.

-Серентия...- пробормотал Ахилий. - Серентия... Пожалуйста, проснись...

Лилит стояла, словно замороженная. Ульдиссиан подумал, что она замышляет очередную хитрость, но затем ладони демонессы схватили её за горло, словно она хотела задушить сама себя.

Она закричала. Она кричала так громко и такая боль звучала в этом крике, что сын Диомеда совсем не удивился бы, если бы остальные мертвецы в комнате восстали, чтобы присоединиться к Ахилию. Лилит кричала не останавливаясь, самое здание тряслось от её усилий.

А затем... Затем... Что-то чудовищное показалось из её поднятого кверху рта. Первоначально они выглядели как клубок маленьких змей, но в конце концов Ульдиссиан узнал в них *пальцы*. Пальцы с когтями.

Лицо Серентии исказилось, её рот стал в два, а затем в три раза шире головы. Ладони раздвигали его всё больше, больше... И только тогда стало ясно, что крик испускает то, что вылезает, а не девушка перед ними.

Боясь за дочь торговца, Ульдиссиан подался вперёд, но лучник снова остановил его:

-Не надо... Не останавливай это... Если мы хотим... Чтобы осталась какая-то надежда... Для Серентии...

Если бы это был кто-нибудь другой – нет, даже если бы это даже был *живой* Ахилий, – Ульдиссиан не обратил бы никакого внимания на приказ. Однако как-то он понял, что его мёртвый товарищ куда как более сведущ в данном деле. Стоя с натянутыми нервами, Ульдиссиан заставил себя наблюдать, что произойдёт дальше.

Безобразный ряд красных перьев появился из чудовищной утробы Серентии. Они протискивались вверх. Вверх...

И одним ужасным рывком демонесса Лилит целиком вырвалась изо рта темноволосой девушки.

По-прежнему крича – но скорее от гнева, нежели от боли, – покрытая зелёной чешуёй серена несколько раз облетела комнату. Внизу Серентия, снова нормальная, опасно пошатывалась.

-Дураки!- возопила Лилит, внезапно налетая. - Безмозглые, смертные дураки! Думаете, это значит *хоть что-то*? Думаете, вы победили?- она дико засмеялась и выбросила когтистые пальцы в сторону Серентии. - Осторожно, дорогие! Она вот-вот упадёт!

С этими словами демон полетела к потолку и исчезла как раз в тот миг, когда должна была врезаться на него.

Ни Ульдиссиан, ни Ахилий не осмелились посмотреть, был ли это очередной трюк, потому что Лилит по крайней мере сказала правду, когда предупредила их о Серентии. Почти такая же бледная, как лучник, Серентия испустила лёгкий вздох и повалилась.

Ульдиссиан намеревался использовать свои способности, чтобы не дать ей ушибиться головой о камень, но Ахилию как-то удалось двигаться даже быстрее. Грязные руки поймали Серентию в каких-нибудь дюймах от падения. Лучник уложил её с такой осторожностью, словно она была из хрупкого стекла.

Серентия выдохнула... И её глаза, дрожа, раскрылись. Она взирала на своего спасителя, который, на взгляд Ульдиссиана, сам готов был сквозь землю провалиться, но не показываться ей на глаза. Лучник быстро приложил одну ладонь к горлу в тщетной попытке прикрыть жуткое зрелище.

-А-Ахилий...- проямлила она. - Ахилий...- рот начал растягиваться в улыбке, но прежде чем она стала

широкой... Серентия потеряла сознание.

-Какое... Счастье...- пробормотал мертвец. Он отступил от неё и только тогда посмотрел на Ульдиссиана.

Сын Диомеда всё ещё не мог поверить в то, что видел.

-Ахилий...

-Лучше... Лучше присматривай... За ней... В следующий раз... Я могу не... Вернуться...

Лучник повернулся, чтобы сбежать, но Ульдиссиан схватил его за руку. Не обращая внимания на грязь и холод, который чувствовал, Ульдиссиан рявкнул:

-Ты не можешь уйти!

В ответ мертвец издал резкий смехок:

-И... Как я могу... Остаться?

Прежде чем Ульдиссиан успел ответить, снова по древнему зданию разнёсся крик. Оба посмотрели на вход... Где, незамеченная в жаре событий, собралась толпа напуганных эдиремов.

Толпа лицезрела свою госпожу, неподвижную, словно она была мертва, своего предводителя, вернувшегося из мёртвых... И человека, который, как знали партанцы в группе, был убит демоном.

Глава шестнадцатая

Никогда прежде Мендельн не стоял на вершине горы.

Ему ничуть не нравилось стоять здесь.

Ветер выл, и снег покрывал всё вокруг. Тем не менее, ничто, даже морозный воздух, сильно не докучало ему. Он подумал, что благодарить за это стоит Ратму, если только благодарность была тем чувством, которое следовало выражать за вытаскивание в безлюдное место для встречи с личностью, самое имя которой наводило ужас на брата Ульдиссиана.

-И какую помощь я могу оказать при встрече с ангелом?- спросил он уже не в первый раз. Мендельну приходилось повышать голос, чтобы его было слышно при таком ветре.

-Такую, какую сможешь предложить,- последовал ответ Ратмы, который был дан и на предыдущие вопросы.

Мендельн плотно сплёл на груди руки – чисто по привычке, не от холода.

-Где мы?

-Недалеко от места, куда я привёл твоего брата. Неподалёку от Камня Мира.

То немалое, что Мендельн слышал об этом «Камне Мира», наполняло его новым благоговением и ни в коем случае не неуверенностью. Чтобы создать такую вещь, ангелам и демонам, должно быть, понадобилось задействовать невероятно сильные магию и энергию.

Он хотел задать Ратме ещё один вопрос, но древний нефалем поднятием руки остановил его.

-Мой отец на подходе. Будь осторожен.

Предупреждать Мендельна было лишним. Как он ещё мог отреагировать на прибытие рассерженного ангела, кроме как осторожностью?

Но внезапно налетел порыв ветра, такой яростный, что чуть не сдул Мендельна с места, где он стоял. Перспектива упасть с горы не улыбалась ему, что бы ни порассказали ему дракон и его спутник о различных состояниях бытия. В настоящий момент Мендельн всё ещё слишком предпочитал стадию «жизни», чтобы так вдруг от неё отказаться.

Снегопад тоже усилился. Вокруг них бушевала буря. Ратма достал свой кинжал и пробормотал что-то, но буря не стихла.

Затем бьющий по ушам громовой раскат потряс их ещё больше, громовой раскат, за которым немедленно последовала тишина. Если бы Мендельн не слышал своё собственное дыхание, он бы подумал, что оглох.

А потом он заметил, что рядом с ними стоит златовласый юноша.

-Я разочаровался в тебе, сын мой,- сказала фигура в мантии голосом, который был чистой музыкой.

-Ты разочаровался во мне с момента моего рождения, отец,- ответил Ратма, и в его обычно отрешённом голосе прозвучала резкая нота.

Новоприбывший отвернулся от пары, похоже, более заинтересованный общим пейзажем.

-И видел ли ты в последнее время свою мать?

-Нет. В этом отношении мне повезло. Хотел бы я, чтобы и с тобой у меня вышло так же.

Ратма вернул внимание к себе.

-Твоя дерзость непристойна. Будь благодарен, что я не соизволил наказать тебя за твои прошлые грехи.

Мендельн наблюдал за двумя, всё ещё не уверенный, несмотря на то, что услышал, что перед ним и в самом деле Инарий. Он знал, что ангел возглавляет Собор Света и слышал общие описания Пророка, но воочию видеть его

было неловко, и это ещё мягко сказано.

Словно почувствовав это, Инарий обратил свой взор на человека. И вдруг у Мендельна не осталось сомнений. Одного взгляда было достаточно, чтобы он замер на месте. Он даже не мог сказать, какого цвета были глаза, но то, как они глядели на него, чуть не заставило Мендельна упасть на колени в акте поклонения. Это снова заставило его задуматься над тем, какую помощь он вообще мог оказать, зачем он на самом деле понадобился Ратме. Если он выказывает такую слабость при одном только *взгляде*...

К его удивлению, Ратма издал слабый смешок:

- Не такие уж и незначительные, не так ли?

- И в том может быть их падение, - холодно ответил ангел. - Тебе и подобным тебе нет места здесь. И им тоже нет. Если их нельзя обуздать, их придётся убрать... - он отвернулся, словно они были для него пустым местом. Его ступни в сандалиях не оставляли на снегу следов. - Санктуарий должен быть очищен...

Ратма проявил несвойственную эмоциональность:

- Для кого, Инарий? Для кого? Тогда здесь останешься только ты! Разве не должно всё остальное в этом мире подчиниться твоей воле или быть уничтожено за сопротивление?

- Они существуют по моей воле, так что да... - Пророк снова повернулся к ним. Мендельн тогда заметил, что ангел на мгновение шагнул с вершины, но при этом не упал. - Мы уже спорили об этом, Линариан...

Ратма плотнее завернулся в свой плащ.

- От этого имени я отказался, как от тебя и от матери.

Пророк пожал плечами. Он мельком взглянул на Мендельна, потом опять посмотрел на сына. Вдруг ни с того ни с сего Инарий спросил:

- Ты знаешь, почему я здесь?

- Конечно.

- Тебе было запрещено.

- Судьба решила иначе, - ответил Ратма.

Ангел развёл руки, и лицо его исказилось. Его волосы поднялись вверх, и он становился всё больше и больше. От него исходил огонь.

- Я здесь судьба. Я - и «да», и «нет» для всего, что есть в Санктуарии...

- Берегись! - предупредил Мендельна его спутник, да брат Ульдиссиана и не нуждался в предупреждении. Сын Диомеда достал свой кинжал, предмет такой незначительный на фоне внезапного и изумительного перевоплощения Инария.

Я ОДИН МОГУ РЕШАТЬ, ЧТО ЕСТЬ И ЧТО БУДЕТ! - провозгласил ангел, его рот больше не двигался. Слова били по Мендельну подобно словам Траг'Оула, но без заботы дракона о том, какой эффект они окажут на тело и разум смертного. Было трудно сохранять позицию, но Мендельн знал, что не позволит себе свалиться.

Из спины ангела вырвалось то, что Мендельн поначалу принял за великолепные пламенные крылья. Однако когда они широко распахнулись, он увидел, что они даже ещё более поразительные. Крылья, - так отличающиеся от оперённых, с которыми Мендельн большую часть жизни представлял ангелов, - на самом деле являлись *полосами света*, которые двигались, словно живые. Они извивались и перемещались подобно змеям или щупальцам, что в немалой степени противоречило представлению об ангелах. Тело и лицо Инария исказились. На его туловище образовался нагрудник. Прекрасный образ юноши погрузился в темноту под безупречным капюшоном и сначала проступал в темноте, а затем стал совершенно скрыт тенью. Как будто в нём не было настоящей физической материи. Все следы человечности исчезли, когда небесный воин вдруг воспарил над горным хребтом, и сверкающая, облачённая в перчатку рука его обвинительно указала на восставшее чад ангела.

Я ГОВОРИЛ С ТОБОЙ ПО СТАРОЙ ПАМЯТИ, НО ТЕПЕРЬ ВРЕМЯ ЭТО НАВСЕГДА УШЛО! ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ЛИНАРИАН БЫЛ МЁРТВ, ТАК ТОМУ И БЫТЬ! ОТНЫНЕ НАС С ТОБОЙ НЕ СВЯЗЫВАЕТ НИЧТО!

- А что, когда-нибудь связывало? - прокричал Ратма в ответ, держа перед собой костяной кинжал, как сильнейший

из щитов. Мендельн последовал его примеру, надеясь, что это не бесполезно.

КАМЕНЬ ЖДЁТ МЕНЯ... - Инарий шевельнул рукой. - **А С ТОБОЙ Я ЗАКОНЧИЛ!**

Вершина горы рванула.

Сила, высвобожденная ангелом, подняла в воздух снег, лёд и огромные куски камня. Мендельн ожидал, что его собьёт ими, но на некоторое время область вокруг него и Ратмы оставалось нетронутой. А вот всё остальное – нет. Грязь и снег летели повсюду, и Мендельна наверняка засыпало бы, если бы его оружие внезапно не стало излучать бледный свет, который окутал его. Он посмотрел на своего спутника и увидел, что Ратма точно так же защищён.

Но Мендельн не знал, как долго они пробудут в безопасности: камень и снег продолжали бушевать вокруг. Над ними Инарий указал другой рукой, и Мендельн почувствовал, что земля под ним начинает обрушаться.

-Запомни то, что увидел!- прокричал Ратма.

Но Мендельн мог думать только о том, что у него больше нет опоры под ногами. Его страх падения наконец-то стал реальностью. Ратма пропал с поля зрения, опора тоже была вырвана у него из-под ног.

Падая, Мендельн уловил взглядом Инария: ангел наблюдал разрушение с полнейшей отрешённостью. Даже судьба его собственного отпрыска ничуть не волновала крылатое создание. В конце концов, Ратма совершил величайший грех – он отрёкся от отца.

Крепко сжимая в руке кинжал, Мендельн искал способ спастись. Затем рука схватила его за воротник, замедляя его падение. Он сразу понял, что это Ратма.

Обвал продолжался, но Ратма усадил его на ещё держащемся маленьком участке скалы. Закутанная фигура села рядом с ним.

-Это ещё не конец!- выкрикнул Ратма.

Совсем не удивлённый, Мендельн приготовился к худшему. Инарий ни за что не оставит это задание незавершённым.

И точно, крылатый воин показался в поле зрения. Инарий с лицом, больше похожим на сверкающую маску из брони, осматривал пару.

Мендельн почувствовал, что ангел сосредоточил взгляд на нём. Он приготовился умереть...

ЧТО ОН СДЕЛАЛ?- спросил Инарий. - **ЧТО ОН СДЕЛАЛ... И КАК?**

Только спустя секунду Мендельн сообразил, что Инарий говорит об *Ульдиссиане*. Он не имел понятия, чем это его брат так встревожил ангела, но вдруг снова испугался за жизнь Ульдиссиана.

ЧТО ОН СДЕЛАЛ?- повторил Инарий. - **ЧТО ОН СДЕЛАЛ С КАМНЕМ?**

Позади Мендельна Ратма прокричал:

-Он совершил невозможное, Инарий! Он совершил невозможное!

Ангел на некоторое время молча завис в воздухе. Он хотел было указать на пару, но затем опустил руку.

ТОГДА... ОН НАВЕРНОЕ ОБРЁК ВАС ВСЕХ...

И с этими словами крылатое создание воспарило высоко в небеса и превратилось в точку ещё до того, как Мендельн успел сосчитать до одного. Затем, во вспышке света такой яркой, что на мгновение ослепила человека... Инарий исчез.

Разрушение, учинённое отцом Ратмы – с такой *лёгкостью*, подумал Мендельн с горечью, – начало успокаиваться вокруг них. Вся вершина горы изменилась до неузнаваемости. Теперь гора походила на огромную лапу с тремя пальцами, два из которых оканчивались острыми когтями. Он и Ратма стояли на внешнем крае третьего, в одном шаге от пропасти больше сотни футов высотой.

Один вопрос горел в мозгу Мендельна.

-Почему мы живы? Мы явно ничего не представляли для него, как бы ты ни считал до того, как мы пришли сюда. Почему мы живы?

-Мы не были для него пустым местом, сын Диомеда, - ответил древний человек, смахивая с себя комки грязи и снега. - Если бы это было так, мы были бы мертвы ещё до того, как узнали бы о его прибытии. Мой отец вообще остановился поговорить из-за того, что мы – а в первую очередь, твой брат – из себя представляем. Явно не из-за меня одного: всё, что могли, мы уже сказали друг другу много сотен лет назад. Ещё он пришёл из любопытства к тебе, Мендельн уль-Диомед, и какой это был номер, когда ему не удалось заставить тебя склонить колени перед ним...

-Не удалось...- Мендельна начало подташнивать. Он *отверг* волю ангела?

-Ты не знал? Я думал, ты в курсе.

Стараясь больше не думать об этом, Мендельн спросил:

-Что это он постоянно упоминал? Я правильно расслышал, он сказал «Камень Мира»? Я знаю, что кто-то из вас упоминал его, когда вы с Ульдиссианом возвратились, но я так ничего до конца и не понял! Что такого сделал Ульдиссиан, что так... Так... *Шокировало*... Его?

Лицо Ратмы потемнело.

-Объяснять долго придётся. Пока хватит и того, что мы близки к ключу, ведущему к завершению борьбы, каким бы ни было это завершение. Камень Мира – это то, что только подобные моему отцу должны иметь возможность изменять, пусть даже немного, – поэтому это и смогла совершить моя мать, – но и твоему брату удалось это сделать! Камень Мира теперь другой, настолько, что даже Инарий не может в это поверить, отсюда и такая реакция.

Поначалу это пробудило надежду в Мендельне, но затем он вспомнил, что ангел сказал напоследок. «Значит, он наверное обрёл вас всех...»

Мендельн посмотрел на то, что даже малая ярость Инария смогла сделать с вершиной горы, и содрогнулся.

-Ратма, а что он имел в виду своими последними словами?

Сын Лилит высоко держал кинжал, словно искал что-то с его помощью. Мендельн нетерпеливо ждал, пока высокий человек поворачивался кругом, а затем убирал своё потустороннее оружие в полы плаща.

-То же, почему мы всё ещё живы, хотя и не смогли простоять так, как я надеялся – да это и не понадобилось, потому что, судя по всему, Инарию не удалось внести в Камень изменения, которые я могу уловить. Зачем ему заботиться о двух незначительных смертях, когда, если он достигнет заключения, к которому, я чувствую, он стремится, он сможет одним махом убрать *всё* и начать Санктуарий заново?

Только теперь Мендельн по-настоящему понял то, о чём, осознал он, Ратма и Траг'Оул говорили всё это время.

-Вместо того чтобы... Чтобы позволить Лилит... Или людям... Действовать в разрез с его приказами... Ты говоришь, ангел может... Полностью уничтожить наш мир?

-А затем построить новый на утеху его мании величия, да.

Мендельн даже представить не мог такую силу в руках одного существа.

-Он может... *Сделать* это?

-Может, - Ратма начал чертить круг в воздухе, и круг немедленно расширился. Тогда Мендельн увидел, что внутри круга сплошная чернота... Он знал, что это проход в мир Траг'Оула. - У него есть эта сила... - продолжил сын ангела, впервые звуча очень встревоженно. - У него есть сила, в тысячу раз большая... И он будет просто счастлив воспользоваться ею...

Лилит материализовалась на троне. Лишь короткое время она была самой собой, прежде чем облекла себя в личину Примаса. Демонесса сидела в темноте, не издавая ни звука. Окажись сейчас кто-нибудь здесь и загляни в лицо, которое она в это время носила, он не смог бы прочесть ни единой эмоции, пронизывающей её.

Спустя несколько минут она вдруг поднялась и вышла из личных покоев Примаса. Стражники снаружи аж подскочили. Хотя они и находились на своих постах, они полагали – и полагали правильно, – что их хозяина внутри *нет*. При этом никто не задался вопросом об этом чудесном появлении... Ведь это, в конце концов, *был*

Примас.

Во всяком случае, так они думали.

С всё тем же непроницаемым выражением Лилит пошла по огромному храму. В её маршруте не прослеживалось ни цели, ни порядка. Жрецы, стражники, новички и другие прислужники выказывали своё почтение, когда она проходила мимо, каждый из них старался поклониться или припасть к земле ниже, чем ближний.

Затем в огромной зале, где стояли статуи Мефиса, Диалона и Балы, она остановилась. Вокруг неё верующие отвлеклись от своих занятий, осторожно гадая, что Примас делает здесь.

Она взглянула на каждую статую... На статуе Мефиса её взгляд задержался дольше.

А потом... Поглядев на нечётко высеченное лицо духа, Лилит позволила крохотной улыбке появиться на лице Примаса.

-Да,- прошептала она.- Да, так всё и будет. О, да...

Один из наиболее смелых жрецов подошёл к ней. Плотно сцепив руки и низко опустив голову, он сказал:

-Великий Примас, могу ли я что-нибудь сделать для тебя?

Лилит посмотрела на него и обратила внимание на его молодость и хорошее телосложение, не говоря уже о том факте, что у него одного хватило духу подойти к ней.

-Скажи мне... Как там тебя зовут, сын мой?

-Дюррам, Великий Примас,- он носил мантию, посвящённую Диалону, и, несмотря на показную его скромность, она уже ощущала, что тьма Владыки Ужаса коснулась Дюррама. Он был амбициозен.

-Я позову тебя в свои покои позднее, чтобы поговорить с тобой,- сказала она ему, удерживаясь от того, чтобы одарить его соблазнительной улыбкой. Лилит было необходимо избавиться от некоторых раздражителей, и Дюррам идеально подходил для задания, хотя ещё и не знал об этом, а потом будет слишком поздно.

Жрец поклонился ниже, чем кто-либо другой. Демонесса чувствовала, что он внутренне поздравляет себя со своим дерзновением. Интересно, подумала она, что он почувствует после их «разговора».

Но маленькие радости сейчас следовало отодвинуть в сторону. Придя к решению, Лилит жаждала осуществить задуманное. Вот уж точно, не было бы счастья, да несчастье помогло.

-Я должен идти,- сообщила она Дюрраму.

-Я буду ждать вызова, Великий Примас.

Лилит не смогла удержаться от короткого женского смешка, но Дюррам его не услышал. Минувя склонённого жреца, она весело заметила:

-Дюррам. Иди отсюда. Сейчас случится несчастье.

Надо отдать ему должное, Дюррам быстро подчинился. Пока он выкрикивал предупреждение, Лилит отошла. Она дошла до коридора, ведущего назад в покои Примаса, а затем оглянулась.

Раздался разносимый эхом треск, и статуя Мефиса вдруг полетела со своего высокого постамента.

Упади она моментом раньше, по меньшей мере два десятка людей оказались бы раздавлены или тяжело ранены. И без того от столкновения статуи с мраморным полом огромные куски камня полетели во всех направлениях. Дюрраму многих удалось выпроводить, но некоторые всё ещё находились в пределах досягаемости смертоносных снарядов.

Демонесса сделала жест,- удостоверившись, что кто-то из стражников и других людей поблизости видит её, - и те, кого должно было ударить, оказались спасены. Куски обрались в мелкую пыль, а затем исчезли, не оставив и следа на предполагаемых жертвах.

Пыль начала оседать. Лилит скомандовала одному из стражников:

-Всё хорошо. Остаётся только убрать мусор. Жрец Дюррам приглядит за этим.

Исполненный благоговения, стражник кивнул.

-Да, Великий Примас!

-Я должен идти и обдумать это событие... И решить, какую форму должен принять новый образ Мефиса.

Ни у кого не нашлось к ней вопросов. Вообще-то, она знала, что уже распространяется слух – не без помощи Дюррама – о святом предупреждении Примаса, которое спасло столь многих. Они оказались свидетелями очередного чуда.

Но Лилит предупредила их не для их же блага. В конце концов, она и вызвала падение статуи. Она просто укрепляла статус величия Примаса в храме, поскольку то, что она планировала осуществить вскоре, должно было задействовать этих людей на пределе их воли... И, вероятно, отнять многие из их жизней. Конечно же, раз они будут готовы отдать свои жизни за Примаса, а Примасом теперь является она, то это незначительный момент.

Демонесса в последний раз взглянула на статую. Отвернувшись от своих подопечных, она позволила себе лёгкую усмешку и прошептала: «Мне так жаль, отец...»

Первичное Зло – особенно Мефисто – будут не в силах предпринять что-нибудь против неё. Они так боятся, что Высшее Небо обнаружит Санктуарий, что дадут ему попасть в её когти. Без сомнения, они понадеяются отнять его впоследствии, но Лилит достаточно хорошо понимает устройство Камня Мира, чтобы не допустить этого. Когда у неё окажется мир с внезапно обретшими силу нефалемами у неё в подчинении, владыки демонов вскоре поймут, что им лучше позаботиться о сохранении *своего собственного мира*.

Да, сначала Пылающий Ад, затем Высшее Небо.

Это навело её на мысли об Инарии, которых она обычно избегала. Она хорошо знает и его слабости. Ей нечего бояться его...

Всё ещё в образе Примаса она вернулась в тёмные покои. Оказавшись там, она остановилась. Несмотря на отсутствие света, демонесса могла ощутить следы паутины в комнате. Кто-то был здесь во время её отсутствия, кто-то, кому следовало бы хорошенько подумать, прежде чем делать так. На самом деле, она ещё раньше обнаружила некоторые следы, но её голова была слишком занята более насущными делами. А вот теперь...

-Астрога!- позвала Лилит мощным голосом Люциона.- Иди сюда, ты, треклятый паук!

-Этот здесь,- ответил арахнид вздох спустя из теней наверху.- Чего великий Люцион желает?

В интонации демона улавливались изменения, которые не нравились Лилит, – нотки вызова.

-Ты ведёшь себя непозволительно. Ты устраиваешь маскарад.

-Говорящий с тобой перенимает пост, о котором Люцион слишком много забывает в последнее время... Так много, на самом деле, что *другие* настаивают на том, чтобы Астрога заполнил пустоту.

Она в точности знала, чего добивается паук. Лилит беспокоила только одна вещь, и это беспокойство только возросло от перемены в настроении демона. Астрога представлял собой единственное препятствие, которое всё ещё оставалось в Триедином. Демонесса надеялась, что Ульдиссиан уберёт его тогда же, когда он разделался с глупым Гулагом, но Астрога оказался хитрее.

-Это всё равно, что кролику притвориться львом. Были планы, о которых Астроге знать не следовало, но его вмешательство совершенно их расстроило! Как думаешь, Трём *это* понравится?

Из теней донеслось шарканье. Стали проступать черты другого демона.

-Это, быть может, справедливый вопрос, великий Люцион... Вопрос, который говорящий с тобой не преминул первым задать им...

Что означало, что Астрога уже пережил переговоры с одним из Первичных зол – без сомнения, со своим владыкой и хозяином, Диабло.

-Может быть только один Примас, один хозяин Культа Триединого, паук...

-Да... Говорящий с тобой согласен... И ждал только твоего возвращения, чтобы разрешить это... *Лилит*.

Настоящие пауки не плюются паутиной, попавшей им в рот, но ведь тело Астроги было всего лишь прикрытием. На самом деле он был не больше восьминогим существом, чем Лилит была Лилией.

Нечистая субстанция брызнула через тёмную комнату, Астрога старался позаботиться о том, чтобы промахнуться мимо жертвы было невозможно. Когда он выяснил, что Лилит заняла место брата, демонесса не знала, да её это и не интересовало. Она даже рассматривала это как возможный сценарий... И потому, прежде чем паутина смогла оплести её, создала зелёное пламя, которое сожгло залп противника-демона. Уничтожение паутины сопровождалось острым шипением...

Но Астрога тоже, по-видимому, допустил, что уничтожение её потребует больших усилий, потому что внезапно пауки оказались *повсюду*. Даже Лилит не могла избежать их всех. Они кусали её во все места, вводя в неё мерзкий яд Астроги. Арахнид научился необходимости спешить благодаря своему опыту со смертным, с Ульдиссианом, но он всё равно забыл, что имеет дело не с простым демоном. Это была дочь Мефисто...

Силой одной своей мысли Лилит направила поток яда обратно в каждого из пауков, а затем добавила свой собственный для смеси. Злобные существа стали отпадать от её тела в большом количестве.

Астрога гневно шикнул, и новая волна паутины устремилась вперёд, на этот раз она задела правый бок Лилит. Тем не менее, внезапно представ в истинном обличье, она рассмеялась и отрезала клейкую субстанцию при помощи когтей своей левой руки.

-Думаю, лучший способ очистить место от паразитов – это поджечь его,- усмехнулась она.- Ты не согласен?

Демонесса поймала один из отпавших кончиков паутины. Кончик вспыхнул зелёным пламенем, которое устремилось к скрытому тенью Астроге, наконец-то показывая ей его мерзкое тело.

Астрога зашипел и выплюнул паутину, пытаясь погасить ей неестественное пламя. Но его сети только пуще разжигали огонь Лилит, и в считанные секунды он оказался окружён им.

-Говорящий с тобой пожрёт твою плоть и выпьет твою душу,- огрызнулся он. Многочисленные глаза арахнида засверкали алым.

Лилит остановилась. В комнате присутствовал кто-то ещё, кого она знала слишком хорошо. Она уже хотела было обернуться... Но не стала.

-Когда в следующий раз захочешь напомнить мне о моём отце,- проворковала она,- убедись сначала, что привёл настоящего, а не какую-то жалкую иллюзию, слуга Дьябло...

Лилит усилила пламя в разы. Астрога завопил, когда оно стало лизать его волосатое тело.

-Ты дура, дочь Мефисто!- заявил он, пытаясь отступить как можно дальше.- Так что добро пожаловать в это логово дураков, отстроенное Люционом! Наслаждайся им... Не много времени осталось у тебя на это...

Новая, сплошная чернота окутала паука. Лилит направила пламя вперёд... Но когда оно достигло угла, Астроги в нём больше не было.

Своим разумом она осмотрела весь храм, но не нашла ни следа демона. Астрога не просто сбежал в безопасное место; он сбежал из Триединого. Лилит была не очень-то этим обеспокоена; ей следовало убить слугу Дьябло, но от него явно больше проблем не будет. Теперь Культ Трёх целиком и полностью принадлежит ей.

«Нет, - подумала Лилит с улыбкой, убирая следы сражения и снова, подобно Примасу, усаживаясь на трон.- Больше нет Кulta Трёх. Есть только Одна. Есть только я».

Вполне довольная собой, она внезапно захотела, чтобы Дюррам составил ей компанию. Есть немного времени на развлечения, прежде чем она разделяется с дорогим Ульдиссианом. Он подтолкнул её к решению, которое, оглядываясь назад, ускорит исполнение её мечтаний. Всё, что ей нужно, – это несколько морлу.

Лилит усмехнулась своей собственной мысли. Возможно, больше, чем *несколько*...

Астрога не испытывал сожалений по поводу бегства из храма. Он и не ожидал, что сумеет одолеть дочь Первичного Зла, хотя предпринятая попытка и позволила ему оценить её силы для возможной конфронтации в дальнейшем. Она послужит Триединому, и потом они вместе со смертным, с Ульдиссианом, послужат ему. Астрога не пережил бы других демонов, не знай он, когда лучше позволить другим разбираться с его проблемами. Пусть они воюют, быть может, даже ангел, Инарий, присоединится к веселью. Выжившие – если таковые будут – окажутся ослаблены, уж в этом он был уверен. Тогда... Тогда паук соберёт остатки. Идея такого культа, как Триединое, всё ещё будет не лишена смысла, только, быть может, стоит сделать его более направленным. Скажем, направленным на него.

Да, Астроге *понравилась* эта мысль. Да, из развалин этого разгрома он вытащит людей и подчинит их себе. Всегда найдутся такие, чья жажда силы граничит с демонической. Только, в отличие от Люциона, Астрога будет

держат своих миньонов в железных рукавицах. Вот в чём была ошибка: Люцион потерял хватку, слишком позволил себе опираться на других. Затем, когда он наконец обрёл личный контроль, что-то, по-видимому, пошло не так. Сын Мефисто отчего-то погиб.

Нет, Астрога не повторит ошибок ни Люциона, ни Лилит. Он уже представлял, как его рабы распространяются по обеим частям света, как стяг с его символом – изображением паука – поднимается над одним городом за другим. Настанет день, и никто не будет помнить о Триедином или Соборе Света. Это Культ Астроги наконец захватит Санктуарий и сделает людей его рабами... Конечно, всё это будет делаться ради Первичных Зол, и в первую очередь ради его хозяина.

Всё ради них... В конечном счёте...

Глава семнадцатая

Хотя у него на это было не более мгновенья, Ульдиссиан ухитрился разработать план, как объяснить своим последователям представшую перед ними сцену. Объяснение в основном состояло из правды и было слегка дополнено её искажениями.

Но Ахилий не дал ему даже начать. Лучник бросился сквозь гущу ошеломлённых эдиремов, которые отреагировали чисто по-человечески и расступились перед мертвецом. Ахилий был рад воспользоваться этим, чтобы выбежать наружу прежде, чем кто-нибудь успел прийти в себя.

-Ахилий!- крикнул Ульдиссиан.- Подожди!

Он ринулся за своим другом детства, не обращая внимания на ропот, который начал подниматься среди собравшихся. Им он приказал:

-Вынесите отсюда эти тела и присмотрите за ней! Не двигайте её больше, чем необходимо, но сделайте так, чтобы ей было удобно! Выполнять!

Снаружи тоже стояли потрясённые эдиремы, большинство их смотрело на запад. Ульдиссиан побежал в этом направлении, пытаясь определить местоположение невероятно стремительного Ахилия как с помощью глаз, так и своих чувств. Однако лучник остался недостижим для того и другого.

Когда Ульдиссиан приблизился к краю лагеря, то увидел, что часовой повернулся в его направлении. Мужчина, партизанец, глядел на него во все глаза. Ульдиссиан схватил стражника и допросил:

-Бледный человек! Он пробежал здесь?

-Нет, никто не проходил здесь... Мастер Ульдиссиан?

Своё чудесное возвращение он сможет объяснить стражнику тогда же, когда и остальным. Оттолкнув партизана в сторону, Ульдиссиан вступил в джунгли. Ахилий должен был уйти этим путём, но, как ни пытался, Ульдиссиан никак не мог почувствовать его.

Сдавшись, он наконец вернулся в лагерь. К тому времени огромная толпа успела собраться вокруг часового, который с воодушевлением описывал свою стычку с пропавшим предводителем. Когда Ульдиссиан подошёл, все затихли, но у него ещё не было на них времени.

И всё же что-то нужно было сказать.

-Я всё расскажу позже. Возвращайтесь на отдых.

Сомнительно было, что кто-нибудь из них уснёт, но надеяться Ульдиссиану ничто не мешало. Сейчас ему следовало позаботиться о Серентии.

Те, кто ещё находился рядом с древним строением, разбежался кто куда при его приближении. Не оглядываясь ни на кого из них, Ульдиссиан вошёл внутрь.

Серентия всё ещё лежала на полу, но кому-то хватило ума подложить ей одно одеяло под голову, а другим укрыть. Её дыхание было ровным, за что Ульдиссиан поблагодарил звёзды. Но потом он припомнил одни конкретные звёзды, те, что составляли дракона, и чуть было не забрал назад свою молчаливую благодарность.

Встав на одно колено, Ульдиссиан прикоснулся к лицу Серентии. Оно было приятно тёплым.

Она издала слабый стон. Её глаза распахнулись, и она попыталась приподняться.

-Ахилий! Ахилий! Не... Уходи...- силы оставили её. Серентии пришлось снова опустить голову. Однако, несмотря на это, её глаза остались открытыми, и она продолжала повторять одно и то же. -Ахилий... Не уходи... Не уходи...

В Ульдиссиане облегчение боролось с ревностью. Похоже, разум и тело Серентии были в порядке, чему он был рад, но первые её восклицания были обращены к лучнику...

Молча ругая себя за свой непомерный эгоизм, Ульдисиан придвинулся ближе:

-Серентия... Серри... Ты слышишь меня? Как ты себя чувствуешь?

-Ульдисиан? - её глаза наконец сфокусировались на нём. - Я... Думаю, я в порядке, - она напряглась. - Нет! Эта тварь! Я знаю! Она идёт за мной! Это было... - дочь торговца сжала его руку. - Ульдисиан! Лилит! Лилит шла за мной...

-Я знаю. Я знаю. Ш-ш, Серентия! Лилит снова убралась прочь...

Но вот она стала замечать необычную обстановку.

-Где... Где мы? Последнее, что я помню, ~~это~~ я была возле реки! Я слишком поздно почувствовала её приближение! А потом это было так, словно... Словно она оказалась *внутри* меня! Где мы, Ульдисиан? Скажи мне правду!

Он никак не мог скрыть от неё правду. Даже если Ульдисиан попытается, рано или поздно Серентия выведает всё у остальных.

-Послушай меня, Серри, - прошептал он. - Мы поговорит об этом позже...

К ней начал возвращаться огонёк.

-Нет, Ульдисиан. Мне нужно знать сейчас. Расскажи мне.

Он оглянулся на остальных:

-Оставьте нас.

Они беспрекословно подчинились. Ульдисиан при помощи своих сил запечатал двери за его спиной, а затем заблокировал и наружные, чтобы не было слышно. Они узнают всё, что нужно, когда время придёт, но он чувствовал, что кое-что должно было остаться между ним и Серентией.

Кто-то благоразумно оставил водяной мех рядом с Серентией, и Ульдисиан первым делом протянул его ей. Она послушно выпила порядочную долю содержимого, а затем посмотрела на него взглядом, который не допускал дальнейших промедлений.

И вот, сделав глубокий вздох, Ульдисиан рассказал ей всё, что мог и что хватало духу рассказать, как можно тщательнее сводя повествование к голым фактам. Серентия слушала без прерываний, не считая произвольных вздохов. Её лицо, правда, выражало достаточно, чтобы Ульдисиан не раз чуть не остановился, особенно когда он был вынужден рассказывать дочери торговца об известных ему деяниях Лилит. Серентия исполнилась отвращения, но, надо отдать ей должное, она не потеряла самообладания.

Затем Ульдисиан добрался до момента, когда в поле зрения вновь очутился Ахилий. Здесь он в конце концов прервался, отнюдь не уверенный в том, как правильно продолжить. Не лучше ли ей будет думать, что он всего лишь пригрезился ей?

Она знала, что он пытается вырвать из рассказа что-то существенное, и потому надавила на него.

Смирившись с неизбежным, Ульдисиан выбрал другую тактику.

-Серри, - начал он добрейшим тоном. - Серри, ты помнишь свои первые слова, когда ты только очнулась? Ты что-нибудь помнишь?

-Ты обращаешься ко мне «Серри», - парировала она, щурясь. - Это может означать только, что ты хочешь сообщить мне что-то страшное. Что может быть хуже того, что я уже услышала и какое это имеет отношение к тому, что я сказала?

Назад дороги не было.

-Серри. Подумай. Что ты сказала? Это важно.

Она нахмурила брови.

-Дай подумать. У меня был... У меня был сон... Или кошмар, не могу сказать, какой. Я думала, я вижу... Я думала, я вижу Ахилия. Должно быть, я всё ещё спала, когда уже думала, что проснулась, потому что мне кажется, что я продолжала звать его, и... И... - слёзы внезапно покатились по её щекам. - Ох, Ульдисиан... Я думала, он вернулся ко мне! Я думала, на меня снизошло чудо! Но... Но это была всего лишь игра моего воображения...

Ульдиссиан сглотнул.

-Нет.

-А что... А что это было?

-Серри... Серентия... Он был здесь. Он не привиделся тебе. Ахилий был здесь.

Она хмуро посмотрела на него.

-Не шути со мной так! В этом нет ничего смешного, Ульдиссиан! Как ты можешь?

-Я бы никогда не стал шутить с этим. Это не шутка. Он был...

Отпрянув от Ульдиссиана, Серентия прикрыла уши ладонями.

-Стой! Прекрати это! Не говори такого! Ахилий *умер!* Умер!

Здание начало трястись. На них полетели мелкие куски камня. Подпитываемые её скорбью, силы Серентии стали влиять на окружающую обстановку.

Ульдиссиан поспешил нейтрализовать это. Дрожание унялось, хотя и неохотно. Серентия была почти так же сильна, как он.

Она даже не заметила, что сделала. Дочь Сайруса водила головой взад и вперёд, и слёзы текли по её щекам. Снова и снова она повторяла имя лучника.

Поджав губы, Ульдиссиан схватил её за запястья и заставил слушать.

-Серентия! Ты *видела* Ахилия! Это был не сон!- он не мог заставить себя сказать, что это был не *кошмар*. Даже он ещё не вполне отошёл после увиденного.- Это *был* Ахилий! Её глаза распахнулись шире, слёзы утихли.

-Ты хочешь сказать, что он... Он... Жив?

-Я... Серентия... Я не знаю, как назвать, чем он был... Но во всяком случае он всё ещё был тем Ахилием, которого мы знали и любили. Он ворвался сюда, когда всё было потеряно, и каким-то образом сумел пробудить тебя. Только благодаря ему, не мне, ты смогла заставить Лилит уйти из своего тела.

-Я... Я помню, что слышала его голос. Помню, я была в темноте. Я хотела только спать... Но его голос... Я должна была идти на него! Я так сильно хотела снова увидеть его...- смахнув слезу, темноволосая девушка оглядела комнату.- Но где он тогда? Ахилий?- она начала подниматься.- Ахилий! Не прячься от меня!

Она покачнулась. Ульдиссиан поспешил поддержать её. Серентия обхватила рукой его пояс, ища глазами мужчину, которого она любила.

-Почему он не отвечает? Зачем он прячется?

-Он не прячется. Он убежал, когда другие вошли. Серри, я думаю, он боится, что у тебя вызовет отвращение то, чем он стал.

Серентия посмотрела на него с изумлением.

-Почему? Это же Ахилий.

-И он должен быть *мёртв*. Мёртв. Мы зарыли его, помнишь?- прежде чем она успела предположить очевидное, Ульдиссиан продолжил.- Ошибки быть не может! Древко стрелы прошло сквозь горло! Он должен быть мёртв!

Он почувствовал, как она задрожала, но сообразил, что это не от страха.

-Как ужасно,- прошептала Серентия, глядя в пустоту.- Как ему должно быть ужасно...

Ульдиссиан не мог не согласиться с этим. Очевидно, Ахилий отслеживал их уже некоторое время, быть может, многие дни со времени его убийства. Если бы он хотел причинить им вред, он уже не раз смог бы напасть. Таким образом, становилось ясно, что Ахилий действовал только как старый Ахилий, всегда защищающий тех, кто ему дорог.

В первую очередь Серентию.

-Я должна найти его,- вдруг заявила она. - Я должна найти Ахилия! Он там один, боится побыть даже со мной!

-Серри, у него могут быть весомые причины...

Её голос сделался резким:

-Это просто смешно! Нет *никаких* весомых причин нам быть вдали друг от друга. Меня ничто не удержит. Я пойду и найду его.

Её решимость на фоне таких крутых событий тронула Ульдиссиана до глубины души.

-Тогда я пойду с тобой, Серри. Ты права: Ахилий всегда был готов прийти к нам на помощь... Даже теперь. Через что бы он ни должен пройти, мы так же должны быть готовы поддержать его.

Это заставило её наконец улыбнуться.

-Спасибо...

С его неусыпной поддержкой ей наконец удалось выйти из проклятого здания. Снаружи их немедленно обступили другие, Сарон в их числе. За тораджанцем стояла группа эдиремов, которая, судя по всему, играла роль стражников для другой небольшой, утрюмой группы.

Пленники были последними остатками обращённых Лилит. Их было очень немного – остальные были принесены в жертву безумию демонессы. Ульдиссиан узнал всех, кроме двоих, и решил, что это хашири. Помимо приказа убрать тела Ульдиссиан тайно при помощи своей силы передал тем, в ком был уверен, команду отыскать стражников Лилит, которых она оставила по краям лагеря. Посчитав, он пришёл к выводу, что его сторонники умудрились отловить их всех.

-Что мы с ними сделаем, мастер?- спросил Сарон. Его тёмное выражение не оставляло никаких сомнений в том, как бы он поступил. По мнению большинства присутствующих эдиремов обращённые были гнуснейшими из предателей... Даже если их грехопадение было вызвано обольщениями Лилит.

Ульдиссиан не мог спасти Ромия или любого другого из тех, кто пал внутри, но он всё ещё надеялся очистить эти души. Его и без того тошнило от возросшего числа мертвецов.

Затем он вспомнил о Серентии. Но прежде чем он смог заговорить, она прошептала:

-Действуй. Такое дело не терпит отлагательств, даже из-за меня...

С этими словами она отодвинулась от него, словно давая ему место. Ульдиссиан знаками приказал двум своим сторонникам подвести первого из обращённых к нему. Когда они подошли, он почувствовал, что эдиремам удаётся контролировать силу заключённого. Он был впечатлён этим – такому он их не учил.

Мужчина, тораджанец, оскалился, когда Ульдиссиан навис над ним. Казалось, он был готов плюнуть в лицо бывшего предводителя, но считал благоразумным сдерживаться.

Ульдиссиан знал, что для выполнения задуманного он должен дотронуться до заключённого. Это означало более *тесный* контакт с порчей Лилит, но, если он надеялся спасти тораджанца, другого выхода не было.

Сделав глубокий вздох, он поднёс ладони к вискам заключённого. Тораджанец попытался вырваться, но потом утих и стал молча смотреть.

Поймав недобрый взор, Ульдиссиан погрузился в него. Он ощутил самую суть тораджанца и то, как к ней была привязана его сила.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы найти черноту, которую демонесса расшевелила, чтобы зажечь жизнь гневом. Она была таким злом, что Ульдиссиан чуть было не отступил из-за испытываемого отвращения. Однако это означало бы потерять последнюю надежду вернуть этого человека.

По коротком размышлении Ульдиссиан пришёл к выводу, что лучше всего попробовать сдержать или даже *удалить* темноту. Он представил её как твёрдый объект и попытался заключить его в оболочку своего разума. Если бы можно было *заставить* это выбраться наружу...

Ни с того ни с сего чернота стала свирепой яростью в чистом виде. Ульдиссиан едва успел отдернуть свой разум...

...и не имел совсем никакой возможности помешать заключённому вырваться из рук стражников, словно они

были для него пустым местом, и сдавить обеими руками горло Ульдисиана.

Острая боль пронзила Ульдисиана, когда Тораджанец надавил. Его горло обдало сильным жаром – освободившийся заключённый использовал свои собственные силы эдирема в дополнение к грубой силе. Если бы на сына Диомеда заранее не было наложено защиты, он уже был бы мёртв.

-Я порву твоё горло и выпью твою кровь!- безумно прорычал тораджанец. Лицо его исказилось, глаза словно хотели выскочить из орбит, а рот широко растянулся. Его зубы заострились, а язык – теперь раздвоенный – высывался наружу и вновь скрывался внутри, как у дикой змеи.- Я...

Он закричал и в то же время выпустил из рук горло Ульдисиана. Тораджанец сделал шаг назад, тело его пылало. Он попытался погасить странное, но ненасытное пламя... А затем сторел дотла, от него осталась лишь кучка чёрного пепла.

Ульдисиан услышал встревоженный голос Серентии за своей спиной:

-Я должна была... Сделать это. Тут уже ничего... Ничего нельзя было спасти, Ульдисиан.

Он кивнул без слов, после чего, потирая горло, осмотрел остальных заключённых. Они были совсем не напуганы, скорее, исполнены злобы. Ульдисиан попробовал заглянуть глубже в надежде найти хоть какой-то шанс на очищение, но то, что только что произошло, стояло у него перед глазами. Лилит учла, что кто-нибудь, может быть даже, он сам, попытается спасти тех, кого она обратила. Демонесса сделала это невозможным.

Так что Ульдисиану, как ни горько было ему, оставалось только одно.

-Отойдите от них,- приказал он стражам.

Сарон сразу запротестовал:

-Мастер, это может быть небезопасно...

-Отойдите от них.

Они подчинились, но всё ещё использовали свои совмещённые силы, чтобы удерживать заключённых на месте. К сожалению, Ульдисиан не мог разрешить им продолжать и это из страха, что он сможет им навредить.

-Отпустите их,- приказал он. Прежде чем Сарон успел снова заговорить, Ульдисиан добавил.- Я справлюсь. Делайте, как говорю.

Он почувствовал момент, когда они подчинились, а затем другой, когда заключённые осознали, что их силы снова с ними. Однако прежде чем любой из них успел нанести удар, Ульдисиан сконцентрировался.

Обращённые эдиремы застыли. Но даже после этого он мог чувствовать, как сражается их зло.

-Изыди,- мрачно произнёс Ульдисиан.

Вокруг обращённых поднялся ветер – яростный ветер, который касался только их.

Словно песчаных, исчадий Лилит буквально сдуло. Ветер отрывал частицы и поднимал их высоко в ночной воздух. Ульдисиан не давал своей концентрации поколебаться, чтобы отнести то, что когда-то было людьми, подальше от своих последователей. Оставшийся след демонессы не должен был повлиять ни на кого больше.

Наконец, почувствовав, что прошло достаточно времени и преодолено достаточное расстояние, он распустил ветер. Где-то на западе, куда ни одному эдирему не было смысла добираться, он наконец позволил пыли осесть.

«Было бы это так же легко и с Лилит». Но его вероломная любовница была хорошо защищена от него, и, хотя он ни за что бы не признался остальным, это заклинание, подобное тому, которое он наложил на Люциона, отняло у него порядочно сил.

Вообще-то, так много, что он начал пошатываться.

-Ловите его!- крикнул кто-то. Не одна пара рук подхватила его, в том числе руки Серентии.

-Я... Я в норме,- сумел он выговорить, снова выпрямляясь. Не обращая внимания на благоговейные взгляды остальных, он повернулся к Серентии.- Мы можем... Мы можем теперь пойти поискать Ахилия.

-Нет. Ни у одного из нас нет на это сил, как бы сильно я этого ни хотела. Ульдисиан, он шёл за нами до сих пор; конечно, он останется поблизости.

Это было не лишено смысла. Ахилий явно не был намерен махнуть рукой на своих друзей.

-Сейчас,- продолжила Серентия,- нам нужно отдохнуть,- она посмотрела вниз и прибавила таким мягким голосом, что только он мог услышать.- А ещё мне нужно... Мне нужно поспать рядом с тобой. *Просто поспать.* Я... Я должна это сделать.

-Я понимаю,- ей будут сниться кошмары, понял Ульдисиан, кошмарные видения того, что Лилит сделала с ней и посредством её. Серентия надеялась, что рядом с ним ей будет легче перенести эти кошмары.

Ульдисиан сам был рад дать ей это успокоение, причём ни по какой другой причине, кроме той, что она была его другом и прошла через ужасное испытание. Короче говоря, увидев Ахилия, он вспомнил, кого Серентия по-настоящему любила. То, что, как он думал, росло между ними, снова оказалось всего лишь обольщениями демонессы. Не удивительно, что Ульдисиан так легко угодил в ловушку.

Но однажды... Однажды он заставит Лилит заплатить...

Наконец Ахилий прекратил бег. Между ним и лагерем теперь была добрая миля, если не две. Не имея нужды в дыхании, лучник сумел преодолеть расстояние в поразительно короткий срок, несмотря на густую растительность.

Когда он остановился, мысли, зажегшиеся в его мозгу, когда он начал бежать, вспыхнули с новой силой.

Она видела его.

Серентия видела его.

Он никак не мог избежать встречи. Демонесса сделала это невозможным. Ахилий почувствовал, чего она добивалась, и понял, что Ульдисиана предал тот, кому он доверял. Ахилий испытывал некоторое сочувствие к Ромию, но не сильное. В отличие от Ульдисиана, который изначально видел хорошее во всех людях, Ахилий предпочитал также присматривать, не выкинут ли они что-нибудь плохое. Верно, судя по тому, что он усмотрел через вентиляционную щель, Партанец попытался реабилитироваться, но было возможно, что он всего-навсего пытался отомстить за собственную смерть. Ахилий не знал наверняка, да и, по правде говоря, не хотел знать.

Важно было только то, что Серентия освободилась от своей одержимости... Это, да ещё то, что она видела его.

Он понятия не имел, что с этим делать.

С нечеловеческим стоном Ахилий прислонился к дереву. Маленькая ящерка возле его головы попыталась быстро убежать, но охотник схватил её, даже не глядя. Рептилия пыталась вывернуться, пока он ворочал её, чтобы рассмотреть. Ахилий чувствовал, как её сердце бешено колотится, пока она тщетно пытается убежать. Она была уверена, что её съедят.

Он наслаждался проявлениями жизни маленького создания, осознавая, что завидует даже им. Какая-то часть Ахилия даже вдруг захотела *раздавить* ящерку, чтобы от неё осталось лишь мокрое место... Но вместо этого он вернул её на дерево и дал снова обрести свободу, которую она была уверена, что потеряла.

Она видела его...

Ахилий не мог прогнать эту мысль из головы. Она преследовала его.

Лучник хрипло усмехнулся. У него, ходячего мертвеца, была *навязчивая* мысль.

-Это... Не имеет значения...- тихо прохрипел Ахилий.- Не имеет значения...

Но это имело значение. Раньше он находил некоторое утешение в том, что мог хотя бы быть неподалёку от Серентии и иногда, от случая к случаю, тайно помогать ей и Ульдисиану. Теперь это станет почти невозможно.

А раз он не мог помогать самым близким и дорогим людям, какой прок был в его воскрешении? Возможно, разумней будет звать Ратму или дракона снова и снова, пока один из них не придёт и не отправит его на вечный покой...

Несмотря на такое чувство... Ахилий не издал ни звука. Даже это жалкое подобие жизни было чем-то, раз Серентия всё ещё была жива.

«Ты должен сделать выбор!- корил лучник самого себя.- Либо оставайся навсегда в стороне, либо покажись ей и молись, чтобы она не закричала от ужаса...».

Ахилий хмыкнул. Скорее всего, Серентия посчитает его отродьем, коим он и является, и использует свои новые силы, чтобы сделать с ним то, о чём он думал попросить существ, придавших ему это состояние.

И это всё решило для него. Он отправится к ней, к ним всем, и откроет правду. Если она, и только она, потребует, чтобы он возвратился в могилу, тогда Ахилий подчинится.

Он развернулся... И перед ним вдруг засиял яркий голубой свет.

Ахилий подался назад, стрела уже была наготове. В его разлагающемся мозгу промелькнуло воспоминание, которое некоторое время было ему недоступно, воспоминание о том, что было с ним перед падением возле Хашира.

Там тоже был свет. Теперь он вспомнил.

Но он сразу понял, что это не тот свет. Тем не менее, каков бы ни был его источник, Ахилий был уверен, что его близкое присутствие не сулит ничего хорошего.

Он пустил стрелу, и, как только она вылетела из лука, потянулся за второй.

Стрела попала в самый центр неестественного свечения, пронзила его... И вылетела с другой стороны. С громким стуком она угодила в дерево, стоящее позади.

Не утративший смелости лучник приготовил вторую стрелу. Но на этот раз он подождал.

Спустя миг он был за это вознаграждён. Неясные очертания человека показались в дымке голубого света.

С мрачным удовлетворением Ахилий натянул тетиву. Его показалось, он увидел что-то похожее на броню – серебристо-голубой нагрудник – и в соответствии с этим поправил прицел.

ТЫ МНЕ НУЖЕН...

Голос отдался эхом во всём его разлагающемся теле так и одновременно не так, как отдавался в нём голос Траг'Оула. В то же время Ахилий стал сжимать лук уже не так уверенно. Вообще-то, никакая часть его тела, похоже, уже не хотела его слушаться.

Лучник свалился, как тряпичная кукла.

Он упал лицом вперёд, так что не мог видеть, что происходило дальше. Ахилий прислушался в надежде услышать шаги, но не услышал. Несмотря на это, когда голос заговорил снова, ему казалось, что говорящий навис прямо над телом.

ТЫ МНЕ НУЖЕН... - повторил голос.

И, теперь вспомнив также, что произошло в прошлый раз... Ахилий потерял сознание.

Глава восемнадцатая

Они не нашли его. Даже объединив усилия, Ульдисиан и Серентия не напали на след Ахилия. Отказываясь сдаваться, Ульдисиан продержал своих последователей на одном месте два лишних дня. Тем не менее, к концу этого периода даже Серентия считала неразумным дальше откладывать выступление.

-Мы должны двигаться дальше. Ахилий либо не рядом, либо не хочет, чтобы я нашла его... Во всяком случае, сейчас,- упрямо сказала она.- Мне думается, что дело во втором, и в конечном счёте он вернётся ко мне.

-Он не может держаться на расстоянии от тебя. Я знаю Ахилия даже дольше, чем тебя, Серентия. Вот увидишь. Его подруга кивнула, не в первый раз глядя на джунгли.

-Неужели он и вправду думает, что я буду в таком ужасе от него?

-Я говорил тебе, как он выглядит,- описание Ульдисиана не было красочным, но он ничего не упустил. Однако, несмотря на это, сочувствие Серентии к лучнику только росло.

-Я и не сомневаюсь, что я, наверное, буду глазеть и охать, глядя на него, но ты же сказал, что это всё тот же наш Ахилий. Как я тогда могу не любить его?

На это у него не было ответа. Кроме того, она была права, что им нужно выдвигаться. Уж Лилит точно не просиживает праздно; каким бы ни был её новый план, не дело просто ждать, пока он обрушится на их головы.

Надо что-то предпринимать, если ещё не слишком поздно.

Сарон, хашири по имени Рахим и партанец Тимеон были теперь неофициальными командирами их разнообразного люда. Ульдисиан не имел намерения так чётко разделять группы, но он также не хотел, чтобы одна группа становилась доминирующей над другой. Он надеялся, что если обращаться с партанцами, хашири и тораджанцами одинаково, они вскоре смешаются, и их уже можно будет называть никак иначе кроме как эдиремами.

Тимеон был двоюродным братом Йонаса, одного из первых обращённых Ульдисиана. Йонас всегда оказывался среди партанцев, первыми вызывавшимися на различные задания, но он никогда не выказывал желания быть заместителем Ульдисиана. При этом некогда покрытый шрамами мужчина помогал своему кузену организовывать оставшихся земляков... Теперь их группа была намного меньше остальных.

«Скоро этому придёт конец» - подумал Ульдисиан, глядя на них прежде всего как на людей, с которыми вырос. Каждый раз, когда умирал партанец, какая-то часть прошлого Ульдисиана исчезала. Он должен был закончить борьбу, прежде чем все люди Йонаса будут убиты... А также и хашири, и тораджанцы.

Ульдисиан не тратил всё своё время на Ахилия. Он также объяснил вкратце причину своего исчезновения своим последователям. Естественно, он опустил такие невероятные детали, как Траг'Оула и Ратму, чувствуя, что сейчас не время пытаться рассказать о них.

На следующий день эдиремы выдвинулись с рассветом. Из-за треклятого отклонения Лилит от курса они потеряли три дня помимо тех, что они с Серентией потратили на поиски Ахилия. Ещё три дня было подарено демонессе для подготовки их гибели.

Джунгли казались необыкновенно тихими, когда они прокладывали через них свой путь. Вдалеке можно было услышать некоторых птиц, никуда не девались насекомые, но даже они были не такими назойливыми, как обычно. Ульдисиан увидел в этом недобрый знак, но никому не рассказал об этом, даже Серентии. В то же время он приказывал эдиремам быть начеку, постоянно напоминая, что их противники трусливы и часто выпрыгивают из теней вместо того, чтобы сойтись лицом к лицу.

Когда они наконец добрались до реки – на полдня раньше, чем он изначально рассчитывал, – Ульдисиан поблагодарил небо. Их путь теперь снова был чист. Хотя он и хотел, чтобы они ещё шли хотя бы час, он чувствовал, что уже слишком сильно измотал остальных. С неохотой Ульдисиан объявил привал.

Единственное благо, какое принесла гнусная одержимость Серентии Лилит, состояло в том, что демонесса взяла у хашири карты местности вплоть до земель рядом с главным храмом и захватила их с собой. Карты были

старыми, но достаточно точными, чтобы определить не только общее положение недругов Ульдиссиана, но и крупные поселения между ним и Триединым.

-Да, я знаю Калинаш,- ответил Рашим на его вопрос, когда он указал, где стоит город. Густоволосый хашири служил учеником торговца и не раз путешествовал туда.- Он чуть больше моего родного города, и храм там будет силен, как и возле Кеджана,- его палец продвинулся чуть на север.- Об Истани я знаю немного, разве что то, что он меньше Хашири и не такой богатый, несмотря на расположение.

Сарон подтвердил последнее:

-Триединое там не будет сильно. Если мастер хочет быстро добраться до главного храма, то неплохо бы выбрать дорогу, ведущую в этом направлении.

С одной стороны, Ульдиссиан был согласен с этим ходом мысли, но с другой, ему не хотелось оставлять поборников Триединого в Калинаше целыми и невредимыми, тем более если город окажется в тылу у эдиремов, когда придёт время напасть на главную цитадель. Однако отклониться к Калинашу означало бы потерять время и людей; и то и другое пошло бы только на пользу Лилит.

-Как скоро мы можем добраться до Калинаша?

-За четыре-пять дней,- по недолгом размышлении ответил Рашим.

-А до Истани?

-За четыре.

Путь был короче. Что ещё важнее, раз Триединое там не так значительно, Истани вряд ли сильно задержит их в плане сражения. Калинаш же может отнять несколько кровавых дней...

С некоторой неохотой Ульдиссиан принял решение:

-Очень хорошо. Стало быть, Истани. Но мы должны поспешить.

Остальные послушно кивнули и пошли. Ульдиссиан посмотрел на Серентию, ища подтверждения, что он поступил разумно.

-Я бы выбрала точно так же,- сказала она и нахмурилась.- Что ещё тебя тревожит?

-Две вещи... Вернее, два человека. Ахилий, как ты знаешь... И Мендельн.

-Ну конечно. Ульдиссиан, про Ахилия я тебе уже наговорила столько, что тебе должно становиться плохо от этих разговоров. Прости, что не думаю о твоём брате. Этот... Этот Ратма. Как думаешь, ему можно доверять?

Он хмыкнул.

-Не знаю. В той мере, в какой можно доверять отпрыскам Лилит... К коим, полагаю, отношусь и я, пусть и через много поколений.

-Тогда с Мендельном всё будет в порядке,- решила Серентия.- Его путь переплетается с твоим, но теперь, я думаю, ваши пути всё больше расходятся.

-Не это меня беспокоит, Серри,- он снова стал называть её по детскому имени – так было проще напоминать себе, что они были друзьями, а не любовниками. Ульдиссиан не испытывал желания плясать на могиле его друга, особенно теперь, когда он знал, что могила эта будет пуста.- Я просто хочу, чтобы Мендельн был в безопасности.

-Он думает так же про тебя.

-Но было бы неплохо услышать от него пару слов. Хоть *пару* слов.

Она улеглась возле огня, приготовившись ко сну:

-Я знаю. Знаю.

И по её тону Ульдиссиан понял, что она отчаянно жаждет услышать пару слов от Ахилия.

Мендельн и представить себе не мог, что вернётся в Парту. Это место должно было остаться далеко в прошлом. Он пытался стереть воспоминания об этом городе, ведь именно в Парте он почувствовал, что пришёл конец его жизни простого фермера, здесь начались все эти непоправимые изменения внутри него. После Парты дороги назад уже не было, даже в большей степени, чем после Серама, которого младший сын Диомеда так же был бы рад больше не видеть.

Траг'Оул и Ратма послали его сюда одного... Для какого-то последнего испытания, сказали они. Как обычно, их ответы на его вопросы были туманными. В итоге, после того как ему пообещали, что, если он выполнит задание, то сможет снова присоединиться к брату, Мендельн согласился возвратиться в город.

И только по прибытии он осознал, что Траг'Оул использовал слово «если».

Он стоял не в самом городе. Нет, Мендельн чувствовал, что находится за пределами городских стен. Очень близко от места, куда Партанцы выбрасывают мусор. Лёгкий запах гнили указывал, что он неподалёку.

Вокруг не было ни души. Те, кто ещё жил в городе, – который точно был больше, чем наполовину пустым, – вероятно, спали. Немногочисленные стражники вряд ли будут беспокоиться об этом месте – кого может интересовать собственный мусор?

Мендельна уж точно не интересовал. Он оказался здесь потому, что сожжение происходило здесь. По словам Ратмы, это лучшее место для призыва.

Брат Ульдиссиана не горел желанием читать заклинание, но его наставники подчеркнули, что это необходимо. У него было ощущение, что они что-то недоговаривают ему... Что отнюдь не удивительно. Их методы обучения, особенно метод сына Лилит, оставляли желать гораздо большего.

Столкновение с Инарием привело к нынешнему событию. В этом Мендельн был уверен. Приведя его обратно в мир дракона, Ратма попросил у небесного чудовища беседы наедине. После обсуждения первым делом Мендельну сообщили, что он должен сделать это.

«Я должен был отказаться, – сказал он себе в сотый раз. – Я должен был потребовать, чтобы они отправили меня обратно к Ульдиссиану».

Но откуда-то Мендельн знал, что, даже если бы и потребовал, в конечном итоге всё равно оказался бы в Парте.

Из-под полы мантии он достал свой кинжал. Ратма сказал, что он приведёт его в точное место.

Как только он поднял его, кинжал засветился. Мендельн свернул, подмечая, с какой стороны кинжал горит ярче. Да, он хорошо помнил эти места, хорошо помнил жуткие события.

Здесь они с партанцами без лишних церемоний сожгли тела высшего жреца Малика и его морлу.

Мендельн всё ещё вспоминал человека с содроганием. Он боялся не Малика, но его зла. Как человек мог завести себя в такую тьму, было для него непостижимо. Сама мысль о Малике вызывала у Мендельна такую неприязнь, что ему хотелось развернуться и уйти.

Но Ратма настоял на том, что ему нужно сделать это.

Делая глубокий вздох, брат Ульдиссиана попытался призвать чувство спокойной уверенности, которое дракон вселил в него. Чтобы он мог лучше служить Балансу – и, следовательно, Санктуарию и человечеству, – Мендельн должен был научиться смотреть на вещи более бесстрастно. Чувство не было под запретом, ибо даже Ратма очевидно становился его жертвой, но чувство должно было оставаться под контролем, потому что силы, с которыми Мендельн имел дело, могли быть очень опасными.

Зная, что лучше подготовиться он уже не сможет, Мендельн встал на колени и начал вычерчивать линии, которые должны были усилить его ритуал. Он был основан на самых энергиях, опоясывающих не только его мир, но и всё за пределами Санктуария. Линии наполняли их элементом энергий, направляя их прямо в место призыва.

Закончив с этим, брат Ульдиссиана поднял кинжал над центром. Ему не нужно было добывать кровь для этого, хотя позднее она могла и понадобиться. Сейчас имели значение только слова, которые сами были частью энергий, соединяющих все вещи воедино.

Низким голосом Мендельн произносил одно слово силы за другим. С каждым произнесённым слогом он ощущал, как в место врываются силы. Внутри области линий начала собираться зловещая сущность.

Мендельн повторял всё, что ему было сказано говорить в такой ситуации, повторял снова и снова. Каждый раз он делал ударение на различных частях, тем самым усиливая каждый аспект призыва.

Что-то проплыло мимо его лица, легонько коснувшись правой щеки. Тонкий дымок плыл в направлении города. Мендельн продолжал, и новые дымки начали суетиться вокруг него, словно маленькие дети, старающиеся привлечь внимание.

Ратма предупредил его, что, пока он не научится лучшей фокусировке, другие будут приходить, ошибочно полагая, что он призывал их. Он ничего не мог поделать прямо сейчас, разве что игнорировать непрошенных духов; отогнать любого из них означало бы потерять концентрацию в самый важный момент.

Да, он ощущал, что тёмная сущность набирает силу. Она разрывалась между желанием не быть потревоженной и стремлением узнать, нельзя ли воспользоваться ситуацией для собственной выгоды.

Мендельн сильнее сжал кинжал, зная, что второе допустить нельзя. Дракон упомянул о возможных последствиях, если сущность выберется на свободу.

И вдруг... Над местом выросла чёрная форма, зловещая форма, быстро достигающая роста высокого человека. Всё ещё бормоча, Мендельн осторожно отступил назад. До тех пор, пока начертанные им узоры оставались целыми, дух не мог выбраться без его помощи.

Тень загустела, приняв смутный вид конкретного человека. Высокого, бледного и бородатого.

Высшего жреца ордена Мефиса – или Мефисто – *Малика* собственной персоной.

Ощувив мрачное удовлетворение, брат Ульдиссиана встретил тяжёлый немигающий взгляд духа. Малик узнал его – уж это стало ясно сразу. Мендельн ощущал сдерживаемую ярость за ничего не выражающей маской лица и увидел, как тень руки – нечеловеческой руки – на короткий миг показалось из-под дымчатой, полупрозрачной мантии.

Мог или нет призрак отделить плоть Мендельна от костей, – как Малик при жизни проделал с мастером Этоном, – сын Диомеда не знал. Он не был намерен давать духу шанс проверить это.

-Ты знаешь, кто я такой, жрец, – пробормотал Мендельн. – Ты знаешь, что тебе не разрешено действовать или говорить любым образом без моего разрешения или руководства. Кивни, если понял меня.

Малик медленно кивнул, ни на миг не отводя взгляда от человека, призвавшего его.

Довольный тем, как всё шло до сих пор, Мендельн перешёл к сути – причине призыва этой мерзкой фигуры.

-Малик... Твоего хозяина больше нет...

Впервые он заметил непродолжительную реакцию. Дух исчез и появился снова с такой стремительностью, что нетренированный глаз и не заметил бы. Можно было уследить также небольшое движение глаз.

-Да, жрец, Люцион мёртв, – это было не совсем правдой. Ульдиссиан сделал так, чтобы демон перестал существовать. По словам Ратмы, эта судьба несколько отличалась от смерти, хотя Мендельн ещё не успел разобрать этих тонкостей. – И знаешь ли ты, кто теперь восседает на его месте? Ты знаешь это?

Призрак не шелохнулся. Мендельн нахмурился: он ожидал от Малика гораздо большего. Траг'Оул предупредил, что те, кто существуют в стадии «послесмертия», совсем необязательно должны желать вернуться или испытывать жажду отмщения тем, кого они ненавидели при жизни. Малик знал его, знал, что он – брат Ульдиссиана.

Чем скорее Мендельн определит, может ли быть Малик полезен, тем лучше.

-*Лилит*, его сестра, – сообщил он духу. – Тебе она известна под другой личиной, жрец, под видом леди Лилии.

На этот раз фигура заколыхалась, и глаза её распахнулись так, как не под силу распахнуть их человеку. Рот открылся... И *продолжил* открываться, растягиваясь вниз больше, чем на фут. Упоминание Лилит, а именно её смертного обличья, сделало своё дело. В конце концов, именно *она* убила жреца.

Мендельн был ошеломлён продолжающимся резким преобразованием жреца. Наставники предупредили его, что духи не привязаны к своему смертному состоянию, что они могут являться в различных искривлённых формах в зависимости от причины их смерти, степени ярости или намерений...

Намерений...

Мендельн развернулся кругом, уже произнося новые слова, данные ему в качестве защиты на случай непредвиденных ситуаций. В то же время он как можно выше поднял кинжал и резкими взмахами стал разрезать воздух.

С недовольным шипением тень морлу обратилась в пыль. Второе существо, более жуткое от того, что было воссоздано из горелого праха и грязи, чуть не наложило на него свои бесплотные лапы. Мендельн поменял хватку кинжала так, чтобы лезвие было направлено вниз и можно было использовать кинжал как оружие, и коснулся груди нежити.

Второй морлу так же обратился в пыль.

Но третий сильно ударил его по плечу полусгнившим куском дерева. Мендельн закричал и отступил назад. Морлу двинулся вперёд, куски его тела отваливались от него на ходу.

Это не были на самом деле те жуткие воины, которые сопровождали высшего жреца, потому что Мендельн лично позаботился о том, чтобы те существа никогда больше не смогли принять участия в бою. Нет, это были образы, оживлённые злом Малика. Но даже при этом эти морлу обладали грубой силой, достаточно не только для того, чтобы убить брата Ульдиссиана, но и для того, чтобы принять участие в освобождении своего создателя.

И если это случится, Парта станет лишь первым из многих мест, которые ужасно пострадают...

Морлу нанёс удар, но прицел у него был неважный. Мендельн отпрыгнул в сторону, легко увернувшись. Если это было всё, на что способно чудовище...

Затем Мендельн сообразил, где стоит призрак Малика относительно него. Когда морлу снова напал, сын Диомеда бросился в совершенно ином направлении. Хотя и пришлось больно упасть на твёрдый мусор, это была малая цена за то, чтобы не дать осуществиться планам жреца.

В самом деле, Малик был в каких-нибудь дюймах от освобождения своего духа. Если бы Мендельн ещё немного продвинулся в предыдущем направлении, его сапоги наверняка бы стёрли часть узоров, охраняющих духа.

Морлу навис над своей жертвой, но теперь Мендельн был готов. Он быстро вытянул кинжал наконечником вниз и прокричал слова изгнания, которым его научил дракон.

Последний приспешник Малика рассыпался. Деревяшка пролетела мимо головы Мендельна.

Встав, Мендельн повернулся к высшему жрецу.

-Больше никаких уловок!- приказал он.- Подними ещё одного, и я отправлю тебя в место, по сравнению с которым твоя насильственная смерть покажется приятной!

Это было преувеличение, Мендельн не умел такого делать, но если очень уж прижмёт, он сможет просто прогнать тень.

Малик, снова «нормальный» на вид, заколыхался. В конце концов призрак опустил голову. Мендельн молча проклинал себя за то, что попался на дьявольский отвлекающий манёвр жреца. Хотя Ратма с Траг'Оулом и предупреждали его, что такой могучий жрец как Малик может обойти правила призыва, Мендельн сомневался, что даже они предполагали возможность такой страшной выходки. Велика была сила, дарованная высшему жрецу Мефисто, даже после смерти она не оставляла его.

Но больше такое не повторится. Пока призрак оставался неподвижен, брат Ульдиссиана присел и внёс поправки в узор. Затем он повторил другие слова, данные ему Траг'Оулом, и – чисто интуитивно – прибавил немного от себя, считая, что это усилит заклинание.

Поднявшись, Мендельн снова обратился к духу:

-Малик, ты слышал, что я сказал. Та, что убила тебя, теперь выдаёт себя за Примаса. Ты жаждешь отомстить; почему бы не отомстить ей?

Нетрудно было почувствовать внезапно пробудившийся интерес жреца. Мендельн решил, что настало время позволить призраку говорить.

-Итак?- спросил он Малика.

Голос жреца звучал таким ужасным скрежетом, что голос Ахилия по сравнению с ним казался куда как более живым.

-Брат... Ульдиссиана уль-Диомеда... Что тебе... От меня нужно?

-Сведения о храме возле столицы. Его ловушки и секреты. Всё то, что сделал Люцион и чем теперь управляет Лилит...

Призрак рассмеялся, смех походил на резкое покашливание и был совсем не весёлым.

-Брат Ульдисиана уль-Диомеда... Про то, что ты просишь... Нельзя рассказать...- полупрозрачная фигура улынулась,- ...но можно *показать*...

Это дракон и Ратма не обсуждали с Мендельном. Ничего не было сказано о том, что делать, если Малик захочет *сопровождать* призывателя. И всё же... Теперь, когда дух находился у него под контролем, Мендельн видел ценность в том, чтобы всегда иметь жреца под рукой, чтобы расспрашивать его.

Единственной проблемой было... Как этого добиться. Он не хотел возвращаться и спрашивать остальных. Мендельн немного подумал, после чего направил кинжал туда, где погребальный костёр горел сильнее всего. Он сосредоточился на том, чего желал, повелевая кинжалу сделать это для него.

Почерневшая земля под смутными очертаниями Малика затряслась, словно тело самого жреца хотело восстать из пепла, как морлу. Однако вместо него на поверхности показался маленький белый кусочек-камушек. Он на секунду задержался на земле, а потом перекатился прямо в подставленную ладонь Мендельна.

Он выпрямился и рассмотрел предмет. Крупнейший фрагмент кости, оставшийся от высшего жреца.

Мендельн прикоснулся к кости наконечником лезвия. Затем он пробормотал привязывающее заклинание, сходное с тем, которое он использовал, чтобы заточить Малика внутри узора. Мендельн снова использовал свою собственную комбинацию слов, но что-то подсказывало ему, что он действует правильно.

Он молился о том, что не совершает непоправимой ошибки.

Сжимая кусок кости, брат Ульдисиана посмотрел на узоры на земле. Затем одним быстрым махом ноги он уничтожил их.

Призрак испустил вздох. Он потерял всякие очертания. Малика, ставшего не более чем туманом, вдруг затянуло во фрагмент кости. Когда он оказался внутри, фрагмент один раз ярко вспыхнул и снова принял обычное состояние.

Мендельн тщательно проверил, не сделал ли Малик чего-нибудь злого. Не найдя ошибок в своём заклинании, он наконец облегчённо вздохнул.

Но прежде чем он смог по-настоящему расслабиться, со стороны города донеслись возбуждённые крики. Касались они Мендельна или нет, он не хотел выяснять. Его задача была выполнена. Как его заранее научил Траг'Оул, Мендельн использовал кинжал, чтобы начертать в воздухе круг, а затем два маленьких символа внутри него.

Да, я чувствую тебя...- донёсся голос дракона.

В следующий миг Мендельн стоял в знакомой темноте. К его удивлению он не увидел Ратмы.

-Я сделал всё, о чём вы просили,- сказал он звёздам.

Они быстро поменяли расположение, после чего, как всегда, стали полуразличимым левиафаном.

Да... Всё, о чём просили... И многое, чего не ожидали...

-О чём ты?- Мендельну приходило на ум только одно. Он заполучил фрагмент кости.- Я знаю, что вы хотели только получить информацию у тени жреца, но я понял, что допрос его отнимет слишком много времени и позднее могут появиться новые вопросы, а будет уже слишком поздно. Я рассудил, что лучше будет рискнуть и взять его с собой. Мне не стоило думать так?

Стоило или нет, покажет Баланс,- спокойно отозвался Траг'Оул.- *Меня больше интересует, как ты это проделал...*

-Просто следовал вашим учениям, немного приспособив их по своему усмотрению. К счастью, я не ошибся.- Мендельн нахмурился.- Или я допустил ошибку?

Вернее будет сказать, что ты совершил невозможное... Но сыновья Диомеда вновь и вновь заставляют пересматривать значение этого слова...

Мендельн не понял. Он всего-то попытался действовать логически. Почему Траг'Оул, которому было под силу столь многое, говорил так?

Так или иначе,- продолжал дракон,- выбрав это направление, ты принёс новые возможности и надежду. Я осмотрел привязку камня; я не вижу, как жрец может освободить себя.

-Рад это слышать...

Но не принимай его союзничество за повиновение. Ради своей выгоды тень способна на подлости...

Мендельн не успел ответить, потому что рядом с ним материализовался Ратма – сын демонессы боролся с собой, чтобы сохранить невозмутимое выражение. Мендельн уже поднабрался опыта в понимании древнего заклинателя и сразу понял, что вести, которые он принёс, отнюдь не добрые.

-Его нигде не найти,- доложил Ратма, скорее Траг'Оулу, чем Мендельну.

Ты посмотрел во всех планах?

-Само собой. Я также пробовал призвать его сотней способов, ради некоторых пришлось пойти на риск. Это было необходимо, хотя желаемых результатов я и не получил.

Дракон некоторое время оставался необыкновенно молчалив. Затем сказал:

Ты понимаешь, мой друг, что есть несколько других вариантов...

Ратма кивнул:

-Да, и самый предпочтительный, что он отправился в место, откуда даже ты не можешь его призвать назад. Определённо, он это уже заслужил.

Заслужил... Да... Это был бы лучший вариант.

-Но тебе так же, как мне, это видится маловероятным.

Мендельн уже наслушался вдоволь.

-Кто? Мой брат в опасности? О нём вы говорите?

Лицо Ратмы стало мрачнее, чем Мендельн когда-нибудь видел его.

-Нет. О вашем друге, Ахилии. Я не могу напасть на его след. Никак.

-Такое возможно?

-Возможно... Едва ли. Потенциально разрушительно – определённо.

-Он попал в руки Лилит?- разум Мендельна безуспешно пытался предположить, что демонесса может сделать с лучником.

-Будь это так, я бы вздохнул с облегчением,- честно ответил её сын.- Нет, Мендельн, боюсь, что кто-то другой взял его, и *возможно*, что это мой отец.

-Инарий?- но миг спустя после того, как выпалил имя ангела, Мендельн обратил внимание на странную интонацию, с которой Ратма произнёс одно слово.- Но постой! Что ты имеешь в виду под «возможно»?

Наступило молчание, ещё более зловещее от перемещений звёзд над их головами. Траг'Оул точно понял, на что намекал Ратма, и ему это не нравилось.

И если это так тревожило даже вечное создание, это было не во благо не только Ульдиссиану, но и всему Санктуарию.

-Я имею в виду...- медленно начал Ратма, очень встревоженный на вид.- Я просмотрел все пути, какие мог избрать мой отец, и не могу постичь, зачем ему так открыто забирать вашего Ахилия. Его присутствие могло бы объяснить некоторые загадочные моменты, но определённо не этот. Не так действует Инарий...

Хотя Траг'Оул оставался устойчивым, он всё равно также излучал озабоченность.

Нет... Не так...

-И вот, это может значить, что мы все уже обречены,- сын Лилит провозглашал конец Санктуария практически без всякого выражения.- Потому что, если это не Инарий забрал Ахилия, то это мог быть другой ангел...

-Другой ангел? Ты хотел сказать, демон!

-Нет. В этом я уверен. Ни один обитатель Пылающего Ада не смог бы забрать его, не оставив за собой своего нечестивого отпечатка. Только после моего отца я не обнаруживал следов...

Звёзды, которые были Траг'Оулом, становились всё более нервными, точно так же, как и Мендельн. Они все знали, что означало присутствие другого ангела.

Высшее Небо обнаружило Санктуарий.

Конец мира неизбежен.

Глава девятнадцатая

Ничего не было слышно ни о Мендельне, ни тем более об Ахилии. Ульдиссиан боялся за них обоих, но не мог более задерживаться из-за их отсутствия.

Эдиремы шли. Шли в направлении Истани. Чем ближе подходили они к меньшему городу, тем больше мер предосторожности принимал Ульдиссиан, особенно когда речь шла о разведке. Он не только развернул свои способности в полную силу, но впервые за всё время он осмелился отправить других вперёд. Те поддерживали контакт с ним и ближайшими товарищами, создавая тем самым широкое поле, которое, надеялся Ульдиссиан, помимо своего непосредственного назначения убережёт добровольцев от нападения или похищения.

До Истани оставался всего день, и Ульдиссиан пребывал в напряжении. Главный храм пролегал не так уж далеко оттуда; он не сомневался, что там уже готовятся к его приходу. Чем скорее эдиремы закончат в Истани, тем лучше.

Серентия присоединилась к нему в голове отряда.

-Должны ли мы вообще останавливаться? Я знаю, что ты сомневаешься в этом с тех пор, как мы снова начали двигаться, но главный храм так близко...

-Я знаю. Я обдумал кое-что,- вскоре Ульдиссиан подозвал к себе Рашима.- У меня есть задание для тебя, если согласишься.

-Конечно, мастер!- поспешил ответить хашири.

Поморщившись от такой готовности мужчины выполнить смертельно опасное задание, Ульдиссиан объяснил:

-Я хочу, чтобы ты нашёл четверых помощников и как можно скорее поскакал к Калинашу,

Это сбilo с толку одновременно Рашима и Серентию.

-К Калинашу, мастер?- повторил хашири.- Ты хочешь сказать: к *Истани*?

-Нет. К Калинашу. Скачите весь день и просматривайте своим разумом, как я показывал. Я хочу знать, нет ли какого-нибудь движения в этом направлении.

Остальные теперь поняли.

-А, да, мастер,- отвечал Рашим.- Я возьму других, и мы помчимся, как ветер!

-Рашим... Всегда будьте осторожны. Возвращайтесь, как только сможете. Никуда дальше не добирайтесь.

-Слушаюсь, мастер.

Серентия кивнула в знак одобрения.

-Ты опасаешься ловушки.

-Они знают, что мы на подходе. На нас уже может идти с юга целая армия. Зачем им ждать, пока мы станем колотить в их ворота?

Она немного поразмышляла и ответила:

-Затем, что *там* нас ждёт нечто ещё более ужасное?

-Вполне возможно,- согласился Ульдиссиан,- но я не могу допустить, чтобы мы оказались окружены.

-Нет... Ты прав. Рашим хорош; если кто-то идёт, он точно предупредит нас, Ульдиссиан.

-На это я и надеюсь.

Верный своему слову Рашим и его набранный отряд отправились минутами позже. Ульдиссиан не дал

Остальным своим последователям даже замедлиться по этому поводу. Людей было так много, что их цепочка растянулась по джунглям на целую милю, и впервые Ульдиссиан взглянул на неё как на настоящую армию. Это название периодически влетало и вылетало из его головы по ходу развития событий, но теперь, когда близко было столкновение с Триединым, он решил оценивать своих людей именно так. Дисциплина должна была быть жесточайшей, в противном случае, несмотря даже на прогресс, который продемонстрировали в последнее время многие, – включая новых обращённых, – совместных сил эдиремов могло оказаться недостаточно, чтобы одолеть Лилит и её пешек.

Ульдиссиан и так не был совсем уж уверен в победе.

День шёл своим чередом. Он то и дело ощущал Рашима, соприкосновение с разумом хашири давало Ульдиссиану знать, что у разведывательной группы всё идёт хорошо и пока никто не был обнаружен. Было вполне возможно, что в Калинаше никто ровным счётом ничего не ведал. Ульдиссиан определённо на это надеялся.

Когда настал вечер и эдиремы остановились на отдых, он вызвал к себе Сарона, Тимеона, Йонаса и других разного рода командиров и в разговоре с ними снова подчеркнул теперешнюю важность координации каждого действия во время путешествия. В первых раз детей и слабейших из них было решено отвести назад, где избранная группа более сильных будет защищать их. Остальные эдиремы были разбиты на группы под командованием лиц, пользующихся особым доверием Ульдиссиана.

Только под личным началом его и Серентии не было никого: они вдвоём должны были координировать бо́льшую часть действий. Он всё ещё дивился тому, что дочь торговца была вторым после него лицом в отряде – это была не та Серентия, которую он когда-либо был готов представить в своей жизни.

Но без неё Ульдиссиан теперь не представлял и руководства такой огромной силой.

Незадолго до рассвета он проснулся от ощущения, что Рашим пытается связаться с ним. Ульдиссиан сразу приготовился услышать худшее, но оказалось, что хашири только хотел сказать ему, что он и его напарники поворачивают назад. От Калинаша не исходило ничего угрожающего; оказалось, что город ничего не знает о передвижениях эдиремов.

Эта весть принесла Ульдиссиану громадное облегчение. Он поделился ей с Серентией и остальными. Потом, когда все поели, он приказал эдиремам возобновлять путь.

И едва минуло три часа дня, как они увидели вдалеке башни Истани.

Может, Истани был и меньше Хашири и Тораджи, но он всё равно казался гораздо больше Парты. Ульдиссиан оценил размеры храма, опираясь на то, что он видел в предыдущих городах. Храм был не очень большой, но всё же мог задержать достаточно, чтобы снизить их шансы добраться до конечного пункта назначения, прежде чем Лилит разработает новый план.

Он решил, что на этот раз не станет выступать перед населением; Ульдиссиан ударит прямо по храму сразу, как только сможет, и останется только молиться, чтобы остальные истанийцы поняли, что он делает это для их же блага.

Зная о том, что жрецы могут смотреть в магический кристалл, и будучи уверенным в невозможности утаить эдиремов, Ульдиссиан искал самый открытый путь в город. Скорость была важна.

Рашим и его люди ещё не вернулись, но Ульдиссиан не мог их ждать. Он приказал остальным эдиремам рассредоточиться, когда джунгли поредели. Уже совсем скоро ворота Истани предстанут перед ними...

Он напрягся. Ульдиссиан готов был поклясться, что в какой-то миг он почувствовал...

Но нет... Должно быть, это всё его нервы. Должно быть.

-Серри,- прошептал Ульдиссиан.- Встань рядом со мной и делай, как скажу.

Она не задавала вопросов – доверяла ему, как всегда. Когда Серентия была готова, Ульдиссиан направил её разум туда, куда хотел перевести её внимание.

-Ты видишь или чувствуешь что-нибудь?- спросил он.

-Нет... На миг мне показалось... Но нет...

Этого ответа Ульдиссиан и ждал, и он только усилил его подозрения.

-Серри, ты позволишь мне попробовать кое-что?

-Ты имеешь в виду, вместе?- она знала о магии, которую Лилит показала Ульдиссиану, когда притворялась ей. Если ты думаешь, что оно того стоит, то я сделаю это.

Вместо того чтобы принять позицию, какую принимали они с Лилит, Ульдиссиан просто встал рядом с Серентией. Они закрыли глаза и сосредоточились на том, чтобы дотянуться друг до друга...

Результаты были столь же стремительны, сколь и примечательны. Лёгкость, с которой они сумели связаться, порадовала Ульдиссиана, который, по правде говоря, боялся полного провала.

В связи была только одна проблема – невероятная близость, которую она создала между Ульдиссианом и Серентией. Чтобы не затронуть своих чувств, он быстро направил её разум в направлении, которое он хотел осмотреть.

Тем не менее, даже по завершении ими двумя тщательных, как он считал, поисков Ульдиссиан остался ни с чем. Он даже не обнаружил того, что ранее встревожило его, и знал, что Серентия тоже ничего не нашла. Спустя несколько минут тщетной охоты Ульдиссиан завершил сеанс.

-Я ошибся,- пробормотал он.- Просто воображение разыгралось.

-Ну, это лучше, чем *ещё одна* угроза, ты не находишь?

Ульдиссиан кивнул.

-Лучше, до тех пор, пока мне не станут повсюду мерещиться тени. Тогда выявить, откуда покажет голову настоящая опасность, станет куда сложнее...

Эдиремы продвигались. Ульдиссиан наблюдал, как Истани из нескольких строений, возвышающихся над верхушками деревьев, становится настоящим городом. Он отозвал своих разведчиков, желая, чтобы никто не был в стороне от остальных. Оставался только Рашим со своей группой, но он должен был подтянуться, пока Ульдиссиан разбирается со здешним храмом.

Но, к его удивлению, прежде чем он и его сторонники успели достичь городских ворот, люди выехали из Истани им навстречу. Всего их было двадцать пять человек, большую часть составляли стражники. Перед сыном Диомеда предстали несколько официальных представителей города в сопровождении полного господина средних лет в богатой сине-зелёной мантии.

-Мы прибыли, чтобы поговорить с предводителем этого войска,- сказал пухлый человек. В его носу имелось искусно выполненное кольцо, инкрустированное миниатюрными рубинами.

Ульдиссиан вышел вперёд. Его не заботило, что официальное лицо, всё ещё на коне, возвышалось над ним; тот скоро поймёт, кто обладает настоящей властью в этих переговорах, особенно если он намерен защищать Триединое.

-Я – тот, кого вы ищете,- сказал он всаднику.- Я – Ульдиссиан уль-Диомед,- когда сановник хотел вновь заговорить, Ульдиссиан поднял руку.- И я могу сказать только одно. Вам и вашим людям нечего бояться нас. Наша цель одна – Триединое. Освободите нам путь, и в скором времени узнаете горькую правду об этой секте.

Всадник ерзал в седле, пока произносилась эта речь. Наконец, как только Ульдиссиан остановился, он выпалил:

-Но именно поэтому мы и прибыли к тебе, мастер Ульдиссиан! Нет нужды входить в Истани! Триединое... Бежало!

Пока Ульдиссиан в изумлении смотрел на человека, возбуждённые возгласы раздались в рядах эдиремов.

-Что ты имеешь в виду?- спросил он.- Когда?

Тон Ульдиссиана ещё больше напугал сановника. Он низко склонился в седле, поспешно объясняя:

-Это случилось два дня назад, мастер Ульдиссиан! Не говоря ни слова, жрецы, стражники – все служителя храма – просто исчезли ночью! На следующий день часовые и люди заметили это, и когда мы прошли внутрь, чтобы найти высшего жреца, оказалось, что его покои тоже пусты!

-Как думаешь, они врут?- шепнула Серентия, стоявшая за ним.

Ульдиссиан не ответил, потому что уже начал добывать ответ на этот вопрос. Он не чувствовал обмана со стороны истанийцев – вообще-то, они боялись пробудить его гнев этими вестями. Удовлетворённый ими, Ульдиссиан перевёл внимание на сам город в поисках заразы Триединого.

Он нашёл отпечатки, но не более того. Храм, как и утверждал сановник, был полностью заброшен. Разум Ульдиссиана метнулся к трёхбашенному строению в поисках зацепок, но жрецы хорошо поработали над очисткой комнат.

Разыскивая их след, он обнаружил, как и в Хашире, вторые ворота в город возле храма. Лишь несколько стражей охраняли их, и сыну Диомеда нетрудно было догадаться, что в ночь бегства они были ослеплены магическим образом.

В джунглях след быстро терялся, жрецам пришлось приложить немало усилий, чтобы избежать обнаружения. Тем не менее, судя по тому, что имелось, было очевидно, что они держали курс прямо на главный храм.

Пока Ульдиссиан всё это выяснял, истанийцы проявляли всё большее беспокойство. Они не знали, что делает чужеземец, стоя на месте, словно погружённый в сон. Главный представитель то и дело оглядывался на своих коллег, вероятно, умоляя дать ему какой-нибудь совет. Но они не издавали ни звука, никто из них не хотел быть втянут в переговоры. Ясно было, что в случае насильственных действий вся вина ляжет на переговорщика, которого наверняка избрали для этого дела против его воли.

Закончив обыск, Ульдиссиан выдохнул и встретился взглядом с напуганным первым всадником:

-Ты говоришь правду.

Новая волна восторга со стороны эдиремов. Противники их мастера разбежались в страхе. Победа была у них в руках...

Ульдиссиан не смел обнадеживать себя. Правда, эта передышка позволит сэкономить время. Если они выйдут утром, то доберутся до храма на два дня раньше, чем планировали.

-Ты говоришь правду,- повторил он,- поэтому нам остаётся только одно, прежде чем мы покинем ваши земли.

Правители Истани выглядели удручённо. Без сомнения, они ожидали либо расправы, либо требования огромной мзды.

-Нам нужно немного еды и свежей воды. Кроме того, мы должны разбить лагерь неподалёку. Ваши люди могут свободно торговать с нами, больше узнавать о нас,- из-за нехватки времени Ульдиссиан не мог войти в Истани и прочитать проповедь местным. Это можно будет сделать после, если только он переживёт столкновение с Лилит.

По местным было видно, какое они испытали облегчение. Главный представитель кивнул несколько раз:

-Да, еду и воду можно устроить, мастер Ульдиссиан! Да, найдутся и желающие поторговать с вами!- он отклонился назад.- Баренжи! Устрой это, ладно?

Баренжи кивнул, развернул свою лошадь и поскакал, как на пожар.

Ульдиссиан выразил свою благодарность.

-Тогда всё. Если у кого-нибудь из вас есть другие вопросы, я отвечу на них; если нет, то я желаю мудрым людям Истани доброго здоровья и благодарю их за их радения.

Это не было в точности то формальное пожелание, которое он выучил для Хашира, но оно было удовлетворительным. Много кланяясь, представители города развернулись и поехали обратно в город.

-Можно ли доверить им заботу о еде и воде?- спросил Тимеон.- Они могут попытаться отравить их...

Ульдиссиан сильно в этом сомневался, но у него уже был готов на это ответ:

-Я их осмотрю перед раздачей.

Его ответа, разумеется, оказалось достаточно, чтобы все остались довольны. Они полностью доверяли ему, за что Ульдиссиан был им благодарен. Он молился о том, чтобы не погубить их.

Под руководством тех из эдиремов, кто лучше остальных был знаком с местностью, Ульдиссиан выбрал место для ночного лагеря. Ещё до того, как его последователи разместились, из Истани начали приносить им продовольствие. Продукты доставлялись в телегах, запряжённых в том числе и быками, но в основном огромными зверями, которых использовали для этих целей в нижних землях. Сарон звал их «пачишонами», то есть «длинноносыми братьями». Пачишоны ускоряли процесс доставки еды, потому что они использовали свои пластичные хоботы, чтобы опускать корзины к Ульдиссиану. Как только он убеждался, что ничто в корзинах не

было отравлено и никаким иным образом не угрожало здоровью, Сарон, Тимеон и другие разносили продукты по своим рядам.

Истанийцы обходились с ними с величайшим вниманием, чуть из кожи вон не лезли, чтобы угодить. Ульдиссиан не ожидал, что кто-нибудь из местных придёт послушать об эдиремах, но немалая группа пришла.

Он поприветствовал их и поговорил со всеми, как в предыдущие разы. Некоторые из людей Истани ушли после речи, но большая часть осталась. Последним Ульдиссиан предложил помочь раскрыть их собственный дар.

На этот раз он делал ещё кое-что, когда пробуждал скрытые силы к жизни. В каждом Ульдиссиан тщательно разыскивал злую суть и полностью уничтожал её. Лилит не сможет повторить с ними гнусность, которую она проделала с Ромием и другими несчастными.

И вот, не успел он опомниться, как солнце встало снова. Уже в самом деле не было никаких причин оставаться. От представителей города, которые явно изо всех сил старались помочь непрошеным гостям как можно скорее и миролюбивее отойти от города, он получил обновлённые сведения о дороге к главному храму Триединого. Пара новообращённых подтвердила правильность карт и направление. Ульдиссиан поблагодарил своих хозяев поневоле и повёл свою армию дальше.

И теперь... Больше не было никаких отвлечений. У них осталась только одна цель впереди.

Рашим и другие разведчики были ближе, чем раньше, но, сообразил Ульдиссиан, их стремительное отправление из Истани означало, что между ними сохранялось расстояние в один-два дня пути. Ульдиссиан не мог постоянно следить за маленьким отрядом, когда впереди ждала Лилит, так что он разыскивал разведчиков во время каждой остановки. Удостоверяясь, что с ними по-прежнему всё в порядке, он вновь предпринимал попытки анализировать, что может готовить для них демонесса. Но хотя ему на ум приходили тысячи кошмарных видений, Ульдиссиан сомневался, что хоть одно из них соответствует её истинному плану.

С каждой милей джунглей эдиремы становились всё тише. Казалось, их сверху покрывала пелена; впервые они понимали, что быстро приближается важнейшее задание.

А затем... А затем что-то коснулось самой души Ульдиссиана. Гнетущая тьма, которая усиливалась с каждым шагом.

-Мы близко,- наконец пробормотал он Серентии.- Мы совсем близко.

Она только кивнула. Ульдиссиан удвоил меры предосторожности. На его взгляд, Триединое больше не пыталось таиться. Они – под руководством Лилит – пытались подорвать уверенность эдиремов.

Разум Ульдиссиана воспарял к его последователям, подкрепляя твёрдость их намерений. Он клялся, что новый и хитрый замысел противника потерпит крах.

Хотел бы он, чтобы Мендельн и Ахилий были с ним. То, что ни одного из них не было видно, беспокоило Ульдиссиана; уж, во всяком случае, младшему брату следовало бы попытаться попасть сюда. Что же до лучника, то, возможно, что Ахилий был поблизости, но если так, то почему он хотя бы не дал какой-нибудь знак?

Ульдиссиан решил, что не может полагаться на их помощь. Задача пережить эту битву ложилось целиком на плечи его и тех, кто стоял бок о бок с ним.

Снова наступила ночь – по его подсчётам, последняя ночь перед тем, как они увидят земли, окружающие предмет их стремлений. Где-то на северо-востоке – так сказал ему один из хашири – стояла огромная столица. Усаживаясь у одного из небольших костерков, Ульдиссиан дивился, что её правители, похоже, то ли не знают, то ли не волнуются по поводу надвигающейся битвы. Ульдиссиан знал, что это не может быть правдой, что на самом деле они неотрывно следят за развитием событий и им не терпится узнать, не окажется ли победитель этой битвы достаточно уязвимым по её завершении.

«Так много крови... Это не закончится здесь... Это будет происходить снова и снова....». Он подумал, уж не стоит ли ему разыскать ангела Инария и попросить его запустить мир заново. В конце концов, быть может, это был лучший вариант...

Ульдиссиан отряхнулся, как пёс, попытавшись смахнуть эти мерзкие мысли. Ему было стыдно, что они вообще появились у него в голове.

Серентия присоединилась к нему у костра.

-Ты в порядке?

-Нет,- прямо ответил он.- Но это совсем не важно.

Его ответ застал её врасплох.

-Ульдисиан...

-Извини, Серри. Ничего. Это пройдёт. Это...

Ульдисиан вскочил на ноги. У него снова было ощущение, что в округе не всё в порядке. Он повернулся кругом, тщательно обследуя каждое направление. Когда он посмотрел на дорогу, откуда они пришли, Ульдисиан почти подумал, что заметил что-то... Но в следующий миг ничего не было.

Подойдя к нему, Серентия спросила:

-Что не так? Что случилось?

Он не ответил, он обдумывал факты. Они находились на расстоянии удара от главного храма. Триединое наверняка должно было знать о неизбежности их прихода и о том, что переговоров не будет. Лилит хотела этого столкновения. Триединое даже полностью оставило Истани, хотя он ожидал, что Лилит заставит пролить его хотя бы ещё немного крови, прежде чем он доберётся до неё.

Она всё ещё хотела себе эдиремов. Это тоже был факт. Ульдисиана и его последователей ждёт не простая битва. У Лилит на уме что-то особенное...

Он ещё раз проверил регион, окружающий их. Однако снова ничего.

Но что, если *ничего* означает больше, чем кажется?

-Серри... Нужно предупредить остальных. Пожалуйста, скажи им, чтобы готовы были исполнять мои приказы...

-Для чего?

-Я не знаю.

Она больше не задавала вопросов, а просто развернулась, чтобы молча разнести весть. Пока Серентия достигала остальных, Ульдисиан сосредоточился на зоне, где ему на миг показалось, что он ощутил чьё-то присутствие.

Что-то должно было быть не так. Должна была быть причина его беспокойства. Это были не просто нервы.

Он сосредоточился сильнее, пытаясь направить на задачу всю свою волю. На этот раз Ульдисиан не мог просто опустить руки. Он должен был продолжать искать, даже если это должно было занять всю ночь.

Быть может, этого и хотела Лилит. Быть может, она хотела так изнурить Ульдисиана, чтобы он стал допускать серьёзные просчёты. Возможно, то, что он искал за пределами лагеря, было всего-навсего её иллюзи́ей.

«Нет, это должно быть нечто большее...». Сильнее напрягаясь, Ульдисиан истекал потом. Что-то должно быть там, что-то, что не так-то просто обнаружить...

И вдруг всё стало видно.

Словно огромное одеяло смахнуло мощным порывом ветра, правда обнажалась одним слоем за другим. Своим разумом Ульдисиан увидел ряд знакомых вооружённых фигур, медленно, но неотступно шествующих по направлению к лагерю через густые заросли. За первым рядом материализовался второй, а затем ещё и ещё... И ещё, пока не стало ясно, что он него была укрыта целая армия.

Надзиратели мира...

Солдаты Триединого были не одни. Ульдисиан заметил среди них жрецов всех трёх орденов. Это они наложили замысловатое заклинание сокрытия, но в его наложении он также чувствовал приложенную руку Лилит. Такое заклинание было слишком продвинутое даже для этих старших служителей.

Итак, правда об Истани наконец открылась. Лилит подготовила их исчезновение, чтобы они – конечно же, вместе с воинами из Калинаша и, быть может, даже из главного храма – собрались неподалёку. Пока Ульдисиан был сосредоточен на противнике впереди – даже с учётом его попыток замести следы за эдиремами – они шли следом, ожидая благоприятного момента для удара.

Этот момент, похоже, наступал нынешней ночью.

«Серентия!» - молча позвал Ульдиссиан. Она ответила с вопросительной интонацией. Он быстро посвятил её в курс дела.

Но когда он сделал это, сын Диомеда обнаружил, что допустил ошибку. Внутри невидимых рядов разумные жрецов внезапно закрылись от него.

Мгновенно вся армия пропала из поля внутреннего зрения Ульдиссиана. Он только и успел увидеть напоследок, что надзиратели мира ускоряют шаг.

Они заметили его. Грядёт атака.

«Противник за нами! - сказал он не только Серентии, но и всем остальным. - За нами! Готовьтесь!»

Ульдиссиан прекрасно понимал, почему Лилит послала на него свои войска ночью, а не среди бела дня, когда атакует большинство. Ночью плотнее вуаль невидимости, добавляемая к темноте. Эдиремы могли одолеть врага, но для этого им нужно было его как-то увидеть.

Или не нужно было? Ульдиссиан знал примерное местоположение надзирателей мира. Этого, по правде говоря, было достаточно, чтобы начать...

У него не было времени призывать на помощь остальных. Ульдиссиан плотно сжал ладони. Как уже происходило раньше, нечто, звучащее наподобие грома, покатилося вперёд. Гром этот был звуковой волной, да такой мощной, что она вырвала с корнями ближайшие деревья и разбросала по сторонам листья и лозы.

Ещё она, как он знал, даже не видя, с равной силой ударила передние ряды надзирателей мира.

Снова покров был снят. Приспешники Триединого стали видны ему. Первый ряд оказался совершенно разбросан, строй двух последующих был в разной степени нарушен. Однако те, кто находился сзади, которые не попали под удар, выражали только ещё большую решимость, большую готовность пролить кровь противников их господина. Устремляясь мимо павших, служители храма размахивали оружием...

Но им суждено было встретить врага, более чем готового к их нападению. Он почувствовал сообщение от Серентии, Тимеона и других «командиров», что командный состав только ждёт его приказа. Но когда Ульдиссиан уже был готов отдать приказ, он почувствовал присутствие кого-то другого. Далёкий разум Рашима достиг его, мысли хашири были исполнены отчаяния.

«Берегись, мастер! - крикнул Рашим. - Берегись! Они идут из главного храма! Смотри вперёд!»

Ульдиссиан не смел больше расспрашивать Рашима - надзиратели мира почти добрались до них. Вместо этого он отнял свою мысль от приближающихся воинов и направил её в сторону, куда шли эдиремы... В сторону, где лежал главный храм и находилась Лилит.

К своему ужасу он увидел, что хашири был прав. Точно так же, как те, кто шёл за эдиремами следом, эти тоже были искусно скрыты от его взора до сих самых пор...

Там была ещё одна армия - в несколько раз большая, чем та, с которой они вот-вот должны были сойтись в битве, - она шла на них и состояла из множества надзирателей мира и жрецов, да... Но также кое-чего более грозного.

Морлу... Многих и многих сотен морлу...

Глава двадцатая

-Мы пропали...- снова произнёс Ратма.- Мы пропали...

Траг'Оул был странно молчалив. Мерцающие звёзды перемещались туда-сюда, и в их центрах задумчивый Мендельн улавливал картины многих жизней. Некоторые картины принадлежали к прошлому, некоторые – к настоящему. Были ли там картины будущего, дракон бы не сказал.

И это тоже не сулило ничего хорошего...

В конце концов брату Ульдиссиана пришлось заговорить:

-Ну конечно, должен быть *какой-нибудь* выход! Ангелы ещё не налетели на Санктуарий, и демоны не вылезли из чёрных глубин на поверхность! Ещё должна быть надежда!

-Я всегда думал так,- ответил сын Лилит,- потому что я знал, что Пылающий Ад сделает всё, что в его силах, чтобы сохранить секрет и таким образом двигаться медленным, размеренным темпом, на который я мог положиться. Я знал, что мой отец тоже не станет торопить события, потому что у него нет желания ни открывать свой рай своему роду, ни представлять перед их суровым судом, чтобы понести наказание за свои преступления.

-И что?

Ратма нахмурился. Вдруг он стал выглядеть на свои годы.

-Как раньше, всё могло тянуться ещё сотни жизненных сроков. Однако теперь, когда Высшее Небо знает, мы ничего не можем сделать.

Повернувшись к Траг'Оулу, Мендельн выпалил:

-И ты тоже так думаешь?

Важно не то, что я думаю и во что верю, а то, чего потребует Баланс, сын Диомеда...

-И чего же требует Баланс? Скажи мне!

Дракон вновь сформировался. Его глаза пристально смотрели в глаза человека.

А это ты мне скажи...

Но после провозглашения Ратмой их неизбежной гибели Мендельн мог думать только о своём брате. Если Санктуарию приходит конец, он должен быть рядом с Ульдиссианом. Они поклялись защищать друг друга. Они были последними в семье...

-Я хочу отправиться к моему брату!- потребовал Мендельн.- Я хочу пойти прямо сейчас!

Он исчез.

Ратма некоторое время молча стоял, а затем тоже посмотрел на Траг'Оула.

-Его выбор сделан.

Как определит Баланс...

-Мы собираем элементы вместе. Если они могут пережить мою мать, возможно, есть надежда и против моего отца.

Возможно... Выбранный тобой преемник даже не оказался сломлен твоими разговорами о том, что произойдёт, если Высшее Небо и Пылающий Ад и правда встретятся в Санктуарии...

-Нет... А ведь я вполне верил в то, что говорил. Сказать по правде, Траг, весьма вероятно, что всё это делается впустую.

Если так суждено, так и будет. Означает ли это, что ты больше ничего не станешь делать, как ты притворялся

перед ним?

Ратма распрямился.

-Конечно, нет.

Дракон издал звук, очень похожий на вздох облегчения.

Итак, даже при нашей безнадежности, надежда есть...

Так вот, значит, как. План Лилит раскрылся. В очередной раз он недооценил её силу и коварство.

Если бы не отчаянный крик Рашима, для эдиремов бы не было надежды. Они бы сосредоточились на надзирателях мира, подходящих сзади, и не узнали бы о другой скрытой силе до тех пор, пока она не навалилась бы на них.

Желала ли демонесса пленить большую часть последователей Ульдиссиана или убить их и начать заново, был спорный вопрос. По разумению Ульдиссиана, закончилось это тем или иным образом, Санктуарий пропадёт в руках её или Инария. Они переделают человечество по своему усмотрению либо в омерзительную армию для Лилит, либо в коленопреклонённых почитателей для ангела.

Ульдиссиан быстро среагировал на предупреждение, донесённая весть до остальных. Он позвал к себе Серентию и Тимеона, в то же время приказывая остальным развернуться лицом к новой опасности.

Они и те, кто бы с ними, добрались до него спустя какой-нибудь миг – и едва ли на вздох раньше, чем надзиратели мира, которым уже противостоял Ульдиссиан.

С диким воем служители Триединого прыгнули на шеренгу эдиремов. Ульдиссиан сохранял покой в мыслях тех, кто был рядом с ним, направляя их первоначальные усилия.

Но двое его последователей внезапно свалились и забились в агонии, а спустя секунды затихли. Ульдиссиан ощутил колдовство жрецов и нанёс ответный удар. С мрачным удовлетворением он раздавливал их сердца прямо в грудях. Три жреца пали, уже мёртвые.

Эдиремы были вооружены не только своими способностями. Ульдиссиан прекрасно знал, что многие не способны применять их продолжительное время. Они были вооружены мечами, вилами и любыми другими орудиями, с которыми были знакомы и которые можно было использовать как оружие.

Передний ряд надзирателей мира натолкнулся на невидимую стену, созданную волей Серентии. Тем не менее, те, кто следовал сзади, надавили, и потребовалось прибавить к защите атаку. Сначала Ульдиссиан предложил эдиремам самые простые заклинания. Залпы огненных шаров по воинам в нагрудной броне. Несколько человек закричало, пытаясь погасить пламя, которое *нельзя* было погасить. Наступление надзирателей мира захлебнулось.

Довольный этим поворотом, Ульдиссиан достиг Серентии. Она сразу поняла, чего он от неё хочет.

«Иди! – подстрекнула она его. – Иди! Ты нужен им! Мы разберёмся с этими!»

Словно для того, чтобы подчеркнуть свою уверенность, дочь торговца подняла копьё и бросила его в приближающегося врага. Напитанное её силой, оно не только проткнуло надзирателя мира, но потащило его тело назад, пока не настигло второго воина, который, как и первый, хоть и был облачён в нагрудник, а всё же умер точно так же. Два тела повалились на землю.

Серентия вытянула руку, и копьё высвободилось и прилетело к ней назад.

«Иди!» - повторила она с улыбкой.

Кивнув, он развернулся и побежал туда, где Сарон и другие уже распределяли самых могущественных эдиремов для наибольших эффекта и защиты. В центре лагеря стояли самые маленькие и слабые, но, как всегда, Ульдиссиан не оставил их незащищёнными. Среди них не только находились те, кто мог создать щит для всех, но более сильные эдиремы также присматривали за ними. Ульдиссиан не хотел, чтобы заклинания жрецов летели в тех, кто был наименее способен защитить себя.

Сарон очень обрадовался его приходу.

-Мастер Ульдисиан! Мы старались изо всех сил, но так и не смогли почувствовать тех, кто, по твоим словам, на подходе! Возможно ли, что Рашиим ошибся? Он ведь так далеко!

У Ульдисиана не было времени обдумать последний аргумент, тем более после того, как предупреждение оказалось правильным.

-Они точно идут, Сарон! Всем нужно быть готовыми! Среди них много морлу, а их труднее остановить, чем надзирателей мира...

Тораджанец помрачнел.

-Да, мастер Ульдисиан. Я знаю. Одна из этих тварей убила Томо.

Не зная до этого, что именно произошло с двоюродным братом Сарона, Ульдисиан на короткое время лишился слов. Затем он внезапно почувствовал волну противоестественного зла у самого лагеря.

-Не поддавайся иллюзиям, Сарон; они почти здесь!- Ульдисиан послал предупреждение остальным, а затем занял место во главе. Он развёл руки, готовый действовать так же, как с другими нападавшими.

Но прежде, чем ему выдалась такая возможность, послышалось зловещее жужжание. Некоторые эдиремы в замешательстве посмотрели вверх. Слишком поздно Ульдисиан вспомнил, что предвосхищал зловещий звук.

-Поддерживайте силу щитов!- предупредил он.

Тёмные предметы, каждый размером с хищную птицу, вылетели из мрачных джунглей. Жужжание исходило от них, становясь громче и пугая всё сильнее с их приближением.

Мужчина закричал, когда один из снарядов угодил ему в грудь. Угловатый объект зарылся в неё глубоко. Двое других также упали, словно поражённые молнией. Ульдисиан узнал жестокое оружие, которое надзиратели мира уже пытались использовать, чтобы убить его. Зубчатые лезвия по краям были заточены так, чтобы нанести как можно более страшные раны. Кровь заливала тела жертв.

Но большинство остальных снарядов в полёте столкнулись с воздухом и потели прочь, не нанеся вреда. И всё же Ульдисиан ощущал, что многие из ближних эдиремов потеряли изрядную долю присутствия духа. Лилит делала всё возможное, чтобы подорвать их уверенность и тем самым лишить их силы.

Не успели вылететь заточенные орудия, как Ульдисиан ощутил, что враг рванулся вперёд. В самый последний момент, когда противники уже оказались на расстоянии удара, заклинание невидимости спало с них.

Непроизвольный вздох вырвался у многих эдиремов в передних рядах при виде жуткого зрелища. Не один сторонник Ульдисиана отступил назад в страхе. Ульдисиан попытался заразить их своей уверенностью, но это было непростой задачей перед лицом таких жутких врагов.

Надзиратели мира составляли первые ряды армии Триединого, но не они были главной угрозой. Ей были морлу, присутствовавшие в таком количестве, что даже Ульдисиану не верилось. Он не мог сказать, что хуже: то, что их существовало так много, или что они выглядели и двигались, как одно чудовище, повторённое несколько сотен раз. Даже в большей степени, чем надзиратели мира, неживые воины были ведомы одним побуждением... Омочить оружие в крови своих жертв.

Но не они и не надзиратели мира ударили первыми. Тёмная честь выпала жрецам. Ульдисиан ощутил их заклинания и предупредил своих, но даже тогда несколько его людей оказались недостаточно сильны. Их воля – и, следовательно, их щиты – оказались сломлены. Надзиратели мира, судя по всему, предупреждённые жрецами, тут же подскочили к наиболее уязвимым. Впервые произошло рукопашное столкновение.

Ульдисиан поймал взглядом двух надзирателей мира, прорвавшихся через стену эдиремов. По его команде оружие первого воина ополчилось против своего владельца, потроша его внутренности. Второго врага Ульдисиан послал в полёт над своими сторонниками в сторону мерзкой толпы, из которой он явился, используя надзирателя мира как эффективный снаряд, который сбил больше дюжины других бойцов.

Эдиремов осаждали со всех сторон, но большей частью они держались. Морлу ещё не присоединились к бою, но должны были в скором времени. И всё-таки Ульдисиан ожидал большего от Лилит...

И в этот самый момент из земли слева от него вылезло множество жутких щупалец, которые полезли во все стороны и стали хватать людей. Две жертвы оказались немедленно раздавлены – сила сжатия была такая, что их чуть не разломило надвое. Другого эдирема подняло и ударило о землю с такой силой, что был слышен хруст костей.

Ульдисиан, извергая проклятья, был вынужден покинуть передние ряды. Он знал, что пляшет под дудку Лилит, но у него не было другого выбора. Он не был вполне уверен, как следует разбираться с чудовищем, но его силы давали лучшую надежду на победу над монстром до того, как он убьёт вновь.

Вместо того чтобы заниматься каждым отдельным щупальцем, Ульдисиан сосредоточился на области, из которой они тянулись. Демон – ибо кто ещё это мог быть? – должен был скрываться сразу под поверхностью. Он не мог представить себе его размеры, основываясь на количестве и длине щупалец, но они должны были быть громадными.

Лилит снова обыграла его. Каждое её нападение было хорошо прикрыто. Это наверняка стоило немалых сил ей и жрецам, но их усилия были вознаграждены. Он заметил одно, был предупреждён о другом... Но из-за двух армий он даже и думать не мог об атаке *из-под земли*...

Ульдисиан ничего не знал о слабых местах демона, но применил самую ощутимую атаку. Гневное пламя внезапно вспыхнула в точке, ближайшей к источнику щупалец. Пламя вспыхнуло не только над поверхностью, но и прямо под ней.

Это сработало. Мускулистые отростки яростно забились по земле, расшвыривая жертв существа в разные стороны. Ульдисиан сразу распространил свои силы как можно шире, создав невидимую сеть, которая ловила всех и каждого из них. Ульдисиан задыхался от напряжения. Пот струился по его телу, когда он пытался безопасно опустить эдиремов.

Он уже был близок к выполнению этой задачи, как что-то резко сбilo его с ног. Ульдисиану всё же удалось поддержать свою сеть, пока он не убедился в том, что его последователи не понесут урона от падения, а потом он рассеял заклинание.

Одно щупальце оплело его левую ногу, второе охватило пояс.

В своей голове он слышал Лилит.

«Если тебе больше не хочется моих объятий, дорогой Ульдисиан, может, тебе доставят удовольствие объятия Тоноса...»

Она закончила комментарий хриплым смешком. Ульдисиан послал ей проклятье, но демонесса уже оборвала связь. Он почувствовал, что щупальце раздавливает ему ногу, и сосредоточился на противнике. Тонос явно был примитивной тварью, опирающейся на инстинкты, а не смышлёным созданием вроде Лилит или её брата, или даже демона Гулага. С Ульдисианом сражался настоящий зверь, что давало ему надежду, что он сможет обхитрить его.

Но для начала нужно было освободиться. Когда новые отростки повернулись к нему, Ульдисиан заметил, что по меньшей мере один из них был недавно отрезан. Обрубок был всё ещё опасен, но был лишён тонкого, длинного, сужающегося конца. И у Ульдисиана возникла отчаянная идея. Свободной рукой он потянулся к поясу, – где у него висел длинный нож, – но нож уволокло маленькое щупальце. Это не остановило его. Мыслью Ульдисиан достиг оружия мёртвого надзирателя мира, поднял его высоко в воздух и обрушил на ближайшее щупальце.

Заряженный его волей, изогнутый меч быстро расправился с конечностью Тоноса.

Послышался глухой рёв, и возникло дрожание, от которого стали падать как эдиремы, так и надзиратели мира. Не только разрубленное щупальце поспешило скрыться под поверхностью, но и все *остальные*.

Выдыхая, Ульдисиан начал подниматься...

Вся область под ним – где-то с четверть лагеря – взорвалась, огромное тело вырвалось из глубин. Послышались крики тех, кто оказался поблизости, люди стали разбегаться.

У Тоноса не просто было много щупалец... Он был щупальцами. Они все исходили из овальной массы в центре, массы размером с дюжину ульдисианов. От неё отовсюду отходили конечности различных размеров и длин, их было больше сотни, если только Ульдисиан мог верить своим глазам.

И с точки зрения глаз Тонос тоже был кошмарен. Там на его теле, где не было щупалец, находились глаза, самые что ни на есть человеческие глаза. Большинство из них были крупнее головы человека и не просто взирали на Ульдисиана, но делали это с дикой злобой.

Два десятка конечностей прыгнули на него. Ульдисиан выбросил вперёд ладонь и отразил большинство, после чего ему пришлось отпрыгнуть в сторону, когда две прорвавшиеся чуть не схватили его. Он притянул в руку меч надзирателя мира и замахнулся на одну, но Тонос успел отнять её.

Громадный демон бросился на него, двигаясь стремительно на более чем двадцати других щупальцах. Откуда-то раздался ещё один гортанный рёв. Ульдисиан не видел рта и надеялся, что ему не доведётся оказаться достаточно близко, чтобы найти его.

Внезапно перед страшным телом Тоноса появилось лицо Лилит.

«Всё потеряно, любовь моя...- насмехалась она.- Оглянись! Твои драгоценные последователи проигрывают моим марионеткам! Видишь?»

Он и не думал смотреть, потому что демонесса явно пыталась отвлечь его, но Тонос замер, словно загипнотизированный. Бесхитростное создание разрушения, оно без сомнения жило лишь для того, чтобы выполнять приказы Люциона (или кого оно считало таковым). Хотел бы Ульдисиан открыть ему правду, но даже после этого существо могло не унять буйства.

Лилит продолжала удерживать Тоноса на месте. Наконец Ульдисиан сделал, как она предложила... И увидел, что в кои-то веки его бывшая возлюбленная не солгала. Поднятие Тоноса на поверхность повергло эдиремов в хаос: они думали – быть может, справедливо – что теперь им нужно было бояться ужасной опасности, подстерегающей внизу, помимо непрестанной угрозы, всё ещё идущей потоком из джунглей.

Серентия держалась лучше всех, но даже она испытывала сильное давление. Он не осмелился отвлекать дочь торговца, связываясь с ней, – она и без того сражалась в одиночку более чем с одним надзирателем мира.

В самом плачевном состоянии находились те, кто сражался со второй армией Лилит. Морлу достигли битвы и проталкивались через ряды своих живых союзников в своей жажде крови эдиремов. Находясь перед лицом такого зла, зная о жутком демоне в самом сердце их рядов, эдиремы теряли не только почву под ногами, но и веру в свои собственные способности. Всё чаще они полагались исключительно на физические оружие и защиту, что ставило их в сражении с морлу в сильно невыгодное положение.

«Видишь?- сказала Лилит, возвращая внимание на себя и на Тоноса.- Стала бы я лгать тебе? Ты привёл этих бедных дурачков на смерть. Они будут забыты, и всё из-за тебя... Если только...»

Он не мог не ждать продолжения. И Лилит не разочаровала его.

«Ты по-прежнему может отдать их мне, любовь моя... Отдай их мне, и я отзову Триединое... И моего маленького любимца здесь...»

Отдать их... Чтобы они стали участниками её нечестивого завоевательного похода. Многочисленные слои её плана продолжали сниматься один за другим. Ульдисиан не сомневался, что демонесса будет продолжать бойню, пока он наконец не уступит.

Некоторое время он обдумывал её требования. Столькие жизни будут спасены. Больше не будет крови...

Но только до поры до времени.

У него был для неё только один ответ: «Лучше мы все умрём, Лилит, чем хоть раз встанем перед тобой на колени».

И с этими словами он выбросил вперёд ладонь, целясь в самый приметный глаз с этой стороны Тоноса.

То, что началось, как поток света, ударило в улыбающееся лицо Лилит, которое исчезло сразу следом. Прежде, чем свет достиг чудовищного демона, он преобразился, отвердел в сверкающее копьё.

Наконечник погрузился в зрачок. Жёлтый гной хлынул из глаза, и Тонос вновь заревел.

Десятки щупалец потянулись к Ульдисиану, которому пришлось сражаться со всей сообразительностью и ловкостью, чтобы избежать их. Некоторые были такими тяжёлыми, что, если бы они добрались до сына Диомеда, то наверняка раздавили бы его; иные же были такими тонкими, что он подозревал, что Тонос захочет использовать их как хлысты или арканы. Как бы то ни было, Ульдисиан не давал никаким из них достать его.

Если и было какое-то утешение в его отчаянном положении, так это то, что чудовище теперь было одержимо только им. Оно не обращало никакого внимания на эдиремов, что было большой удачей, раз они уже сражались не на жизнь, а на смерть. Морлу стали прорывать кровавую траншею через левый фланг, их смех холодил даже сердце Ульдисиана.

Он знал, что он мог бы помочь или хотя бы преградить морлу путь, но только если бы Тонос был побеждён. Однако это само по себе отнимет слишком много времени... Если вообще получится. Потеря глаза скорее ещё больше разгневала демона, чем ранила его. Столь же вероятно, если не более вероятно, что в скором времени погибнет сам Ульдисиан.

Но он продолжал уклоняться и отражать щупальца, каждую секунду поражаясь, как он умудряется избегать их. Тонос ревел снова и снова, судя по его интонациям почти можно было предположить, что его начинает раздражать упорство мелюзги.

Затем вдруг Ульдиссиана схватили за лодыжку. Он упал. Меньшее щупальце показалось из-под земли, словно змея, выползающая из своего гнезда, и стало обвивать его ногу. Ульдиссиан недооценил интеллект монстра, и возможно, что это был губительный промах.

Он сделал движение, чтобы отрезать отросток, но другое щупальце схватило его запястье, а третье отбросило меч прочь. Четвёртое надавило на грудь, выдавливая воздух из лёгких...

Ульдиссиан чуть не потерял сознание. Какая-то часть его раздумывала, не лучший ли это вариант; что ему осталось, кроме как наблюдать уничтожение эдиремов и свою собственную страшную кончину?

Однако он боролся, пусть и слабо. Ульдиссиан не мог восстановить дыхание и, следовательно, соображать настолько, чтобы использовать свои силы. Он почувствовал, что Тонос тащит его к себе. Сквозь пелену, застилавшую ему глаза, Ульдиссиан наконец увидел рот – злоебщий клювообразный выступ внизу тела демона. Толстый язык, с которого стекала слюна, вылез из рта и потянулся за ним.

Взвинченный этим видом, Ульдиссиан сумел послать заряд чистой силы прямо в рот. Он ударил в язык, поджигая его.

Извергая шум, от которого стучало в ушах, демон отнял язык и спрятал его во рту. Щупальца, держащие Ульдиссиана, больно сжались. Если не удастся съесть человека, Тонос будет доволен уже и тем, что раздавит его.

Затем Ульдиссиан ощутил рядом с собой кого-то. Ему сразу вспомнились джунгли, когда Мендельн пришёл к нему на помощь в битве с древней демонической сущностью. Интересно, где его брат находится всё это время; разве судьба эдиремов не связана неотрывно с Ратмой и драконом? Неужели сам Мендельн не стремится прийти к своему брату, как Ульдиссиан стремился бы прийти к нему?

Что-то произошло, но что именно, изнурённый Ульдиссиан сразу не мог сказать. Он знал только, что щупальца оставили его. Воздух наполнил его лёгкие. Тонос гневно заревел...

-Мендельн...- сумел произнести Ульдиссиан, трясая головой, чтобы прочистить одновременно её и зрение. Мендельн, я знал, что ты...

Это был не Мендельн.

Ахилий стоял рядом с ним, быстро выстреливая одну стрелу за другой. Эти стрелы, на вид незначительные, наверно пробивали каждый видимый глаз демона.

Более того, после попадания... Они разрешались взрывом энергий, куда как более смертоносным, чем наконечник стрелы.

Шесть глаз были разбиты, в них трещали синие искры. Тонос затрясся, и многие его конечности беспричинно забились. Ахилий, стоя, словно какой-нибудь жуткий страж, доставал одну стрелу за другой из своего колчана... И явно не собирался спасаться бегством.

Отойдя от потрясения, Ульдиссиан позвал:

-Ахилий! Что...

Ни разу не промахнувшийся лучник обратил взор на старого друга.

Глаза Ахилия сверкали белизной. Без всякого выражения на лице он сказал:

-Иди, Ульдиссиан. Ты нужен.

С этими словами блондин вернулся к стрельбе. Тонос впервые выказал признаки неуверенности. Несколько щупалец тёрли уже простреленные глаза. Другие стали раскорчёвывать почву.

Ульдиссиан, всё ещё в нерешительности, стоит ли оставлять Ахилия один на один с этим чудищем, сразу же понял, что делает Тонос.

-Он хочет зарыться!- крикнул он лучнику.- Он хочет напасть из-под земли!

На это Ахилий ответил всё тем же ровным голосом:

—Нет. Не нападёт. Иди уже, Ульдисиан.

На этот раз Ульдисиан послушался. Он не понял этого последнего лица своего друга детства, но важно было то, что Ахийий объявился, чтобы удержать Тоносу на месте. По крайней мере, Ульдисиан надеялся выручить эдиремов и затем прийти на помощь лучнику.

Если всё это ещё было возможно...

Борьба с морлу обернулась сущим отчаянием. Единственным маяком надежды служил Сарон. Тораджанец, выглядящий почти так же свирепо, как воины в шлемах, орудовал длинным, тонким мечом, и поначалу казалось, что он борется с отвратительным неприятелем при помощи одного этого умения. Тем не менее, каждый раз, когда меч разил, порез сопровождался синей вспышкой. В данном конкретном случае результатом стало то, что в следующий миг голова покатила с плеч морлу.

Но эдиремы, которые находились в отдалении от Сарона, отступали. Морлу и выжившие надзиратели мира ступали по телам умерших, жажда новых жертв.

Остановившись, чтобы снова перевести дух, Ульдисиан взглянул на вторгшихся злодеев. Он подсмотрел, как морлу собирается убить тораджанца, и ярость обуяла его.

Морлу зашипел, и клинок в его руке расплавился. Шипение перешло в вой, когда участь клинка разделила его рука в перчатке. Ульдисиан не остановился, пока от морлу не осталась кипящая масса, — на всё потребовалось три вдоха.

Эдирем сообразил, что Ульдисиан снова с ними. Его уверенность заметно возросла. Под руководством Ульдисиана шеренга начала укрепляться, в некоторых местах даже оттеснять служителей храма.

Затем партанец, которого Ульдисиан считал убитым, поднялся снова с топором в руке. Рядом с ним встал тораджанец. Ульдисиан радовался этому зрелищу... Пока надзиратель мира, чьё горло представляло собой кровавую мешанину раскромсанных плоти и сухожилий, не присоединился к ним.

Все трое повернулись лицом к защитникам... И все трое начали атаковать.

Все трое были мертвы...

Встревоженный голос Серентии заполнил его голову. «Ульдисиан! Убитые! Наши и чужие! Они встают! Все! Они встают!»

Они и правда вставали. Всюду, куда ни глядел Ульдисиан, те, кто был убит, теперь стояли. У некоторых из них недоставало конечностей, даже голов. Эдиремы, надзиратели мира, жрецы, морлу — все более-менее неповреждённые снова оказались на ногах.

И все теперь выступали бок о бок с остальными служителями Лилит против Ульдисиана и его последователей.

Глава двадцать первая

Он снова услышал её смех. Победоносный смех Лилит. Раз за разом она отбирала у него надежду.

Но если она думала, что это в конце концов сломит его, в конце концов заставит Ульдиссиана отдать ей души эдиремов, то демонесса сильно заблуждалась.

Трупы, ковыляющие к его людям, были всего лишь пустыми оболочками. Души мужчин и женщин, которыми они были когда-то, продолжили свой путь. Это становилось ещё очевиднее от того, что никто из воскрешённых эдиремов не использовал свои силы. Все они полагались на оружие, которое держали в руках. Когда Ульдиссиан попробовал прощупать одну из фигур, он не ощутил ничего живого.

И это всё решило для него. Не чувствуя ни капли сожаления из-за того, что должен сделать, Ульдиссиан взмахнул рукой в направлении первых нескольких ходячих мертвецов. Они немедленно рухнули. Тем не менее, прежде чем он успел облегчённо вздохнуть, тела снова поднялись на ноги с оружием в руках, готовые пополнить свои ряды.

Как бы ни был он силен, Ульдиссиан не мог бесконечно играть в эту игру с Лилит и жрецами. Ему придётся уничтожить её существ одним махом, но это подвергало риску ранения или даже убийства его последователей в процессе.

Но другого выбора не было. Каждый миг промедления всё больше тех, кто доверил ему свои жизни, падали жертвами Триединого... А затем поднимались, чтобы встать на его сторону.

У него была только одна надежда, но она означала, что придётся рискнуть всем.

А впрочем, битва уже вышла за рамки беспокойства о таких вещах.

«Отойдите назад, - приказал он эдиремам, стоящим впереди него. - Быстро! Те, кто может, создайте щит! Отделите нас от них хотя бы на несколько футов!»

Они подчинились, не задавая вопросов, отчего у него внутри всё перевернулось. Они думали, что Ульдиссиан снова пришёл их всех спасти. При этом он не мог больше обещать, что это будет так.

Сердце его громко стучало, пока он ждал выполнения приказа. Однако если в некоторых местах им удалось добиться успеха, в иных оказалось невозможным отделиться от морлу и надзирателей мира. Ульдиссиан больше не мог ждать. Он молился о том, чтобы ему удалось сдержать свои силы и не сделать их жертвами слишком многих своих товарищей. Что было хуже, он даже не знал, добьётся ли он осуществлением задуманного чего-нибудь за исключением отсрочки поражения.

Он сосредоточился на массе тел...

Воскрешённые мертвецы внезапно начали падать. Не только умершие эдиремы и надзиратели мира, но и убитые морлу. Он просто падали, словно порыв ветра сбивал их с ног.

Но не Ульдиссиан был причиной этого чуда. Сбитый с толку, он огляделся вокруг в поисках источника, но не нашёл его.

Затем он спохватился, что нельзя упускать случай.

«Бейте! - приказал он остальным. - Бейте, пока они не очнулись!»

Надо отдать им должное, эдиремы перегруппировались немедленно. Сарон и другие командиры пустили их вперёд. Оставшиеся в живых надзиратели мира и морлу приготовились к тому, что наверняка должно было стать последним столкновением. До этого внезапного поворота событий они были полностью уверены в своих силах.

Но затем донёсся голос, выкрикивающий слова на языке, которого Ульдиссиан не понимал. Правда, он узнал сам голос, и сердце его подпрыгнуло от радости.

Фигура в чёрном с длинным блистающим белым кинжалом в одной руке снова выкрикнула заклинание в направлении атакующих. Мендельн с вытянутым бледным лицом напряжённым голосом повторял вновь и

вновь одни и те же слова.

И прямо на глазах у Ульдиссиана морлу в переднем ряду один за другим шипели в смятении... И падали, такие же мёртвые, как и некогда оживлённые тела.

Надзиратели мира и жрецы сбились с шага, ошеломлённые тем, что их самое действенное оружие оказалось уязвимым. Морлу, которые оставались позади, так же замедлились, в их движениях впервые проскальзывали неуверенность и даже, возможно, некоторое беспокойство.

Ульдиссиан быстро огляделся вокруг и увидел, что практически повсюду передние ряды морлу пали. Он тут же подстрекнул эдиремов, чтобы те поднажали, и они откликнулись на его призыв. Надзиратели мира и морлу, которые осмелились выбраться вперёд, стали натекать на невидимые барьеры. В ряды Триединого полетели энергетические шары, одолевающие сразу нескольких врагов. Ульдиссиан направлял усилия своих лучших обращённых на жрецов, изводя фигуры в мантиях до такой степени, что некоторые из них стали отступать.

Но отступившим не давали уйти очень далеко. Вот один закричал: шипы пронзили всё его тело. Он наскочил на одного из своих товарищей, и тот начал пятиться, кровь потекла из двух колотых ран на полы его одежд.

Эдиремы не прилагали к этому никаких усилий. Ульдиссиан ощущал ярость Лилит, как, конечно же, ощущали её и жрецы. Из страха к своему предполагаемому Примасу они возвращались на поле боя.

Ульдиссиан вознаградил их за принятое решение сетью лоз, которые упали сверху и оплели шеи и конечности троих жрецов. Черпая вдохновение у Тоноса, он заставил лозы затянута так, чтобы они задушили его противников.

Словно мысль о нём как-то привлекла внимание демона, Тонос заревел так громко, что Ульдиссиан понял, что тот должен находиться сразу за его спиной. Он едва успел отскочить в сторону, как чудище, *пошатываясь*, проползло мимо. Многие его щупальца безвольно висели, а на месте большинства глаз были раны от ожогов. Чудовище было усеяно стрелами, причём каждая из них пронзила жизненно важную часть.

Ахилия не было видно, но у Ульдиссиана не было времени думать о лучнике, потому как Тонос, теряя силы с каждым движением, начал опасно крениться. Ульдиссиан просчитал его путь и быстро предупредил тех, кто находился на нём.

«Уходите! Быстро уходите!» - повторял он снова и снова, пока последний из эдиремов не сумел отскочить в сторону.

Тонос испустил продолжительный последний рёв... И рухнул. Ульдиссиан как мог подкорректировал падение огромного демона.

Из-за плотности своих рядов миньоны Триединого не могли разойтись. Некоторым удалось бежать, но большинство попало под падающее чудище. Бесчувственные надзиратели мира кричали в панике, прежде чем оказаться придавленными массивным телом. Другие воины избежали тела, но были сбиты многочисленными болтающимися конечностями, которые неслись следом. Даже морлу не избежали этой участи: некоторых из них разметало, словно листья.

Эдиремы с удовольствием устремились обратно в зону. Им осталось сражаться только с некоторыми морлу, но и их число продолжало уменьшаться по мере того, как Мендельн во весь голос вновь и вновь выкрикивал таинственные слова.

Затем в воздухе послышалось знакомое жужжание. Ульдиссиан охнул и потянулся туда, но был недостаточно быстр. Смертоносное оружие надзирателя мира летело в его брата, метатель искусно прицелился прямо в грудь Мендельна.

В последний момент Мендельн дёрнулся, его свободная рука загородила путь. К несчастью, плоть и кость были недостаточной бронёй против такого зловещего оружия. Вертящиеся лезвия *прорезали* его руку посередине между локтем и верхом плеча. Рука Мендельна буквально отпала.

Лезвия порвали одежду и слегка оцарапали бок, но этим дело и кончилось. Высокую выносливость Мендельна подтверждало то, что он всё ещё стоял, даже когда кровь хлестала из раны. Брат Ульдиссиана посмотрел вниз на утраченную конечность, а затем потрогал то, что осталось от плеча.

Кровотечение ослабло сразу, как только Ульдиссиан подбежал к нему.

-Дай, я помогу тебе с этим!

-Времени нет! - ответил Мендельн. Его лицо стало даже ещё бледнее, но в остальном он был самим собой.

Обширная рана, похоже, уже наполовину затянулась. - Мы должны поднажать! Мы должны закончить всё здесь и сейчас!

«Но это не окончится здесь!- осознал Ульдисиан.- Это продолжится до тех пор, пока Лилит не перестанет преследовать нас!»

Несмотря на это, он отстал от Мендельна. Снова высоко подняв свой необычный клинок, младший брат Ульдисиана возобновил чтение. Новые и новые морлу падали на землю – демонические узы, ведущие их, обрывались навеки.

Ульдисиан стал искать взглядом Ахилия, но его друга всё ещё нигде не было видно. Вот Серентию *было* видно. Она использовала свои силы и копье так, словно родилась с ними. Каждый раз, когда надзиратель мира или какой-нибудь другой противник пронзился наконечником её оружия, другой падал от огненного шара, пылевой бури или какого-то другого заклинания.

«Серентия!- позвал он.- Где Тимеон?» - Как и Ахилия, его следов не наблюдалось.

«Мёртв! Морлу поймал его, когда он был занят другим!»

Партанцев становилось всё меньше, и даже хотя в эту ночь к нему возвратились брат и друг детства, потеря Тимеона лишь подчеркнула, что прошлое Ульдисиана мало-помалу стирается. Слабым утешением служило, что Ионас – некогда испещрённый шрамами Ионас – командовал остальными во имя своего единственного кровного родственника.

«Будь ты проклята, Лилит!» - тихо ругнулся он. Нет, это никогда не кончится! Если она не добьётся успеха с Триединым, демонесса улизнёт, чтобы найти какой-нибудь другой способ, как захватить эдиремов... Захватить всё человечество в свои руки.

Он не мог ей этого позволить. Он не мог дать ей продолжить. Ульдисиан представил её перед собой, представил её в своём захвате...

И она была.

Дочь Мефисто стояла прямо напротив Ульдисиана с таким же выражением удивления на лице, как и у него. Она была в своём истинном облике рептилии-соблазнительницы, в каком он видел её в последний раз. Ульдисиан и в самом деле держал её, как рисовал в своём воображении, руки больно и тесно обвили её плеч. Их лица находились меньше чем в футах друг от друга.

К несчастью, первой пришла в себя Лилит. Её зияющий рот преобразился в знакомую обезоруживающую улыбку, с помощью которой Лилия в самом начале покорила его сердце.

-Ох, Ульдисиан, любовь моя! Если ты хотел, чтобы я вновь оказалась в твоих руках, нужно было просто сказать мне об этом.

Что-то обвилось вокруг его горла, затягиваясь подобно змее. Слишком поздно он понял, что это её хвост.

-Нам стоит отправиться в более укромное место, ты так не считаешь?

Они исчезли с поля боя.

Серентия почувствовала удивление Ульдисиана и его последующий испуг, но борьба с Триединым помешала ей прийти к нему на помощь. Она ощутила отвратительное присутствие Лилит и чуть не закричала в ужасе, когда он и демонесса исчезли.

Но даже тогда дочь торговца не могла ничего поделать, только продолжать воевать и убивать надзирателей мира, жрецов и морлу, которых как будто становилось тем больше, чем больше их умирало. Возвращение Мендельна и избавление им многих морлу от их пародии на жизнь помогло предотвратить бойню, но этим делом и ограничилось. Служители храма были лучше подготовлены для этого хаоса; последователи Ульдисиана всё ещё были большей частью фермерами, торговцами и т.п.

Однако они воевали с бо́льшими решимостью и умением, чем даже она могла представить... Вопрос был в том, окажется ли этого достаточно?

Двое морлу напали на неё. Но, прежде чем Серентия успела разобраться с ними, стрелы в быстрой последовательности пронзили глаза и горла нападавших. Каждое попадание сопровождалось вспышкой энергии.

Морлу упали.

«Ахилий?» - выпалила она. Через Ульдиссиана Серентия узнала о присутствии лучника, но, поскольку сама не могла его ощутить, верила лишь наполовину. Но теперь...

Теперь темноволосая девушка стала биться жёстче. Ахилий был с ней, пусть она и не увидела его воочию. Он был с ней. Чем ни кончится бой, победой или поражением, они будут вместе.

В жизни или смерти они будут вместе...

Если бы кто-то заранее сообщил Мендельну, что ему достанет сил не только пережить потерю руки, но и действовать после этого как ни в чём не бывало, он бы посчитал собеседника сумасшедшим. Теперь он *себя* считал сумасшедшим... Но не беспокоился об этом. Ульдиссиан исчез, его взяла демонесса. Мендельн не знал, что в настоящий момент происходило с его братом, но явно что-то нехорошее. Лилит уж точно была сыта по горло его сопротивлением; она захочет, чтобы он заплатил за это, и заплатил сполна.

«Я хотел стоять бок о бок с ним,- с горечью подумал Мендельн.- Недолго же мне удалось это делать...»

Он думал позвать Ратму и Траг'Оула, но почему-то не стал. Вместо этого он использовал своё ранение и свою скорбь как источники силы для работы. Один морлу за другим, лишённые демонической эссенции, которая оживила их, падали перед ним. Правда, каждое заклинание отнимало у него изрядную долю сил, чего он не хотел выказывать внешне. При этом оставалось ещё очень много морлу, и их свирепые клинки продолжали прорываться сквозь щиты эдиремов, обрызгивая внутренностями несчастливцев других защитников.

«Они все должны быть изгнаны, если мы хотим победить... Или даже выжить... Должны!»

Морлу прорвался. Вместо того чтобы атаковать сзади тех, кто воевал с Триединым, звероподобный воин направился к детям и слабейшим в круге. Чудовищная ухмылка растянулась по его неестественному лицу. В то же самое время ещё двое морлу проскочили через бреши в рядах последователей Ульдиссиана. Эдиремы не имели недостатка в силе и храбрости, и уже не раз доказали это; их просто было меньше, и им не доставало опыта в гнусном мастерстве убийства.

«Они должны быть изгнаны!» Но только он до сих пор выражал это желание и обладал такой способностью. Всё, что показали или чему научили его дракон или Ратма, ничего не стоило. Ни один из их методов или заклинаний не сосредотачивался на такой монументальной и отчаянной задаче.

Однако Мендельн должен был попытаться. Это всё ещё не означало, что эдиремы будут спасены, но просто так сдаваться...

И ему внезапно пришла на ум идея, как прийти на помощь брату. Это тоже была отчаянная идея...

Он достал из кармана маленький фрагмент кости. Без колебаний он сказал ему:

-К моему брату. Помочь ему против Лилит.

Фрагмент исчез. Мендельн надеялся, что не совершил только что ужасной ошибки, но у него не было никакого иного выбора.

Осталось разобраться с морлу. Собравшись с мыслями, Мендельн прокручивал в памяти слова. Их нужно было расставить вот так. Он больше не следовал примерам своих наставников, полагаясь на самого себя.

«Если так будет угодно Балансу,- подумал брат Ульдиссиана,- это сработает...»

А если Балансу не будет угодно... Мендельн не хотел об этом думать...

Он поднял кинжал и начал выкрикивать слова. Его заклинание было его собственной вариацией того, что он уже использовал, только усиленной. Однако не только слова силы нужны были ему. Мендельн вложил в дело свою волю, всё своё существо. Морлу были надругательством над естеством; они должны были быть изгнаны...

Из кинжала вырвался ослепительный свет, от которого сам Мендельн закричал в удивлении. Он зашатался, внезапно чувствуя себя так, словно из него высасывают саму жизнь.

Свет распространился среди эдиремов, а затем среди их врагов. Мендельн смотрел с надеждой и тревогой в ожидании, что что-то произойдёт. И когда ничего не произошло, он чуть не сдался своей растущей слабости.

Но затем морлу снял свой шлем. Безобразный воин с полностью открытым ужасающим, покрытым шрамами лицом сделал неловкий шаг в направлении Мендельна... А затем развернулся и рухнул на землю.

Упал второй рядом с ним. Потом и третий.

«Получается!- обрадовался Мендельн.- Получается!»

Тем не менее, это всё ещё происходило слишком медленно, и давление, которому подвергался он, начинало преобладать. Он упал на одно колено, когда целый ряд морлу просто взял и рухнул.

Мендельн проклинал своё немощное тело. Он проклинал также Ратму и Траг'Оула за то, что взвалили всё это на него. Они говорили о необходимости поддерживать Баланс, но как он будет поддержан, если эдиремов всех перебьют здесь? Какой прок тогда от Баланса? Почему дракон ни разу не вышел из укрытия и не предпринял каких-либо действий, вместо того чтобы без конца твердить остальным, что они должны делать?

Ты говоришь правду,- внезапно раздался знакомый голос.- Ты говоришь правду, Мендельн, уль-Диомед...

Ощущение было такое, словно брат Ульдиссиана спал всю свою жизнь, а теперь пробудился с силами, которыми дракон – и Ратма, чувствовал Мендельн, – наполнили его. Мендельн поднялся, полный надежды, полный силы.

Силы, которую он сосредоточил на кинжале... И на своём заклинании.

Свет воссиял так ярко, что его наверняка увидели даже те, кто бодрствовал в столице. Вокруг него бойцы застыли в изумлении.

И морлу – все морлу – наконец-то умерли... Снова.

Они падали дюжинами, двумя десятками и, Мендельн был уверен, сотнями. Поворачиваясь кругом, он видел только их трупы, усеивающие уже буквально пропитанные кровью джунгли. К счастью, он знал, что эти чудовища больше не восстанут, потому что заранее позаботился об этом во время чтения заклинания.

С ними со всеми покончено,- провозгласил Траг'Оул,- Их больше нет...

Дракон и Ратма оставили его. Мендельн зашатался и упал на оба колена. Его рука безвольно опустилась, и тогда невиданное освещение, излучаемое его кинжалом, исчезло.

Другой голос проник в его мысли, но этому голосу он был рад, поскольку он говорил не с ним одним, а со всеми защитниками.

«Добейте их!- приказала Серентия.- Они в смятении! Они проиграли! Теперь время ударить... За Ульдиссиана!»

Радостный шум поднялся в рядах последователей его брата, и даже Мендельн прибавил к нему свой измученный крик. Эдиремы ринулись к противнику, сметая надзирателей мира и отбивая заклинания жрецов. Помимо лязга оружия были также энергетические шары, подвиги возросшей силы и так далее. Некогда неодолимые ряды Триединого распались. Надзиратели мира бились, но без особой надежды.

Мендельн хотел лишь спать, но заставил себя подняться на ноги. Поспать можно будет только тогда, когда, – если предположить, что позади этой уродливой головы не скрывается какого-нибудь нового ужаса, – миньоны Лилит будут полностью уничтожены. Только тогда...

Он ощутил, что жрец читает заклинание. Мендельн вытянул кинжал вперёд и забормотал. В голове он представил, как заклинание жреца обращается против него. Тёмная тень окутала заклинателя, тень, которая буквально пожрала его целиком. У жреца даже не было времени закричать.

Воевать ещё предстояло немало, но победа теперь склонилась на сторону эдиремов. Их уверенность продолжала возрастать, а кроме того они чувствовали сердцами, что это решающий момент.

И они сражались. Мендельн, зная о том, что больше ничего не может сделать для брата, сражался вместе с ними. В этот миг он одновременно уважал и ненавидел Баланс, поскольку он прекрасно знал, что эдиремам нужно победить, даже если это означает потерять Ульдиссиана. Санктуарий мог выжить и без его брата. Мендельну только оставалось надеяться, что посланный фрагмент поможет Ульдиссиану выжить, где бы он ни находился.

Конечно, если учесть, что содержит отравленный кусочек, если учесть, какое зло таится в нём, то вполне возможно, что Мендельн совершил прямо противоположное...

Глава двадцать вторая

Ульдиссиан стоял посреди лабиринта.

Он знал, что это какая-то часть главного храма, но об остальном не имел понятия. Когда он пытался использовать свои силы, чтобы выбраться, ничего не происходило. Он не появлялся в другом месте и на этот раз не мог призвать к себе Лилит. Сын Диомеда не знал, почему это так, но это не сулило ничего хорошего в его противостоянии Лилит.

Ульдиссиану ничего не оставалось, кроме как продолжать идти по суровому каменному коридору. Факелы, вделанные в стены, освещали путь, хотя смотреть больше, в общем-то, было не на что. И всё же воспоминания о стычках в тораджанском храме были ещё свежи, так что он то и дело посматривал на потолок, пол и стены. Ульдиссиан знал, что такое отвлечение работает только в угоду демонессе, но ничего не мог поделать.

Коридор закончился другим коридором, что дало ему выбор, повернуть направо или налево. Уже выбрав правый поворот на прошлом пересечении путей, на этот раз Ульдиссиан пошёл налево. По правде говоря, что-то ему подсказывало, что он окажется в том же месте независимо от того, какое направление выберет. Было в этом лабиринте что-то совершенно неестественное – ничего удивительного, если вспомнить, что он был демонического происхождения. Хотя он напомнил Ульдиссиану о Лилит, было вполне вероятно, что лабиринт был делом рук её брата, Люциона.

Сделав лишь несколько шагов по новому проходу, Ульдиссиан внезапно повернулся и впечатал кулак в ближайшую стену. Одновременно защищённый и усиленный его даром, его кулак проделал в камне огромную дыру. Трещины разошлись во все стороны на приличное расстояние. Ульдиссиан отнял руку, чтобы посмотреть, сколько вреда он нанёс...

И стена починилась сама собой. Камень возвратился на место, трещины затянулись. За меньшее время, чем понадобилось на разрушение, все следы его исчезли.

Он ругнулся. Ульдиссиан-то думал, что, быть может, предприняв порывистое действие, он сумеет застать Лилит врасплох. Но её ловушка оказалась весьма, весьма замысловатой.

Ульдиссиан сразу материализовался в этом месте, его бывшей любовницы нигде не было видно и её нельзя было ощутить. Он всё ещё корил себя за то, что слишком медленно среагировал на её внезапное появление. В конце концов, ведь это он так сильно хотел, чтобы она оказалась там...

Как ни пытался, Ульдиссиан не смог повторить это действие. Опять же, он не понимал, почему это так. Должно быть, Лилит сделала *что-то* с ним...

Впереди раздался стук.

По звуку это было так, словно кто-то уронил маленький предмет. Стук отдался коротким эхом, и снова всё затихло. Ульдиссиан не видел ничего подозрительного. Что это, новая попытка Лилит? Она решила отвлекать его внезапными случайными звуками? Судя по тому, как сильно сейчас стучит его сердце, подумал Ульдиссиан, возможно, это верный ход.

Он сделал несколько осторожных шагов к месту, откуда донёсся шум. Поначалу Ульдиссиан не заметил никаких изменений, но затем увидел маленький, странный, бледный камешек, лежащий у одной из стен. Почему-то в памяти всплыл Мендельн. Хотя и не вполне понимая, почему ему следует это сделать, Ульдиссиан наклонился и поднял камешек.

Странный камешек был таким холодным, что он чуть не выронил его. Однако снова возникло ощущение, что его брат как-то связан с этой находкой. Выпрямившись, Ульдиссиан рассмотрел её.

Путь, который ты ищешь, находится сзади...

Ульдиссиан сдержал вздох изумления. Он *знал* этот голос, знал его очень хорошо. Никак не ожидал он услышать его снова, особенно исходящим от камня.

Нет... Он увидел, чем камешек по-настоящему был. Как фермер, что выращивал животных, он мог бы узнать его и пораньше. Это была кость.

А голос принадлежал жуткому Малику.

Путь, который ты ищешь, находится сзади... - повторил голос.

Действуя интуитивно, Ульдиссиан пробормотал:

-Почему ты здесь, жрец?

По приказу твоего брата... И из удовольствия мести...

Первую часть Ульдиссиан понял, вторая поначалу сбивала его с толку. Он не мог уразуметь, почему стал бы Мендельн отправлять к нему дух Малика, если тот желал лишь отомстить Ульдиссиану. Но потом сын Диомеда вспомнил, *кто* именно был повинен в смерти мужчины.

-Так тебе нужна Лилит...

Путь, который ты ищешь, находится сзади...

Загадочный ответ Малика заставил Ульдиссиана нахмуриться. Он не вполне доверял призраку, даже если Мендельн *и вправду* подослал его к нему. В то же время у него не было иного выбора, кроме как довериться указаниям... На данный момент.

Вернувшись к предыдущей развилке, Ульдиссиан пошёл в направлении, от которого отказался. Призрак жреца больше не выходил на контакт, так что Ульдиссиан решил, что ему следует продолжать идти, пока тот что-нибудь не скажет.

И действительно, голос раздался на следующем перекрёстке.

Ты должен свернуть налево.

-Сколько времени это займёт?

Расстояние сокращается, Ульдиссиан уль-Диомед, пусть опасность также возрастает...

-То есть?

Это была забава моего владыки Люциона... Неверный шаг, неверный поворот... И получишь сполна... - после этих слов голос затих, и Ульдиссиан решил больше не выпытывать. Помимо направлений Малик давал только загадки. Ульдиссиан снова поклялся быть с призраком начеку.

Малик молчал, пока они не достигли очередного коридора. Ульдиссиан пошёл новым путём и спустя несколько минут заметил, что путь становится темнее. Кроме того, его стала одолевать клаустрофобия.

Припоминая хитрости пещеры Камня Мира, Ульдиссиан отверг ощущение. Расстояние между факелами на стенах продолжало расти, и Ульдиссиан призвал свой собственный огонёк.

Изменения в обстановке не сулили ничего хорошего. Он потребовал ответа от кости:

-Что здесь происходит, жрец?

Не отклоняйся от пути, - очень кратко ответил призрак. Малик словно стоял прямо рядом с ним. - *Не прикасайся к стенам, какая бы нужда не возникла...*

Хотя он не собирался ослушаться, Ульдиссиан хотел узнать причину:

-Почему? Что произойдёт, если я...

Каменный пол накренился, и он заскользил налево.

Берегись! Стена!

По-прежнему крепко держа фрагмент кости, Ульдиссиан схватился свободной рукой за углубление между двумя камнями в полу. Импульс удалось унять. Он крепко держался. Странное дело, но путь позади него казался совершенно нормальным. С величайшей осторожностью Ульдиссиан подался туда.

Пол поменял наклон, и Ульдиссиан покатился к тёмным областям. Это не была работа какого-то умного механизма; единственной причиной, почему пол мог двигаться в стольких направлениях, была магия.

Он сконцентрировался, приказывая полу снова выровняться. Угол наклона уменьшился, а затем вовсе исчез.

Ульдиссиан остался на месте, чтобы отдышаться.

Пол накренился вправо.

Стена, дурак! Берегись сте...

Было слишком поздно. Ульдиссиан, уже находившийся по одну сторону коридора, не имел возможности среагировать, прежде чем его плечо врезалось в стену. Камень в этом месте отодвинулся. Он падал в пустоту...

И миг спустя приземлился на твёрдую, гладкую поверхность.

Вставай! Вставай, болван! - Малик буквально орал в его голове. - *Они идут! Они идут!*

Свирепый скрежет ударил по ушам Ульдиссиана. Инстинктивно он откатился подальше от источника звука.

Тяжёлая секира врезалась в пол рядом с его головой.

Оказавшись на спине, Ульдиссиан заглянул в чёрные впадины, которые были глазами морлу.

Ульдиссиан выбросил руку в сторону безобразной фигуры. С яростным рёвом морлу полетел назад, в конце концов врезавшись в неровную стену вдалеке. Тело пролетело несколько дюжин ярдов, прежде чем ударилось об пол.

Но когда Ульдиссиан, разделавшись с угрозой, поднялся, то видел, что Малик совершенно справедливо использовал слово «они».

Он был в огромном подземном зале, заполненном морлу.

Ульдиссиан был уверен, что Лилит бросила все свои силы на атаку эдиремов. Он бы никогда не поверил, что она оставила так много ужасных существ про запас на случай, если Ульдиссиан избежит её ловушки. Правда, возможно, что она сохранила их для других дел – например, для борьбы с Инарием, странно отсутствующим на протяжении всего этого противостояния.

Какой бы ни была причина, морлу завывали при виде Ульдиссиана и ринулись на него. Словно муравьи, они стекались к незваному гостю со всех направлений. Некоторые махали оружием, другие собирались разорвать его на части голыми руками.

Он забросил фрагмент кости под рубаху и встретил первых атакующих. Ульдиссиан сцепился с морлу на время, как раз достаточное, чтобы его хорошенько ухватить, а затем вывернул воина как раз вовремя, потому что топор другого монстра зарылся глубоко в грудь первого, несмотря на броню.

Отбросив тело, Ульдиссиан послал шар огня во второго атакующего. Существо тут же вспыхнуло – наверное, дело тут было в неживой природе морлу. Ульдиссиан пнул его на другого, после чего повернулся налево, где теперь стоял противник, представляющий самую непосредственную угрозу.

Морлу получил то же, что и самый первый. Под действием сил человека зверь в броне взлетел, а затем упал над потоком лавы по указанию Ульдиссиана. Морлу скрылся с глаз, лава громко зашипела.

Но даже при таком успехе полчище давило всё сильнее. Испустив боевой клич, Ульдиссиан махнул рукой через всю комнату. Земля вокруг него взорвалась, и несколько десятков морлу разорвало на части или отбросило прочь. Ульдиссиан проделал то же самое другой рукой, с тем же драматическим результатом. Он повторил это ещё дважды, расчистив перед собой внушительное пространство.

Тела и части тел морлу в беспорядке лежали повсюду. Ведомый своими раздражением и яростью, не боясь навредить друзьям, Ульдиссиан сумел повергнуть примерно столько же существ, сколько всего напало на его последователей. Он не боялся выживших; Ульдиссиану нужно было только отдышаться, и тогда он очистил бы это место от последних паразитов.

Но затем он увидел, как рука, лежащая на одном теле, съезжает с него и катится к своему бывшему обладателю. Оказавшись возле него, она снова к нему прикрепилась. Ульдиссиан посмотрел в другую сторону, и увидел, как разорванное горло другого морлу зарастает само по себе.

Когда это произошло, что-то показалось из лавы. В раскалённой докрасна броне, с обожжённой плотью морлу, которого он забросил в поток, также направлялся к нему.

Повсюду демонические воины вылеживались и вставали. Это была даже более страшная картина, чем на поле боя, однако Ульдиссиан знал, что они должны были быть связаны между собой.

Это Поцелуй Мефисто поднимает их, но демонесса усилила его,- послышался голос Малика.- Найди чёрный самоцвет в центре! Найди его!

Морлу загораживали ему обзор в этом направлении. Вдохнув, Ульдиссиан ударил в ладоши. Разрушительная волна звука покатила на его врагов...

Там наконец-то он увидел то, что Малик назвал источником восстановления воинов. Светящийся чёрный самоцвет высотой почти с него и вделанный в треугольную колонну из мрамора с вкраплениями красного.

Это он! Он должен быть уничтожен! Быстро!

Но морлу, должно быть, догадались о его намерениях, потому что они неистово накинулись на него, крича и прыгая, и размахивая своим оружием. Они окружили Ульдиссиана.

Несмотря на это, он сосредоточился только на огромном драгоценном камне. По сравнению с Камнем Мира задача оказалась проще. Ульдиссиан обнаружил брешь внутри и направил в это место всю свою волю...

С грохотом, сравнимым с тем, что возникал от столкновения осколков Камня Мира, Поцелуй Мефисто разрушился.

Морлу не замедлились даже тогда. Их ненависть к нему была абсолютной. Из ртов у многих сочилась пена, их крики напугали бы и мертвеца. Морлу жили ради одного лишь полного уничтожения Ульдиссиана.

Как он делал уже прежде, грозный Ульдиссиан махнул рукой перед всей видимой областью. Он разбрасывал морлу налево и направо, запуская их в стены и потоки лавы. Тех, что подбирались ближе, он сжигал огнём или поджаривал твёрдым светом. Когда даже это не смогло сдержать их наплыв, Ульдиссиан стал хватать одного морлу за другим, ломал им горла, шеи и хребты. Клинки наносили ему раны, но он тут же их затягивал. Руки в перчатках, хватавшие его за руки, за ноги или шею, тут же соскальзывали, как с масла.

Прорываясь сквозь ряды морлу, Ульдиссиан представлял себе Лилит. Каждое убийство предназначалось ей.

А затем... А затем не стало морлу, могущих сражаться.

Ульдиссиану потребовалась почти минута, чтобы установить этот изумляющий факт. Вокруг него лежали тела. Казалось, ни один участок пола или пещеры не остался свободен от тел или крови. Однако звери храма не поднимались, чтобы снова вступить с ним в бой. Морлу были мертвы, и на этот раз навсегда.

Хорошо сработано... Ульдиссиан уль-Диомед.

Ульдиссиан хмыкнул – это был первый раз, когда он уловил уважение в голосе Малика. Тем не менее, времени на поздравления не было. Нужно было изловить Лилит.

Поищи наверху, справа. Там ты найдёшь проход...

Указания Малика привели Ульдиссиана к двери. Больше не заботясь о том, чтобы оставаться незамеченным, Ульдиссиан запустил дверь в полёт.

Внутри он нашёл ещё двух морлу, убитых взрывом двери. Ульдиссиан перешагнул тела, уже ощущая, что Лилит близка.

С помощью призрака Малика Ульдиссиан добрался до места, которое дух назвал личными покоями Примаса. Там не было ничего привлекающего взгляд за исключением изящного трона в первой, внутренней комнате. В конце концов, Примас был всего лишь прикрытием для Люциона и его сестры.

Он достиг двери, ведущей наружу, но Малик вдруг снова заговорил. «Держи кость высоко и наготове!- потребовал призрак.- Приготовься её бросить!».

Ульдиссиан весь напрягся. Резкое отличие от прежних инструкций указывало на то, что Малик знал о какой-то серьёзной угрозе снаружи, которую даже сын Диомеда не мог ощутить.

С этими мыслями Ульдиссиан распахнул двери...

«Бросай!» - приказал Малик тоном срочной необходимости.

В равной мере при помощи своей руки и своих сил Ульдиссиан выбросил кость. Она вылетела из покоев Примаса и понеслась по тёмному коридору. Затем, как раз когда Ульдиссиан был готов потерять его из виду, кусочек резко отклонился вправо.

Он слышал, как кость ударилась обо что-то, за чем немедленно последовал вскрик боли. Вслед за этим, в свою очередь, раздался глухой стук, который Ульдиссиан знал слишком хорошо.

Он ринулся к месту происшествия. И точно, фигура в мантии Диалона растянулась в углу. Кровь от раны на лбу отмечала место, куда ударила кость.

Ульдиссиан потянулся было к кости... А затем выпрямился. Она была *здесь*.

-Бедный, бедный дорогой Дюррам! Он так сильно хотел послужить Примасу!

Позабыв о фрагменте кости, он огляделся вокруг. Но как ни старался, Ульдиссиан не мог определить, где именно она находилась. Тем не менее, в конце концов он подумал, что понял, почему это так. Это был главный храм Триединого, спроектированный и построенный в соответствии с ожиданиями Люциона. Конечно же, как и древнее строение, в котором Лилит планировала обратить всех эдиремов, это место располагалось на *звене*, в одной из точек, откуда ангелы и демоны начали создавать мир. Люцион узурпировал силы этого звена для своего храма и поработал над ними, чтобы скрыть зло, неотъемлемое от этого места.

И, маскируя зло Пылающего Ада, эти силы теперь закрывали от него Лилит.

-О, мой дорогой, милый Ульдиссиан!- насмехалась демонесса.- Всегда так близок к победе, всегда готов дать выхватить её из твоих рук...

-Не в этот раз, Лилит!- ответил он, напрягая волю до предела, чтобы найти её.- Не в этот раз!

-Но любовь моя! Твой брат и твои друзья мертвы, а твои драгоценные эдиремы уже маршируют сюда, к себе домой! Разве может быть большее поражение?

На какой-то миг её слова пробудили в нём страх и отчаяние, но затем Ульдиссиан спохватился, кто говорит.

-Довольно твоей лжи. Довольно твоих игр.

С этими словами он бросился вперёд, где, он считал, находилась она.

Внезапно на его пути оказались массивные двери. Ульдиссиан, готовый к любому препятствию, направил свою силу на взрыв, который уничтожил их. Спустя секунду он уже пронёсся мимо этого места.

Он приземлился на ноги и на руки, словно кот... А затем уставился с широко раскрытыми глазами.

Ульдиссиан припал к земле в одном из входов в огромную залу, где верующие собирались перед проповедями их почитаемых жрецов. Он достаточно хорошо знал проектировку других храмов, чтобы понять, он ещё не должен был добраться до этого места. Снова Лилит обвела его.

Высокие, как башни, статуи двух ложных духов нависли над ним. Статуя Мефиса – отца Лилит, Мефисто – почему-то отсутствовала. Наличие пьедестала для неё указывало на то, что однажды она была разрушена. Что-то подсказывало Ульдиссиану, что вряд ли это был несчастный случай.

Помня Тораджу, он продолжал присматривать за двумя оставшимися фигурами. Лилит не просто так заманила его в эту залу. Следовательно, ко всему, что внутри, следовало относиться с подозрением.

Как раз в этот момент её смех заполнил залу.

-Игра окончена, мой дорогой, милый Ульдиссианушка!- крикнула она отовсюду и из ниоткуда.- Ты был просто великолепен, ты превзошёл все мои ожидания, но пора заканчивать – ещё *столько* дел нужно переделать!

Она была здесь... И в то же время её здесь не было. Ульдиссиан проверил каждое направление. Каждый раз он чувствовал, что нашёл её, но затем на то же самое указывало уже другое место.

-Покажись,- взревел он.- Покажи мне, где ты!

-Ну как же, я прямо здесь, любовь моя.

Лилит появилась... И ещё... И ещё, снова и снова. Сотня образов демонессы материализовалась, за ней последовала другая сотня.

То, что они были всего лишь иллюзиями, Ульдиссиану было понятно. Однако когда он попробовал отличить правду от вымысла, все фигуры показались ему прежней Лилит. Ни одна из них не была простой фикцией...

-Подержи меня в последний раз в своих руках,- насмехались они в унисон. Тысяча Лилит сморщили губы. Поцелуй меня в последний раз, любовь моя,- они придвинулись к нему, покачивая бёдрами, непристойно двигая телами.- Иди и ляг со мной в последний раз...

Они не могли все быть настоящими, однако были. Ульдиссиан попытался сосредоточиться, но бой, его личное сражение с морлу... Столько всего произошло, что отняло у него силы и концентрацию. Он знал, что демонесса рассчитывала на это. Ослабленный Ульдиссиан представлял меньшую угрозу для неё и, возможно, по её замыслу, был легче управляем. В конце концов, она всё ещё хотела заполучить его эдиремов, а он был наилегчайшим путём к ним.

Затем Ульдиссиан подумал, что Лилит позаботилась о том, чтобы отправить его в лабиринт и заставила сражаться с морлу внизу. Она ожидала, что он как-нибудь выживет. В этом он был уверен. Это, а так же её ошеломление, когда она материализовалась посреди поля боя, подсказало ему, что демонесса уважала его способности больше, чем делала вид. Вообще-то, Ульдиссиан вдруг подумал, что она даже была немного напугана. Зачем ещё стала бы она выстраивать всю эту изощёренную цепь заклинаний? Неужели Лилит не могла с ним разделаться, как хотела, после того, как забрала его от остальных?

Видимо, нет... Видимо, ей и в самом деле было нужно, чтобы сперва он оказался *существенно* ослаблен...

Толпа Лилит сомкнулась над ним, все они протягивали к нему руки. Ульдиссиан подозревал, что если падёт её жертвой здесь, то ему конец. Он как-то должен был найти одну и единственную Лилит...

В его туманном сознании встал вопрос. Это был главный храм, средоточие жизни секты.

В таком случае где были все те, кто должен был находиться внутри? Лилит послала в джунгли только младших жрецов, надзирателей мира и морлу. Где были прислужники, высшие жрецы, стражники и все остальные, кто заботился о работе храма, но многие из которых не были обученными воинами? До сих пор он видел одного – того, в кого угодила кость Малика.

Внезапно он понял.

И поняв это, Ульдиссиан *приказал* своему разуму увидеть реальность.

Лилит растворились. На их месте стояли верующие. Жрецы, жрицы, прислужники, надзиратели мира и другие. Вся секта стояла перед ним.

Но Лилит среди них не было.

Он должна была быть там. Ульдиссиан напомнил себе, на кого он охотится. Ей ничего не стоило превратить себя в тот самый миг, как он одолел очередную её иллюзию.

Служители Триединого, должно быть, тоже поняли, что они больше не скрыты, потому что они кинулись на него всей безумной толпой. Они всё ещё думали, что служат Примасу, и Ульдиссиан знал, что никакое увещание не поколеблет их веру в этом отношении.

Но ведь здесь и не было никого, кто бы не знал об истинной сущности секты, о том, что на самом деле это культ, следующий чудовищным указам владык Пылающего Ада. Всю его тревогу за этих добрых мужчин и женщин как ветром сдуло. Они-то не заботились о жизнях ни своих последователей, ни невинных, что пришли послушать их «святые» проповеди.

Как он это проделывал с морлу, Ульдиссиан смахнул ряды верующих. Крики разнеслись по всей огромной зале, когда тела полетели во всех направлениях. Одни поднялись высоко в воздух, другие ударились о стены. Ульдиссиан никого не упустил. Все слуги Трёх был отброшены по сторонам в знак неприятия их существования.

Стоять осталась только одна фигура. Неприметный последователь в серо-коричневой мантии.

-Здравствуй, Лилит,- сказал Ульдиссиан.

На этот раз инстинкт самозащиты сработал против неё, но только на миг. Человеческий наряд исчез, и демонесса предстала в своём полном величии. Он подпрыгнула в воздух и зависла в нём.

-Мой дорогой, милый лапушка,- проворковала Лилит.- Ты, должно быть, *так* устал! Странно, что ты всё ещё можешь стоять...

По правде говоря, он *очень* устал. Даже последнее заклинание отняло у него слишком много сил. Лилит же, в свою очередь, казалась сильной и свежей.

-Мне будет не хватать тебя, любовь моя,- продолжила она.- Но всему рано или поздно должен прийти конец! Я...

-Замолчи, Лилит.

-Эй, Ульдисиан...- лицо демонессы помрачнело.- Не надо так разговаривать со мной. Боюсь, на этот раз я могу в самом деле наказать тебя...

И вдруг она оказалась перед ним, с когтями наготове и размахивающим хвостом. Когти одной руки разорвали на нём надежду и кожу, и на этот раз Ульдисиан не мог до конца залечить эти раны. Он хотел упасть, но знал, что не должен этого делать.

Он схватил рукой её запястье, как раз когда она хотела резануть когтями второй руки по его горлу. Он развернул Лилит и запустил её высоко в воздух, целясь в статую Балы. Лилит сильно ударилась о верх статуи, так что голова Балы отвалилась.

Но когда огромный кусок мрамора рухнул на пол, демонесса исчезла и вновь появилась за спиной Ульдисиана. Она выбросила вперёд обе руки, целя в его спину.

Однако Ульдисиан заранее ощутил, где она собралась материализоваться, и успел повернуться. Он схватил её руки и прижал одну к другой, а затем опустил по рукам, чтобы плотнее ухватить запястья.

-Всё кончено, Лилит,- решительно заявил он.

Поднялась дрожь, зашатался весь храм. Те последователи культа, кто ещё находился в сознании и мог двигаться, начали выбегать через выходы. В конце концов, причин оставаться у них уже не было. Истинного Примаса нигде не было видно, и наконец стало ясно, что Лилит ими манипулировала.

-Но постой, дорогой мой, милый Ульдисиан...

Продолжить она не смогла. Огромная мраморная ладонь схватила её, плотно прижимая её руки к бокам. Она стала вертеться и извиваться, но не могла ни исчезнуть, ни выбраться. Ульдисиан не мог позволить этому вновь случиться.

Его дыхание делалось всё более неровным. Нужно было действовать быстро. Ульдисиан даже сам сомневался в том, что сможет спастись, но это будет малая цена.

Ладонь подняла демонессу высоко над ним. Другая рука присоединилась к ней, прижимаясь к первой. Две оставшиеся статуи заключили демонессу.

-Всё кончено,- повторил Ульдисиан, обращаясь к ней.

Лилит склонила голову в знак поражения... И дюжина перьев выбросилась вперёд.

Уже трясущийся Ульдисиан дал своим силам вести его. Чуть ли не сама по себе его рука поднялась. Перед ним образовался золотистый свет.

Перенявший злой приём у её брата Ульдисиан послал перья обратно. Лилит ничего не могла сделать. Где она виднелась, они пронзили её чешуйчатую кожу. Два пера попали в живот, три –

в грудь, ещё несколько – в плечи. Даже в горло.

Зелёная сукровица окропила ладони статуй. Лилит испустила булькающий вздох, но даже после этого не умерла.

-Мой милый Ульдисиан...- воззвала демонесса.- Подумай, каково тебе будет без моих... Моих объятий...

Его выражение не поменялось:

-Чудесно.

Яростный толчок потряс храм. Многие члены Триединого уже бежали, но некоторые ещё выбирались. Чего не понимали ни они, ни те, кто уже выбрался, так это того, что внешние двери всё равно запечатаны.

-Ты помнишь последний раз, когда мы были в подобном месте, Лилит?- умудрился он произнести, не прерываясь для так нужного ему вздоха.- Помнишь ты это?

Она ничего не сказала, но её глаза вспыхнули ненавистью. Её хвост раскачивался взад и вперёд, и это дало Ульдисиану понять, что, несмотря на её состояние, она всё ещё представляет большую угрозу.

-В прошлый раз только благодаря моей сильнейшей воле здание простояло достаточно долго, чтобы мои люди успели уйти.

К этому времени он уже слышал, как те, кто был за пределами залы, кричали и молили, чтобы им выпустили из храма. Их крики пройдут впустую. Ульдисиан позаботился о том, чтобы никто не мог прийти им на помощь.

Он сделал очень глубокий вздох.

-Теперь же, даже если это будет последнее, что я сумею сделать, я разрушу этот храм до основания.

Громыхание усилилось тысячекратно. Трещины подобно огню расплзлись по стенам, потолку и даже мраморному полу. Начали падать огромные куски камня.

-Прощай, Лилит. На этот раз навсегда.

Она зашипела.

Её хвост, растягиваясь до невероятных размеров, опустился до самого низа, чтобы оплести его. Застигнутый врасплох, Ульдисиан упал на спину.

Но его собственное заклинание уже начало приносить плоды. Вся крыша – и все три башни, знал Ульдисиан, – стала рушиться. Сотни тысяч тонн камня и дерева повалились на залу и всё остальное.

Вопли верующих сразу перекрыли даже рёв обрушения.

Лилит тоже завопила, когда Бала и Диалон налетели друг на друга... А в процессе и на её верхнюю половину. Её хвост, спускающийся к Ульдисиану, бешено забился, прежде чем исчезнуть среди камней, оставшихся после уничтожения демонессы.

Ульдисиан больше не мог следить за её судьбой. Он боролся только за выживание. Даже когда на него летели куски, в десять и двадцать раз превышающие его размеры, он изо всех сил старался удержать щит вокруг себя.

Но камень давил всё сильнее, а деяния Лилит выжали из него больше сил, чем он демонстрировал перед ней. Усилие, которое понадобилось для сокрушения огромного сооружения, – это было уже чересчур. Ульдисиан чувствовал, что камень придвигается всё ближе, давит всё теснее...

А затем... Давление ослабло. Ульдисиан воспользовался этим ослаблением и напрягся, чтобы расширить и усилить свой щит. Хотя его тело кричало, чтобы он остался лежать здесь, он заставил себя встать на колени, а затем, когда это удалось, и на ноги.

Только тогда он сообразил, что, не считая оседающей пыли, разрушение закончилось.

Повсюду, насколько хватало глаз, лежали руины. Пыль не давала лучше оценить масштабы вызванного им разрушения, но Ульдисиан ощущал волну эмоций, исходящую от севера. Столица, находящаяся как раз за пределами его физического зрения, почувствовала обрушение и сейчас, без сомнения, наблюдала облако, встающее и затмевающее звёзды. Всадникам не понадобится много времени, чтобы прискакать и увидеть, что произошло. Магические кланы, вероятно, уже знают.

Ноги Ульдисиана подкашивались. Боясь оставить дело незаконченным, он быстро осмотрел область в поисках каких-нибудь признаков жизни Лилит. Спустя мит он ощутил её след на некотором расстоянии от себя... След, который исчез прямо в процессе его наблюдений.

Она была мертва.

Всё было кончено.

Сын Диомеда облегчённо вздохнул... И упал. Его угасающее сознание желало, чтобы он как-то смог вернуться к остальным. Только это было важно – вернуться к ним.

И ты вернёшься... - послышался голос Траг'Оула. - *И ты вернёшься...*

Глава двадцать третья

Было много потерь, но было и много тех, кто должен был умереть, но выжил. Мендельн и Серентия опекали всех эдиремов, чувствуя, что в отсутствие Ульдиссиана им следует выполнять всё, что в их силах.

Несмотря на кровь и все потери, последователей Ульдиссиана осеняла аура радости. Оно одолели своих врагов. Воля последних выживших надзирателей мира и жрецов была сломлена, и они убежали в джунгли. Им было некуда идти – все почувствовали внезапное разрушение великого храма. Ионас, забравшись на дерево, объявил, что видит тёмное облако, затмевающее часть горизонта в этом направлении. Рассвет уже был близок, но никто не испытал нужды в подтверждении его заявления... Ибо сам Ульдиссиан вдруг оказался среди них.

Хотя Ульдиссиан объявился один, Мендельн знал, что дракон помог ему вернуться, – второе невероятное действие со стороны существа, которое с особой тщательностью скрывало своё существование. Воистину, подумал Мендельн, Баланс должен всерьёз нуждаться в Ульдиссиане.

Он и Серентия подошли к Ульдиссиану. Дочь торговца принесла брату Мендельна что-то попить. Ульдиссиан кивком поблагодарил её, после чего, выпив, сколько смог, посмотрел на них двоих и спросил:

-Вы знаете?

-Да,- ответил Мендельн.- Ты свободен от неё.

Но Ульдиссиан покачал головой:

-Никогда,- он вдруг огляделся вокруг.- Ахилий?

Серентия ответила на этот вопрос:

-Он был здесь... А затем исчез. Ни один из нас не видел, как он ушёл.

Мендельн промолчал.

Кивнув, Ульдиссиан протянул к ним руку. С их помощью он поднялся. Вокруг троицы стали собираться эдиремы, без слов призванные Ульдиссианом.

-Триединое разбито,- начал он без предисловий. Существовало ещё несколько малых храмов, но культ зависел от главного храма, был обязан ему своим влиянием. Теперь хорошо зная, как всё устроено, Ульдиссиан знал, что то небольшое, что осталось, вскоре исчезнет.

-Триединое разбито... И теперь на очереди Собор.

Никто не выказал радости. Никто не застонал. Они восприняли оба утверждения как данность, и не более того. Что бы Ульдиссиан ни хотел от них, они постараются достичь этого изо всех сил.

-Приберите мёртвых и пришлите мне раненных,- приказал он дальше.- Потом всем спать,- когда они пошли выполнять, Ульдиссиан посмотрел на брата. Его взгляд скользнул к раненной руке.

Рука Мендельна снова была целой.

-Я объясню,- ответил младший брат.

-Дракон?

-Ратма.

Кивнув, Ульдиссиан спросил:

-Они будут нам дальше помогать? Или мы снова сами за себя?

Мендельн подумал, прежде чем ответить.

-Думаю, они поняли, что должны нам помогать. Думаю, весы качнулись в пользу наших нужд. Баланс потребует этого от них, точно так же, как он требует многого от нас.

Ульдиссиан удовлетворился этим ответом, хотя и не всё из того, что сказал брат, было понятно ему.

-Тогда завтра мы выступаем.

Его брат и Серентия наклонили головы в знак согласия.

-Завтра,- повторили они.

На этом Ульдиссиан отправился помогать своим людям, но, хотя его лицо выражало только гордость и заботу о тех, кто следовал за ним... Лицо Лилит всё время стояло у него перед глазами.

По крайней мере в этом демонесса победила.

Ратма материализовался поверх груды камней, которая когда-то была храмом. Он прибыл, чтобы выяснить, действительно ли умерла его мать. Ратма лучше других знал, какой хитрой лисой была Лилит. Она могла надуть Ульдиссиана, но её сын считал, что она не сумеет проделать то же самое с ним.

Однако когда он взглянул на руины, он нашёл там не больше, чем смертный. Ратма определил место, где должна была быть зарыта Лилит и, прощупав его, нашёл неподвижный труп. От него мало что осталось, и ко времени, когда эта земля будет расчищена – при условии, что Санктуарий всё ещё будет существовать, – ничего нечеловеческого нельзя будет различить.

-Так значит, и впрямь наступила минута прощания,- прошептал он.- Я мог бы сказать, что мне жаль, мама... Но мы знаем правду.

Сказав это, он исчез. Не было времени оплакивать мёртвых, тем более тех, кто не заслужил этого. У Ратмы хватало других забот.

В конце концов, у него всё ещё был отец...

Он ушёл. Она провела даже своего несчастного, неблагодарного сына. Несмотря на все свои ужасные раны, Лилит сумела улыбнуться.

Тело, которое он и Ульдиссиан посчитали её, принадлежало младшей жрице. Лилит умудрилась спастись в самый последний момент; тогда, напрягая волю до предела, чтобы защитить себя щитом, демонесса умудрилась уползти в сторону от разрушения. И всё же даже она должна была признать, что для неё было удачей выжить, не говоря уже о том, чтобы остаться незамеченной этими двумя.

Но Лилит обратит удачу в свою пользу. Она восстановит силу, и на этот раз отплатит Ульдиссиану и его товарищам самыми изощрёнными пытками. Даже её сын узнает, что означает навлечь на себя её гнев...

Тень упала на неё... Тень, от которой демонесса опешила, ибо она ничего не ощущала. Однако Лилит точно знала, кому принадлежала эта тень.

Она попыталась двинуться, попыталась скрыться... Но его сила быстро схватила её.

-Отпусти меня!- прошипела Лилит.- Отпусти меня... Инарий!

ПОСЛЕ ВСЕГО ТОГО, ЧТО Я СДЕЛАЛ, ЧТОБЫ СПАСТИ ТЕБЯ?

-Спасти меня? Ха!- но, уже пытаясь отвергнуть это, демонесса осознала, что он говорит правду. Вся её большая удача имела ужасный смысл, Лилит считала, что в ней повинна она сама, но нет...

Ангел стоял над ней во всём своём великолепии. Лилит одновременно ненавидела и желала его.

ДА, СПАС ТЕБЯ, МОЯ БЫВШАЯ ЛЮБОВЬ! МНОГО СТОЛЕТИЙ НАЗАД Я ПООБЕЩАЛ, ЧТО Я НИКОГДА НЕ УБЬЮ ТЕБЯ, И НИКОМУ НЕ ДАМ СДЕЛАТЬ ЭТОГО!

Однако, по её мнению, он совершил даже худшее. Лилит живо припомнила пустоту, в которой она отбывала заключение до того, как ей посчастливилось бежать.

Шипя, демонесса попыталась атаковать, но проще мухе было одолеть коня. Инарий рассеял её ослабленные атаки как незаслуживающие внимания.

Я ДАЖЕ НЕ ДАЛ НАШЕМУ СОБСТВЕННОМУ ЧАДУ НАЙТИ ТЕБЯ, ИБО ОН ПОСЧИТАЛ БЫ ДОЛГОМ ЗАКОНЧИТЬ ТО, ЧТО ПОСЧИТАЛ ЗАВЕРШЁННЫМ ЧЕЛОВЕК!- капюшон трясся взад-вперёд.- РЕБЁНОК НЕ ДОЛЖЕН УБИВАТЬ СВОЮ МАТЬ, И НЕВАЖНО, КАК НЕБЛАГОДАРЕН ЭТОТ РЕБЁНОК ИЛИ КАК ЗЛА ЭТА МАТЬ... НЕТ, ТОЛЬКО Я, ВСЕГДА ТОЛЬКО Я ОДИН ДОЛЖЕН ВЕРШИТЬ ТВОЮ СУДЬБУ... СУДЬБУ БЕЗ СМЕРТИ, КОНЕЧНО ЖЕ, КАК Я И ОБЕЩАЛ!

-Ос-оставь свои проповеди...

КАК ПОЖЕЛАЕШЬ,- Инарий поднял руку. В ней образовалась блестящая сфера, прозрачная почти до невидимости.

Ужас отразился на лице демонессы.

-Нет! Инарий! Не...

Но в следующую секунду Лилит влетела в маленькую сферу, её размеры стали подходящими ей.

Я ДОБАВИЛ ТО, ЧЕГО НЕ ДОСТАВАЛО В ПРОШЛЫЙ РАЗ,- бесстрастно сказала крылатое существо.- ОШИБКА НЕ ПОВТОРИТСЯ. ПРОЩАЙ, МОЯ БЫВШАЯ ЛЮБОВЬ.

Она плюнула на него, хотя из-за сферы это и не привело ни к какому результату.

-Ты думаешь, Санктуарий принадлежит тебе? Ты увидишь, что наделал этот человек! Он повергнет и тебя, Инарий!

НЕ ПОВЕРГНЕТ, ВЕДЬ ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ МОЕЙ ПОМОЩИ ОН ОДОЛЕЛ ТЕБЯ,- не желая дальше спорить, Инарий добавил.- ПРОЩАЙ, МОЯ БЫВШАЯ ЛЮБОВЬ... ПРОЩАЙ...

Лилит закричала, стала извергать проклятья, но её голос – как и она сама – становился всё меньше и меньше. Вскоре сфера стала размером с горошину.

И затем и вовсе стала незаметной человеческому глазу.

СЧИТАЙ, ЧТО ТЕБЕ ПОВЕЗЛО, МОЯ БЫВШАЯ ЛЮБОВЬ,- сказал Инарий пустоте.- СЧИТАЙ, ЧТО ТЕБЕ ПОВЕЗЛО ПО СРАВНЕНИЮ СО СМЕРТНЫМИ, КОТОРЫЕ ОСМЕЛИЛИСЬ ВОЗМОЖИТЬ СЕБЯ БОЛЬШИМ, ЧЕМ ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ!- он широко распахнул свои изумительные крылья и воспарил в воздух, зависнув над обломками храма ровно настолько, чтобы посмотреть в сторону смертного, Ульдиссиана уль-Диомеда, и его наивных последователей.

ОНИ УВИДЯТ, ЧТО НИЧТО НЕ ПРОИСХОДИТ БЕЗ МОЕГО ПРИКАЗА... НО, КАК И ТЫ, ОНИ УВИДЯТ ЭТО СЛИШКОМ ПОЗДНО...

С этими словами он, никем невидимый, улетел в своё святилище, чтобы решать судьбу этого мира.

Конец второй книги

Об авторе

Ричард Кнаак родился 28 мая 1961 года в Чикаго, в настоящее время часть времени проводит в Чикаго, часть – в Арканзасе. Учился на факультете химии в университете штата Иллинойс, но перевёлся на риторику и закончил со степенью бакалавра. Публикуется с 1987 года, его работы переведены на немецкий, итальянский, французский, датский, японский, испанский, польский, финский, чешский, венгерский, турецкий и русский языки.

Впервые начал интересоваться и читать фэнтези и научную фантастику, когда ему попала в руки книжка «Буря над чародеем» Андре Нортон. Прочитав её запоем, он перешёл к «Созданиям света, созданиям тьмы» и «Хроникам Амбера» Роджера Желязны, а потом к рассказам о Марсе Эдгара Райса Берроуза. Наряду с Эдгаром Аланом По Кнаак считает этих авторов наиболее повлиявшими на его творчество. Его другие любимые писатели: Глен Кук, Лайон Спрэг де Камп, Лоуренс Уотт-Эванс, Гарри Тартлдав, Дженнифер Робертсон, Лорел Гамильтон, Гарри Гаррисон и Роберт Сойер.

Ричард Кнаак – самый продаваемый автор по версии New York Times, написавший несколько десятков романов, в том числе трилогию «Война Древних» по вселенной Warcraft и «Легенду о Хуме» по вселенной Dragonlance. Не новичок в мире Diablo, помимо саги «Война Греха» он написал три отдельных романа по миру, включая «Луну Паука». Другие его работы включают его собственную серию Dragonrealm, «Войны минотавров» по Dragonlance, трилогию «Век Конана» и «Трилогию солнечного родника» – первую мангу по Warcraft.

Связаться с Ричардом можно через его веб-сайт: <http://www.richardaknaak.com>. Хотя он и не может ответить на каждое электронное письмо, он читает их. Подпишитесь на его рассылку уведомлений о выходящих книгах и появлениях на публике.

Только для ознакомительного чтения. Все права на книгу принадлежат её автору и компании Blizzard Entertainment.

Подготовил ExileLiNk(exilejude), специально для сайта:

<http://indiablo.ru/>

Автор перевода: D@mmu

2012

